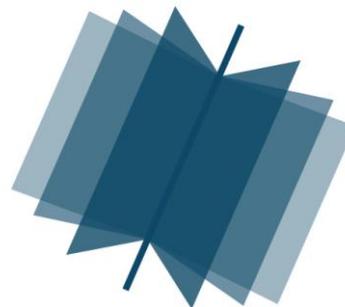

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№4 (46) 2016
Часть 4
Апрель**

Подписано в печать 18.04.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26133
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам XLIX заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии СС поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. нау, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

ТОПОНИМ В НАИМЕНОВАНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ СЫРОВ.....	6
THE ORIGINALITY OF WAYS OF LITERATURE OF “METROPOL” AND ABROAD	9
ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ.....	11
РОЛЬ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ПРОИЗВЕДЕНИИ АЛИМА КЕШОКОВА «ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ».....	13
ФОРМЫ ЭПИЗАЦИИ В ПОЭЗИИ АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО) ЗАРУБЕЖЬЯ	15
ПАУЗА В ЗВУЧАЮЩЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	18
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕЧЕНСКИХ СОБЫТИЙ В ПОВЕСТИ ВАСИЛИЯ ДВОРЦОВА "ТОГДА, КОГДА СЛУЧИТСЯ"	21
РЕЧЕВЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ИТОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АБИТУРИЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	27
КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НАВИГАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «НОВОЙ ЕВРОПЫ»	30
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ	36
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	39
INFERENCE AS A “LIVE” PEG OF COMPREHENSION (PSYCHOLINGUISTIC APPROACH).....	42
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ, ОТНОСЯЩИМСЯ К ФСП «МУЗЫКА», В АНГЛИЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ).....	43
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИГУРЫ РЕЧИ СРАВНЕНИЯ В РАССКАЗЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЛИНГЗОРА» (НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТВОРЧЕСТВО»).....	46
ТИП СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПОЭЗИИ А.МАРИЕНГОФА 1920-Х ГОДОВ.....	50
МОТИВ НЕПРИКАЯННОСТИ В ПОВЕСТИ З. КАНКУЛОВА «ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ»	54
ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ МАЛОЙ ПРОЗЫ Т.Н. ТОЛСТОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ И ЭССЕ «НЕ КЫСЬ»).....	56
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ – ОДНО ЛИРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ (НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ И ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ).....	58
ТРАДИЦИИ БОБОРАХИМА МАШРАБА В ТВОРЧЕСТВЕ ХОДЖАНАЗАРА ХУВАЙДО	61
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ДЕТСКИМ ЧТЕНИЕМ, В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	64
THE COMPLEX OF COGNITIVE-SEMANTIC OPERATIONS IN THE DESCRIPTION OF EXPLICIT МАКРОПРОПОЗИЦИОНС.....	67
SEMІОТИС RESULIARITIES OF EPITAPH.....	69
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЗАИЗАЦИИ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ	71
ЭЛЕМЕНТЫ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ ОБЩЕНИЯ КАК ЗНАКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	75
ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ.....	79
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД АЛЬФРЕДА ЛОРЕНЦЕРА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА	82
ВОЗРАСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ЮНОСТЬ» И «ADOLESCENCE» В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ	85
ЭКФРАСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗА ЦАРСКОГО СЕЛА В ПОЭМЕ Н. ОЦУПА «ВСТРЕЧА»	87
СПАЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И СПАЦИАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ШОС.....	91

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОЙ ТОЛПОЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	94
ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД: ОБРАТИМОСТЬ СИНГУЛЯРНОСТИ В ЦИКЛАХ КОНДРАТЬЕВА	96

ИНЖЕНЕРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	98
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	100
МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	104
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ	107
КУЛЬТУРА СТЫДА – СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ И НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ТАДЖИКСКОГО МЕНТАЛИТЕТА	109

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.107

Арсентьева М.В.

Кандидат филологических наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

ТОПОНИМ В НАИМЕНОВАНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ СЫРОВ*Аннотация*

В статье ставится задача определить, как в структуре значения наименования сыра отражается его географическая составляющая. Анализ показал, что географический компонент названий французских сыров является их самой распространенной характеристикой и в большинстве случаев эксплицитен. Географический компонент может быть имплицитен. В развитии данных наименований наблюдаются два разнонаправленных процесса: компрессия и расширение.

Ключевые слова: географический компонент, наименование торговой марки, расширение.

Arsenteva M.V.

PhD in Philology,

St-Petersburg State University

TOPONYM IN THE FRENCH CHEESE'S DENOMINATIONS*Abstract*

The article considers the representation of the geographical component in the semantic structure of the French cheese's denomination. The geographical component in the cheese's denominations is most part explicit, but may be implicit. In the evolution of the cheese's denomination there are two activities: enlargement and compression.

Keywords: geographical component, brand name, enlargement.

В последнее время кулинария и гастрономия оказываются в орбите внимания не только рестораторов, но и лингвистов, которые активно изучают глоттонический дискурс, гастрономический аспект языковой картины мира, наименования продуктов питания и блюд. В отечественной лингвистической науке вопрос о наименованиях продуктов начинают изучать под новым углом зрения. Справедливости ради стоит сказать, что в данном вопросе отечественные лингвисты (О.В.Глухова [1], К.А.Дзюба [2], В.Ю.Кожанова[3], М.Е.Новичихина [4], Т.Л.Романова [5], Н.А.Стадульская [6], Яковлева О.Е.[7] и др.) идут в форватере, проложенном западными учеными, такими как Р.Баттерс[8], К.Февр-Перме[9, 10], П.Карлен[11], К.Лалан-Гобэ[12] и др), которые оказались в реальности рыночных отношений и конкуренции намного раньше советских и российских лингвистов и начали изучать наименования продуктов как наименования торговых марок.

Наименование торговой марки (НТМ) - это имя собственное товара. Оно популяризирует товар определенного изготовителя и в спорных случаях является его защитой в суде, поэтому исследования НТМ носят междисциплинарный характер. НТМ имеют 2 функции: номинативно-дифференцирующую и экспрессивно-прагматическую. Это значит, что любое имя ТМ одновременно служит для идентификации товара среди ряда похожих товаров и для оказания на потребителя этого товара эмоционального воздействия. То есть подходы к изучению НТМ могут быть абсолютно разными: с одной стороны они являются предметом изучения судебных лингвистов в связи, например, с проблемой плагиата НТМ, с другой – предметом изучения лингвистов, занимающихся вопросами рекламы.

Часто по истечении определенного отрезка времени НТМ превращается из имени собственного в имя нарицательное, то есть наименование торговой марки превращается в наименование продукта. В связи с зыбкостью границ между НТМ и именем продукта, в этой статье вопрос о разграничении имени собственного и имени нарицательного оставляется за скобками. Однако, именно номинативно-дифференцирующая функция НТМ является движущей силой развития наименования продукта.

Гастрономический аспект языковой картины мира формируется под влиянием разных факторов. В числе этих факторов одно из главных мест занимает географический фактор. С одной стороны, географические условия во многом определяют гастрономические пристрастия населения. Но география проявляет себя и с другой стороны. В отличие, например, от парфюмерной продукции, для таких продуктов как вина и сыры, название места, где произведен тот или иной сорт, служит их наименованием. Это происходит потому, что место производства этих продуктов играет первостепенную роль в создании и определении их самобытных качеств: состав почвы, климатические условия - влажность, солнечная освещенность, количество дождливых или солнечных дней в году и т.д. - влияют на вкусовые качества продукции. Географическая широта определяет также возможность выращивания определенных пород коров. На вкусовые качества продукции влияет также и человеческий фактор в лице местного населения, хранящего и передающего из века в век традиции, технологии и рецептуры.

Франция – это страна, в которой на огромной территории есть благоприятные условия для животноводства, молочного производства и, в частности, производства сыра. Сыр считается национальным достоянием французов. Множество высказываний и пословиц подтверждают это положение. Например, генералу де Голлю приписывают следующее высказывание: «Как можно управлять страной, в которой есть 246 сортов сыра!». В настоящее время видовое разнообразие сыров представлено более чем тысячью наименований.

В статье ставится задача определить, как в структуре значения наименования сыра отражается его географическая составляющая. В семантической структуре значения наименования сыра в числе множества компонентов (таких, как, например, вид молока – коровье, козье, овечье; текстура – мягкий или твердый; вареный или нет, с плесенью или без и др.) можно выделить так называемый географический компонент «место производства».

Для подавляющего большинства французских сыров топоним, называющий место их производства, становится их наименованием. Анализ 1000 наименований французских сыров позволил выделить следующие группы. Первую группу составляют наименования сыра, образованные от топонимов, которые не подверглись никаким изменениям и редуцициям, в основном, названий населенных пунктов, так называемых ойконимов, например: pont-l'Évêque (chef-lieu de canton du Calvados), livarot (commune du département du Calvados), morbier (commune du département du Jura), maroilles (ville du Nord);

Вторую группу составляют наименования, образованные от редуцированных топонимов. Такие редуцированные наименования приобретают наиболее популярные и известные сыры, например: roquefort от Roquefort-sur-Soulzon (commune d'Aveyron), Neufchâtel от Neufchâtel-en-Bray (localité de la Seine-Maritime), comté от Franche-Comté.

Третья группа состоит из наименований, образованных от деривата топонима, например: Charolais от Charolle, Mâconnais от Mâcon.

В четвертую группу можно включить составные наименования, присоединяющие топоним к какому-нибудь слову. Слова, присоединяющие топоним, можно разделить на следующие подгруппы. Во-первых, это слова, указывающие на вид животного, из молока которого производится сыр. Например, указание на козье молоко содержится в наименованиях chabichou du Poitou, cabécou du Périgord, chevrotin du Vernet (причем в названиях мы видим региональные слова, в частности, окситанские и провансальские), коровье - vacherin du Haut-Doubs, овечье - brebis du Lochois. Другую подгруппу слов, присоединяющих топоним, составляют слова, называющие форму сыра. Здесь следует подчеркнуть, что компонент значения «форма сыра» - это второй по значимости после географического компонент. И это неудивительно. Ведь само французское название продукта fromage (да и не только французское) – происходит от латинского слова «forma». Какой только формы не бывает французский сыр! И формы пирамиды (pyramide), шара и шарика (boule, boulette), куба (carré), полена (bûche), и сердца (coeur), и пробки (bondon) и других, более неожиданных форм. Например: crottin de Chavignol (формы овечьего помета), boulette de Cambrai, bûche du Vercors; carré de Bonneville, ravé d'Auge. Еще одну подгруппу слов, присоединяющих топоним, составляют слова, называющие определенное качество сыра, например, сыры с плесенью из коровьего молока называются bleu, например: bleu d'Auvergne, persillé du Beaujolais. Топоним присоединяют к себе названия монастыря: trappe de Timadeuc, abbaye de Tamié. И последнюю подгруппу слов, присоединяющих топоним, составляют экспрессивно окрашенные, метафоричные названия, например: délice de Bourgogne (бургундское наслаждение), arôme de Lyon (лионский аромат), régal de Bourgogne (бургундское пиршество).

В последнюю группу мы включили наименования, в семантической структуре значений которых, географический компонент имплицитен. Например, название reblochon происходит от диалектизма reblosser (pincer) и указывает на савойский сыр. Словом bondon (уменьшительное от bonde – пробка бочки) называют нормандский сыр Neufchâtel, который имеет форму пробки бочонка. Название angelot употребляется для нормандских сыров, в частности, для pont-l'Évêque, и является результатом деформации слова augelot, происходящего от географического названия la vallée d'Auge. Названием fourme обозначают, как правило, овернские сыры, имеющие цилиндрическую форму, picodon и rélargon- аквитанские сыры.

Из тысячи сортов французских сыров 45 имеют подтвержденное название происхождения - сертификат, подтверждающий место производства и качество продукта, произведенного с соблюдением определенных технологий и рецептур - АОС (appellation d'origine contrôlée). За право на торговую марку между производителями ведутся споры. Из-за конкурентной борьбы при номинации популярных продуктов возникает необходимость уточнения названия.

Известный сыр камамбер, родившийся в эпоху Французской революции, получил название по имени нормандской деревни. Для его производства требуется определенного вида закваска, секрет изготовления которой тщательно охраняется. Но даже на российских прилавках появлялся камамбер в алюминиевых коробочках, произведенный где-то в Германии и который можно хранить больше полугода, в то время как истинный нормандский камамбер хранится не более двух недель, фасуется в деревянных коробках определенного размера. Производители озабочены появлением на рынке конкурирующей продукции и вынуждены защищать свою продукцию с помощью названия. Имя сыра «камамбер» уже утратило связь с топонимом - названием нормандской деревушки, оно ассоциируется прежде всего с определенными вкусовыми качествами, но производители, чтобы сохранить за собой исключительное право на его изготовление, напоминают потребителю о месте производства истинного сыра – провинцию Нормандия и обновляют название присоединением к слову camembert название провинции Normandie. Так получилось новое название с уточнением – Camembert de Normandie. В настоящее время в Нормандии только 5 коммун закрепили за собой право называть свой продукт Camembert de Normandie. Кроме того, фермеры, имеющие право его изготавливать, выпускают его под собственным наименованием торговой марки, например, есть камамбер под маркой Bourdon – фамилии его изготовителя, а сыр ливаро - под торговой маркой Lanquetot. Известный сыр бри, названный по имени области Brie в парижском бассейне, получает расширение и предстает с названием Brie de Meaux и Brie de Melun, где Melun и Meaux - астионимы.

Подведя черту, можно сказать, что потребность в обновлении наименования возникает тогда, когда наименования сыров (это касается самых популярных сыров) утрачивают связь с первоначальным названием места производства – так появляется расширенное составное наименование, напоминающее о происхождении продукта.

Есть еще одно наблюдение. Географические названия, указывающие на место производства сыра, это прежде всего населенные пункты – деревни, города, районные центры, коммуны, кантоны, департаменты, регионы, провинции. Но в некоторых географических названиях есть как бы второе дно: известно, что французские департаменты носят названия либо горного массива, либо протекающей по его территории реки. Поэтому, можно сказать, что, например, Cantal - ороним (слово, называющее рельеф местности) и означает в первую очередь горный массив, затем название департамента и только потом название сыра. В последнем случае «канталь» как название сыра из имени собственного превращается в имя нарицательное, фигурирует в словаре Trésor de la Langue Française, пишется с маленькой буквы, имеет множественное число des cantals.

Проведенный анализ показал, что географическая составляющая названий французских сыров является их самой распространенной характеристикой и в большинстве случаев эксплицитна. Однако географический компонент может быть и имплицитен. В развитии данных наименований под воздействием экстралингвистических факторов наблюдаются два разнонаправленных процесса: компрессия и расширение.

Литература

1. Глухова О.В. Ономастические и лингвокультурологические характеристики словесных товарных знаков: Автореф. дис....канд.филол.наук: 10.02.19.- теория языка. – Ростов н/Д., 2010. -19 с.
2. Дзюба К.А. Способы формирования наименований торговых марок (на материале английского, русского и французского языков): Автореф....дис.канд.филол.наук 10.02.19 – теория языка. – Тамбов., 2014. -19 с.
3. Кожанова В.Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русского языков): Автореф.дис....канд.филол.наук. Краснодар, 2007. -20 с.
4. Новичихина М.Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен:разграничение понятий// Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. -№1. С.165-170.
5. Романова Т.Л. Система способов словообразования рекламных собственных имен// Вестник СамГУ – 2007. - №5/2(55). – С.204-214.
6. Стадильская Н.А. Функционально-прагматическая направленность и лингвистический статус товарных знаков (на материале английского языка): Дис....канд.филол.наук: 10.02.04.-германские языки. – Пятигорск, 2003. 187 с.
7. Яковлева О.Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания): Автореф. дис.... канд.филол.наук: 10.02.01. – русский язык. - Новосибирск, 2006. -21 с
8. Butters R. A linguistic look at trademark dilution//Santa Clara Computer@High Technology Journal – UK: Santa Clara University School of Law, 2007-2008.-Vol.24.- №3. – P.507-519.
9. Fèvre-Permet C. Les noms de produits diététiques: étude linguistique // Mémoire de maîtrise. –Toulouse: Le Mirail, 2000. – P.25-37
10. Fèvre-Permet C., Roché M. Quel traitement lexicographique de l'onomastique commerciale? Pour une distinction Nom de marque/Nom de produit. – Paris: FrPublié, 2005. – 18 p
11. Karlen P. The Art of Naming: NEONYM Creative Guide to Selecting Names and Trademarks. – La Jolla: Metamark: 2008. – 320 p
12. Lalanne-Gobet C. Créer un nom de marque et un nom de domaine. - P., 2009. – P.160.

References

1. Gluhova O.V. Onomasticheskie i lingvokul'turologicheskie harakteristiki slovesnyh tovarnyh znakov: Avtoref. dis....kand.filol.nauk: 10.02.19.- teoriya jazyka. – Rostov n/D., 2010. -19 s.
2. Dzjuba K.A. Sposoby formirovanija naimenovanij torgovyh marok (na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo jazykov): Avtoref....dis.kand.filol.nauk 10.02.19 – teoriya jazyka. – Tambov., 2014. -19 s.
3. Kozhanova V.Ju. Lingvisticheskie osnovy naimenovanij brendov (na primere anglijskogo i russkogo jazykov): Avtoref.dis....kand.filol.nauk. Krasnodar, 2007. -20 s.
4. Novichihina M.E. Kommercheskoe nazvanie, reklamnyj tekst, brend, tovarnyj znak, nomen:razgranichenie ponjatij// Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. – 2004. -№1. S.165-170.
5. Romanova T.L. Sistema sposobov slovoobrazovanija reklamnyh sobstvennyh imen// Vestnik SamGU – 2007. - №5/2(55). – S.204-214.
6. Stadul'skaja N.A. Funkcional'no-pragmaticheskaja napravlennost' i lingvisticheskij status tovarnyh znakov (na materiale anglijskogo jazyka): Dis....kand.filol.nauk: 10.02.04.-germanskie jazyki. – Pjatigorsk, 2003. 187 s.
7. Jakovleva O.E. Semioticheskie tipy pragmatonimov sovremennogo russkogo jazyka (na materiale nominacij produktov pitaniya): Avtoref. dis.... kand.filol.nauk: 10.02.01. – russkij jazyk. - Novosibirsk, 2006. -21 s
8. Butters R. A linguistic look at trademark dilution//Santa Clara Computer@High Technology Journal – UK: Santa Clara University School of Law, 2007-2008.-Vol.24.- №3. – P.507-519.
9. Fèvre-Permet C. Les noms de produits diététiques: étude linguistique // Mémoire de maîtrise. –Toulouse: Le Mirail, 2000. – P.25-37
10. Fèvre-Permet C., Roché M. Quel traitement lexicographique de l'onomastique commerciale? Pour une distinction Nom de marque/Nom de produit. – Paris: FrPublié, 2005. – 18 p
11. Karlen P. The Art of Naming: NEONYM Creative Guide to Selecting Names and Trademarks. – La Jolla: Metamark: 2008. – 320 p
12. Lalanne-Gobet C. Créer un nom de marque et un nom de domaine. - P., 2009. – P.160.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.062

Бакова З.Х.¹, Вологирова А.А.², Ойтова Ф.М.³

¹ORCID: 0000-0002-2777-380X, Доктор филологических наук, профессор; ²магистрант, ³магистрант, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Бербекова Х.М.

О СВОЕОБРАЗИИ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ «МЕТРОПОЛИИ» И ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация

В статье авторы акцентируют своё внимание на наиболее спорных вопросах литературы «метрополиии» и зарубежья: каким образом проблема диаспоризации коснулась адыгов; что послужило причиной возникновения столь обширной адыгской диаспоры за рубежом; и в какой мере творчество того или иного зарубежного писателя адыгского происхождения сопоставимо с национальной художественной культурой.

Исследование окажет методическую помощь магистрантам, изучающим спецкурс «Литература адыгского зарубежья».

Ключевые слова: литература адыгского зарубежья, национальный облик, образ жизни.

Bakova Z.H.¹, Vologirova A.A.², Oytova F.M.³

¹ORCID: 0000-0002-2777-380X, PhD in Philology, professor, ²Undergraduate, ³Undergraduate, Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov J.M.

THE ORIGINALITY OF WAYS OF LITERATURE OF "METROPOL" AND ABROAD

Abstract

The authors emphasize its focus on the most controversial issues of literature "metropolis" and abroad: how the problem diasporization touched Circassians; that was the cause of such a vast Adyghe diaspora abroad; and to what extent the work of a foreign writer Adygeyan origin comparable to the national artistic culture.

The study will provide methodological assistance to undergraduates studying course "Adygeyan foreign literature."

Keywords: Adyghe literature abroad, national identity, a way of life.

The history of culture and literature abroad Adygeyan contains a solid socio-historical formation: Statistics deportees and scattering problems ingrowth Circassians in the cultural environment while preserving the national identity and way of life, etc.

Emigration and Diaspora lived and worked many national artists, functioned charities, published newspapers, magazines, books.

In today's world (and it could not but reflect on the literary criticism), there are two main trends: the tendency to blur the boundaries set by class or ideological principle, which is not the opposite of the trend to establish the boundaries of the new, based on the principles of awareness of national identity, resurrection and strengthening the national consciousness of races and ethnic groups.

The need for a new look at the history of the Adyghe literature was due to democratic changes 90 years, to dispel the thick haze that lay over a century in our relationship with the countries and peoples of the Middle East and Southwest Asia. This fact has slightly opened a thick veil and gave us the opportunity to more thoroughly acquainted with the work of our fellow-writers, the Circassian diaspora, with the Emir of Arabic poetry al-Baroudi, classics from Turkish and world literature Ahmed Midhat, Ömer Seyfettin modern talented writers Osman Celik, Muhadin Quandour, Kadyr Nath, Shaban cubes and many others.

Literature as an indispensable component of the cultural environment, of course, is not only deserves, but also requires the most careful consideration. However, for it to be truly complete, you must not only be considered in the same contextual space Adyghe, Kabardian and Circassian literature (such three "pieces" Adyg literature "cut" at the I Congress of the USSR Union of Writers). We must podverstat to the context and the literature that has been created and is created Circassians, by the will of fate, found themselves abroad.

Development of culture and, in particular, literature - the dialectical process. It is impossible to state categorically that the time (it was the time!) Isolation of national culture (or part thereof) is uniquely her detriment. After all, every single creator feels the need for solitude, for solitude and freedom are necessary conditions for creativity. On the other hand, having reached a certain outcome, the creator of the same immutability feels the need to go public, to assess the audience, fellow writers, critics. One can easily imagine that some parts of the literary stream are arranged similarly to his private jets.

Achievements Adyghe diaspora would be completely useless to the root, that is produced in the historic homeland of literature, if we, as before, remained in cultural isolation from each other, but the changes that have occurred both in Russia and in other countries, have allowed we begin the process of reunification. This, of course, is not about leveling cultures - we are talking about their mutual enrichment - or rather about finding a qualitatively new status Adyghe literature, taken in the unity of all its branches - Adyghe, Kabardian, Circassian and founded the Diaspora.

Of course, this process is not one-sided. Getting acquainted with the creative achievements of foreign colleagues, we do not just have to experience a genuine pride in our, so to speak, pets luck. The foreign Circassians have much to learn from masters such words as Alim Keshokov, Zuber Thagazitov Boris Utizhev, Habas Beshtokov, Aflik Orazayev, Abdulcherim sones, Zarema Kugotova and others.

However, the division into "ours" and "not ours" - it's just that at the moment has exhausted itself and needs to be recognized as an anachronism. Geographical fragmentation may not cause us to be strangers to each other. Otherwise it would have been groundless and do talk about the literary community.

What and how this community achieved? First of all, in our opinion, the stability of artistic view of the world, provided that the multilingual writers more or less equally clings to the inexhaustible source of "adygstva" - Adyg to folklore, to the Nart sagas.

The developed system of genres Adyghe folklore since ancient times is a means of artistic expression of the spiritual culture of the Circassians. Folklore does not destroy any decisions of the Party and government. We first focused and

absolutely deliberately destroyed the roots of their cultural traditions, and then began to wonder that the tree does not bloom. Today, we were witnesses of what has resulted, the systematic destruction of their own roots and cultural memory. Leading scientific debates about the languages merger of the rapprochement of cultures the concepts of a unified all national literatures of socialist realism, many politicians, artists have tried to paint the same color all the bouquet of the literatures and cultures of the peoples of the USSR, to unify the diversity of literature, not without reason, beware of "seditious "concepts: national identity, national character, national artistic consciousness. As it was not dry up the roots, windswept when the native language is taught only as a subject, and then once a week, and in primary school has been canceled?

It all started it much earlier, when, unfortunately, due to the well-known events of the first half of the XIX century in the Caucasus, the Adyghe (Circassian) people were scattered around the individual states (Russia, Turkey, Syria, Jordan, Israel, the USA and others) and its culture for a long time developed a variety of ways, not touching at all, or not in contact as often as you like.

This naturally gave rise to numerous debates, literary scholars of foreign authors belonging to the people, to whom leave their roots, or to the people whose books have enriched it with their creativity.

In our view, this issue should be approached very carefully, and differentiated. This should not take the author and his work as a single, indivisible whole. Religious people - it is a constantly evolving substrate. It changes with time, under the influence of the environment, public events, scientific discoveries, etc. This is best seen in the works of writers and poets, which the Almighty has given a long career.

An example is the work of the founder of the Turkish literature, the first novelist of the Ottoman Empire, educator and philosopher Ahmed Midhat, whose views have changed many times throughout his life. However, making a huge contribution to Turkish literature, it is a lot of works devoted to it Circassians, their history and worldview, as in his time, perhaps only foreign Circassian writer who has never hidden his adygskih roots, has not released any product without signing Circassian him his name - Hagur. Moreover, he was the author of the first truly Adygeyan novel "Caucasus", so it can be argued that in itself it is combined and the first novelist of the Ottoman Empire, and the founder of the Turkish drama, and it did not stop him until the last days of life remain Adygea, and openly, despite all the trouble and inconvenience, which could bring him in this circumstance far adverse times that experienced when the Ottoman empire, more precisely, the "aliens" living in it.

And a completely different position taken Ömer Seyfettin, the former consistent pan-and I wish all the people from other countries (including the Circassians) turn to the Turks, to oblige them to speak only Turkish, strictly follow the Islamic religion and have a purely Turkish education. Ömer Seyfettin is the author of the situation, talk about the need to unite all Turks into a single empire stretching "from the Adriatic coast to the borders of China." He regarded them as a people chosen by God. We believe that in the process of Turkishizing small nations (including Circassians) Ömer Seyfettin important role belongs to (among other things, the Turks, and still consider it one of the most prominent representatives of the nation).

Thus, even on the basis of the above examples, we consider it necessary to focus attention on the need for a differentiated approach to the issue of affiliation of a worker of culture to culture it Circassian: sometimes education and habitat of the author, has a strong tribal roots, and therefore each case should be considered separately.

On this basis, it is clear that as a methodological basis of research should be elected detailed literary analysis of creativity of individual representatives of the Circassian diaspora and their comparison with the works of those authors who created their works in their historical homeland, in terms of relationship in the field of folk roots, themes and style - in this case, regardless of the language in which to create certain works. We do not aim to make mandatory all the poets and writers of the foreign diaspora Circassians. We want to first of all find out how the problem diasporization touched Circassians; that was the cause of such a vast Adyghe diaspora abroad; as shown by the Circassians themselves in those countries where there were by force of circumstances, and to what extent the work of a foreign writer Adygeyan origin comparable to the national artistic culture.

Return Heritage Adyghe diaspora and exile in Adyg culture into the public consciousness requires first and foremost the development of the entire volume of unpublished documents. Therefore, special attention is paid to the tasks of sources. The study was conducted on the basis of archival materials of the largest archival collections in Russia, Turkey, Syria, Jordan, and the CBD.

References

1. Bakova Z. Edinstvo naroda – edinstvo literatury. Nauch. izd. Majkop, izd-vo MGTI, 2002. 126 s.
2. Bakova Z. Formirovanie i razvitie literatury adygskogo (cherkesskogo) zarubezh'ja i ejo hudozhestvennoe svoeobrazie: Avtoref. dis. dokt. filolog. nauk. – Majkop, 2002. – 43 s.
3. Bakova Z. Tvorchestvo pisatelej adygskogo zarubezh'ja. Ucheb. pos. Min – vody: Prais media. 2013, 68 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.065

Бакова З.Х.¹, Унатлоков В.Х.²¹ ORCID: 0000-0002-2777-380X, Доктор филологических наук, профессор, ² кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Бербекова Х.М.**ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ***Аннотация*

Статья посвящена вопросам изучения поэзии адыгской (черкесской) диаспоры в Турции; исследуется творчество адыгского поэта турецкого происхождения Эргина Гунджера. Предпринимается попытка анализа стихотворения поэта с символическим названием «Рассвет».

Затрагивается творчество классика адыгской литературы Али Шогенцукова, который создал бессмертные свои творения в Турции.

Этот материал поможет студентам старших курсов и магистрантам, изучающим литературу адыгского зарубежья.

Ключевые слова: адыг, поэтическое возрождение, лирика, диаспора, историческая родина.

Bakova Z.H.¹, Unatlokov V.Kh.²¹ ORCID: 0000-0002-2777-380X, PhD in Philology, professor, ² PhD in Philology, Associate professor, Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov J.M.**POETIC RENAISSANCE OF ADYGHE DIASPORA IN TURKEY***Abstract*

The article is devoted to studying the poetry of the Adyghe (Circassian) diaspora in Turkey; studied creative Adygeyan poet of Turkish origin Ergin Gundzhera. An attempt to analyze the poem of the poet with the symbolic name "Dawn".

Creative touches upon classical literature adygskoj Shogentsukova Ali, who created the immortal their creations in Turkey.

This material will help senior students and undergraduates studying abroad literature Adygeyan.

Keywords: Circassian, poetic revival, the lyrics, the Diaspora, the historical homeland.

Поэтическое возрождение адыгской (черкесской) диаспоры в Турции относится к середине прошлого (20-го) века, ко времени, когда были внесены существенные поправки в конституцию страны, предусматривающие право граждан на свободу слова независимо от национальности. В Стамбуле стала выходить газета «Вершины Кавказа» – (1951–1953), журналы: «Кафкас дергиси» (1953 г.), «Кафкас Меджмуасы» (с 1954 г.), «Ени Кафкасы» (с 1956 г.). В вузах Анкары и Стамбула в то время училось много прогрессивной адыгской молодежи. Поэт Мулид Аталай (Инамук, г.р. 1946) так вспоминает о тех годах: «Наши квартиры превратились в места встречи молодежи. Мы спорили, противопоставляли социализм и капитализм, провозглашали верховенство интересов народа, его языка и культуры, пытались найти пути воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма. Споры наши часто заканчивались ссорами. Иначе и быть не могло: турецкая пресса, служившая интересам власти (как и всякая другая пресса), неустанно твердила, что «Турция – только для турок». Были среди нас и те, которые начали поддаваться этой блажи. «На что нам теперь адыгский патриотизм, адыгский этикет? Пора водрузить знамя Турции над Эльбрусом!» – говорили некоторые». И тут, подобно разорвавшейся бомбе, вышел в свет сборник стихов Эргина Гунджера «Умереть молодым» [1].

«Строки его стихов были словно вырваны из наших сердец, – так охарактеризовал восприятие стихов Гунджера в среде черкесской молодежи Мулид Аталай. – Он сумел донести до душ многих своих юных соотечественников зов далекой Родины. Ответы на многие вопросы, мучившие нас не один день, мы нашли в книге «Умереть молодым». Слова умного человека упали зернами на благодатную почву наших сердец» [1].

Эргин Гунджер (1938–1983) – как видим, он сам последовал предсказанию, прозвучавшему в названии его книги, издал всего один сборник стихов, но, как мы знаем, есть поэты, кого даже одно стихотворение делает знаменитым. К примеру, если бы классик адыгской литературы Али Шогенцуков написал бы только одно стихотворение «Нанэ» («Матери»), известное многим адыгам с детства, то всё равно он был бы знаменитым на очень долгое время. Первое поэтическое произведение сделало Али любимым поэтом всего народа. Энергетика, исходящая от прочтения стихотворения очень сильна, а эмоциональное воздействие на умы огромно, и влияние его (стихотворения) не только на живущих на своей родине адыгов, но и наших соотечественников, волею судьбы, оказавшихся в Турции, активно. В подтверждении к сказанному приведём такой пример: приуроченная к 115-летию со дня рождения поэта (2015 г.), специально была организована поездка студентов и творческой молодёжи КБГУ в Стамбул по местам, где жил (2 года) и творил Али Шогенцуков, где были написаны знаменитое стихотворение «Нанэ» и др. А видео с записью «Нанэ» в You Tube, в исполнение турецкого адыга, имеет десятки тысяч просмотров.

Стихотворение «Нанэ» было написано им в 1917 г. в Стамбуле. Будущему поэту было тогда 17 лет. Родился Али Шогенцуков в Старой крепости (ныне город Баксан) Кабардино-Балкарии. В 1914 году после окончания сельской школы поступил в Баксанскую духовную семинарию (медресе), но был исключён из неё за организацию протеста против решения администрации уволить Нури Цагова (1890-1935), преподававшего дисциплины на родном (кабардинском - адыгском) языке. В 1915 году Али Шогенцуков поступил на курсы по подготовке учителей, в 1916 году за отличные успехи в учёбе был направлен дирекцией курсов в город Бахчисарай, в педагогическое училище им. И. М. Гаспринского. В декабре 1917 года, в связи с революционными событиями, училище было закрыто, и Шогенцуков продолжил обучение в Турции в стамбульском педагогическом училище. «В Турции впервые открылся его великий талант чародея кабардинского (адыгского) языка – и первый цикл его стихотворений был посвящен защите родного языка, национального достоинства адыгов, воспеванию того клочка земли, который зовется родиной и где свободно звучит материнская речь. Написанное тогда стихотворение «Нанэ» до сих пор остается

одним их самых замечательных и любимых в народе», – писал об Али учёный, литературовед, поэт Заур Налоев [4, 77]. Из Турции Шогенцуков вернулся в 1919 г. уже знаменитым поэтом, несмотря на то, что он был автором всего нескольких стихотворений: «Жынгызмэ и нып фЫщІэжьыр», «Тырку хадэм», «Нанэ» [5]. Турецкий цикл стихов поэта – будущего классика и основоположника кабардинской литературы – определил всё его творчество. А значение стихотворения-четверостишья – «Жынгызмэ и нып фЫщІэжьыр» настолько огромно, что до сих пор звучит как неофициальный гимн адыгского народа.

Поэтическая энергия молодого тогда поэта Али вылилась на то, чтобы дать импульс литературным явлениям в Турции, где перо почти могло быть приравнено к штыку, так как родной (адыгский) язык был в абсолютном запрете, а разговоры о далёкой родине, могли закончиться тюрьмой.

Лирика Э. Гунджера была особой на время её создания – она обладала удивительным качеством: соединять в себе несоединимые понятия, тем самым давая возможность по-новому увидеть, казалось бы, давно знакомые и привычные предметы и явления. Такого явления поэтического в зарубежной адыгской среде ещё не было. Он писал так, как будто покинул родину недавно и всё помнит, и это его мучает. Лирика его в большей мере иносказательна, зачастую ставит перед читателем загадки, но это не загадки типа зауми, на которые не может быть ответа; напротив, они активизируют как чувственное, так и рациональное начала, заставляя усиленно размышлять о роли в мире и судьбе черкесов-изгнанных, об их связи с исторической Родиной, о различных перипетиях исторического процесса.

Попытаемся проанализировать такое стихотворение Эргина Гунджера, как «Рассвет» (перев. с адыгск. наш):

*Словно солнце, свет новой луны летает по небу.
Черкешенка радуется новой луне.
Черная птица ни разу не слетала с губ моих,
А новая луна поднимается над морем.*

Недаром Э. Гунджер был еще и математиком: здесь перед нами как бы исходные данные для решения некоего уравнения. Необходимо определить, о какой «черной птице» идет речь, почему луна, которая обычно противопоставляется солнцу, здесь ему уподоблена, а также разрешить временную последовательность происходящего: ведь если «новая луна летает по небу» и «черкешенка радуется новой луне», то что за «новая луна поднимается над морем»?

На наш взгляд, Эргин глубоко воспринял весьма характерную для двадцатого столетия идею «остановленного времени», но не такого, когда все события замирают – нет, они продолжают происходить, однако, ни в коей мере не отменяют предыдущих. Солнце в небе соседствует с луной, причем не затмевая ее, и при этом наступает восход еще одной луны... То есть мы имеем дело с накоплением без развития, с рождением без умирания, а это – аллегорическое изображение цветения без корней. Такое состояние противоестественно и не может не вызвать проклятий в свой адрес. Ночь не становится рассветом, несмотря на регулярные восходы солнца. Мы сознательно избегаем эпитета «ежедневные», предпочитая им безликое слово «регулярные», ибо день остается одним и тем же днем... Но «черная птица», хоть еще и не слетала с губ героя, уже заявлена – а стало быть, по законам развития лирического сюжета, рано или поздно слетит:

*Лучи этой луны уплывают под воду.
Просыпаются дети на черкесской земле.
Черная птица ни разу не слетает с губ моих.*

Итак, уже дважды заявлен подводный ход стихотворения: «черкешенка», «просыпаются дети на черкесской земле». Этот подводный ход исподволь становится лейтмотивом сюжета, объясняя читателю и настойчивый рефрен: «Черная птица ни разу не слетает с губ моих». Лейтмотив и рефрен оказываются неразрывно связанными друг с другом:

*Луна освещает берег моря,
Лучи рассвета не стираются в памяти.
Эти лучи адыг ласкает в сердце своем...*

Рассвета все нет, но тема идет к кульминации с одновременным усилением лейтмотива: вновь упоминается «адыг, ласкающий в сердце лучи рассвета». Развязка близка, мастерским указанием на это является и неожиданный пропуск предвкушаемого рефрена о «черной птице». Он появляется вновь, но не в тот момент, когда его ждали. Оркестровка стихотворения близка к атональной музыке и ведется, скорее, следованием за ассоциациями, нежели застывшими нормами классической формы:

*Черная птица ни разу не слетает с губ моих.
Стал я мужчиной и беру в руки сигарету.
Черная птица вздрогнула и слетела с губ моих.*

Итак, когда «рассвет» приходит, в тот миг, когда лирический герой становится мужчиной, то есть осознает себя адыгом, задумывается о судьбе многих и многих изгнанных, он обрушивает проклятия («черную птицу») на головы всех тех, кто повинен в их оторванности от Родины. «Рассвет» здесь синонимичен «прозрению», а само стихотворение при углубленном анализе звучит очень гражданственно, несмотря на всю свою иносказательность. Автор проявил себя здесь подлинным мастером поэтического слова, и это очевидно даже из подстрочника, не облеченного в «поэтические одежды».

Литература

1. Бакова З. Единство народа – единство литературы. Науч. изд. Майкоп, изд-во МГТИ, 2002. 126 с.
2. Бакова З. Али Шогенцуков – 115. Уч.-мет. изд. Нальчик, КБГУ, 2015. 80 стр.
3. Бакъ З. Си хэку – си лъахэ. (Творчество поэтов адыгского зарубежья). Пособие для студ. по спецкурсу. Нальчик, «Полиграфсервис и Т.», 2007. 48 стр.
4. Котлярова М., Котляров В. Ты создал мир. И он велик. Нальчик, Полиграфсервис, 2003. 213 стр.
5. Шогенцуков Али. Произведения. Нальчик. Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 540 стр.

References

1. Bakova Z. Edinstvo naroda – edinstvo literatury. Nauch. izd. Majkop, izd-vo MGTI, 2002. 126 s.
2. Bakova Z. Ali Shogencukov – 115. Uch.-met. izd. Nal'chik, KBGU, 2015. 80 str.
3. Bak# Z. Si hjeku – si l#ahje. (Tvorchestvo pojetov adygskego zarubezh'ja). Posobie dlja stud. po speckursu. Nal'chik, «Poligrafservis i T.», 2007. 48 str.
4. Kotljarova M., Kotljarov V. Ty sozdal mir. I on velik. Nal'chik, Poligrafservis, 2003. 213 str.
6. Shogencukov Ali. Proizvedenija. Nal'chik. Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2006. 540 str.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.064

Бакова З.Х.

ORCID: 0000-0002-2777-380X, Доктор филологических наук, профессор,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Бербекова Х.М.

РОЛЬ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ПРОИЗВЕДЕНИИ АЛИМА КЕШОКОВА «ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ»

Аннотация

Статья затрагивает вопрос о портретном мастерстве Алима Кешокова. Известно, что портрет является одним из важнейших художественных средств, позволяющих понять самые сложные и противоречивые характеры.

Все крупные художественные произведения писателя подверглись серьезной критике властью, из-за того, что партийные руководители узнавали себя в персонажах его романов и, созданный писателем художественный образ, часто не совпадал с их представлениями о себе.

Исследование окажет методическую помощь студентам, изучающим творчество Алима Кешокова.

Ключевые слова: Кешоков, роман, портретная характеристика.

Bakova Z.H.

ORCID: 0000-0002-2777-380X, PhD in Philology, professor,
Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov J.M.

THE ROLE OF THE CHARACTERISTICS OF THE PORTRAIT IN THE WORK OF ALIM KESHOKOV "TOPS NEVER SLEEPS"

Abstract

The article touches upon the portrait skill Alim Keshokov. It is known that the portrait is one of the most important artistic means to understand the most complex and controversial.

All the major literary works of the writer were subjected to serious criticism of the authorities, due to the fact that party leaders recognized themselves in the characters of his novels and created an artistic image of the writer, often do not coincide with their ideas about themselves.

The study will provide methodological assistance to students of creative Alim Keshokov.

Keywords: Keshokov, romance, portrait characteristic.

Трилогия «Вершины не спят» [6] художественно воссоздает одну из сложных эпох в истории Северного Кавказа в связи с Октябрем 1917 года и строительством социализма. Романы с такой проблематикой, как известно, щедро представлены в многонациональных литературах советского периода. Немало их и в литературах Северного Кавказа. Более того, наиболее значительные идейно-эстетические завоевания литератур региона связаны именно с эпосом революции. Однако, как отмечает Н. Джусойты, роман А. Кешокова новаторское произведение, ибо писатель не беллетризует социалистическую схему, а *«исследует конфликт на нравственном, психологическом и идеологическом уровнях. Он вовлекает своих героев в этот всеобщий социально-исторический конфликт как живых людей, заинтересованных в разрешении противоречия кровно, лично, всем существом, всей психологической, эмоциональной, нравственной и идеологической сущностью, а не умозрительно, не по чужой подсказке, не как «представитель» благородных или, напротив, дурных идей»*. [5]. Ни один из его персонажей не может быть назван носителем только положительных или только отрицательных качеств, вплоть до того, что такие центральные фигуры романов трилогии «Вершины не спят», как Казгирей Матханов, Жираслан, Инал Маремканов, могут оцениваться исходя из тех или иных личных симпатий и или антипатий, но при этом невозможно постулировать, носителями какой единственной идеи они являются. Это живые люди со своими достоинствами и недостатками, исповедующие свои идеалы, имеющие своих сторонников и противников, сформированные под влиянием того чрезвычайно сложного времени, в котором они действовали.

Художественно исследуя национальную действительность, Алим Кешоков стремился ответить на вопрос, что из духовных ценностей прошлого было сохранено и развито нацией в советскую эпоху, что было отброшено как отжившее, а что не по-хозяйски потеряно, не использовано как жизнеспособное. В рецензиях и статьях, посвященных произведению «Вершины не спят», отмечалась не только широта авторского замысла, но и стремление писателя не обходить, не сглаживать противоречий изображаемой эпохи.

Избрав труднейшую композиционную форму новеллистичность, А. Кешоков сумел организовать в единое сюжетное целое огромный материал, добиться, как никто другой до него, высокоорганизованной структуры. Эта случилось потому, что каждая отдельная новелла, сохраняя относительную сюжетно-композиционную самостоятельность, спиралеобразно переходит в другую; проблемы, поставленные в одной новелле, развиваются и находят разрешение в другой; герои, названные в одной новелле, действуют в другой.

Проблемы судьбы народа и личности, обусловленности человеческого характера конкретно-историческими обстоятельствами, средой, проблемы революции и гуманизма, правды и справедливости, добра и зла в романе А.

Кешокова решены с глубокой жизненной полнотой. В нем созданы реалистические национальные характеры, рассмотренные конкретно-исторически, в диалектической эволюции. Почти каждое действующее лицо романа вырастает в тип, ибо оно олицетворяет собой не только характерные черты того класса или той общественной прослойки, к которой принадлежит, но и отмечено неповторимыми индивидуальными психическими, эмоциональными, интеллектуальными, речевыми, портретными особенностями. Создание типических фигур, столь редко удававшихся писателям молодых литератур, составляет одно из самых значительных завоеваний А. Кешокова.

Объектом художественного исследования становится внутренний мир человека. Любое событие переживается каждым персонажем романа; история как бы проходит через сознание индивида. Без этого невозможно обогащение характера новыми гранями, т. е. невозможно добиться психологической динамичности образа. В каждом из персонажей разнообразные качества, иногда противоречивые, соединяются в некое единство, как это бывает в жизни. Это позволяет писателю придать каждому действующему лицу романа неповторимую индивидуальность, делающую его характером-типом. Это серьезный шаг вперед в развитии северокавказской литературы, в частности романа, в котором герои долгое время были индивидуально плохо различимы, ибо они чаще всего бывали носителями определенных идей, а не живыми человеческими характерами.

Из трех книг романа «Вершины не спят» первое произведение – «Чудесное мгновение» – представляется более законченной, более эстетически цельной. Здесь содержание нашло органическую форму. На нем ярче прослеживаются особенности художественного мировидения писателя, функциональная роль национальной символики в организации сюжета, воплощении идеи и т.д. Традиции эпоса ощутимы и в природе эпического романа А. Кешокова. В книге господствует стихия повествовательного и драматизированного эпоса. Поток жизни течет полноводной рекой, сначала медленно, затем, в годы революции и гражданской войны, все быстрее, крутясь водоворотами, резкими водопадами, бросками из стороны в сторону. И сколько боли, драматических событий укладывается на страницах романа. Или, как говорит сам автор, «под всяким небом бывают горе, обида, несправедливость, не без того и под небом Магомета». Динамика эпического обнаруживается с первых страниц книги. Они дают как бы разбег всему ходу повествования. Автор описывает могучий разлив реки Шхальмивокопс после сильных дождей. Буйство событий соотносимо с происходящими в жизни, с бушующими страстями народа. Картина эта была не раз наблюдаема автором в родной Шалущке, когда скромная, тихая речка, протекающая рядом с селением, вдруг показывала свой нор, широко разливаясь и сметая все на своем пути.

У поэта Кешокова немало стихов, где использован этот прием переосмысления природных явлений в сопоставлении с катаклизмами как в жизни народа, так и в судьбе человека. Кстати, подобный прием широко известен в фольклоре адыгов и других народов.

Само рождение нового человека, чья судьба совпала с бурным временем, как и в эпических жанрах проистекает на фоне разлива реки, буйства природы соответствует буйству жизни. И судьба мальчика Лю обусловлена этими бурными потоками. Небывалый разлив Шхальмивокопс пришелся на день рождения мальчика Лю, сына объездчика полей Астемира и его жены Думасары.

Символика разбушевавшейся стихии как бы вводит читателя в предгрозовое время, которое будет отмечено социальными катаклизмами. Картина разлива реки у аула Шхальмивокопс позволяет сразу же обрисовать поведение и психологические штрихи характеров главных действующих лиц романа. Здесь, вдова Диса, ее дочь, хорошенькая Сарыма, дед-весельчак Баляцо, богач Муса, его приспешники Батоко и Масхун Требуха в Желудке, знахарка Чача, первая сплетница аула, мулла Саид, его работник Эльдар и другие. Как видим, персонажу сразу же дается характеристика социальная, профессиональная, портретная или моральная.

Подобный прием портретной характеристики посредством эпитетов широко известен и фольклору: Дамалей Широкие Плечи, Карашей Косоглазый, нарт Сосруко и т.д. Алимун Кешокову такой прием помогает в «расстановке» героев, выявляет их возможные отношения друг с другом. Все они сбежали на берег Шхальмивокопса в надежде выловить в мутном потоке ствол дерева или валежину, пригодные в хозяйстве. С первых же страниц автор выступает не просто как бытописатель жизни аула, но и как художник, видящий за внешними проявлениями страстей человеческий глубокий смысл, позволяющий заглянуть в характеры, вскрыть то, что самим односельчанам до поры до времени не раскрылось во всей своей полноте. Для полной характеристики нравов аульчан, мотивов поведения каждого автор избирает экстремальную ситуацию-разлив реки, в которой испытывает каждого участника событий. Отгалкиваясь от природного явления, автор воссоздает в романе поворотные события, вовлекает в них героев и через них характеризует их, осмысливает судьбу народа.

И хотя экспозиция романа содержит в себе многие психологические характеристики персонажей, показывает место действия повествования, его время, сам ход же событий, разворачивающийся с невероятной быстротой, начинается с появлением на аульском сходе Жираслана. *«Да, это был Жираслан, знаменитый далеко за пределами Кабарды и по всей Кубани конокрад, неуловимый в своем деле, как дым, дерзкий как ветер. Недаром его имя состояло из двух слов «жир» и «аслан», что значит клинок и лев. Жираслан принадлежал к знатному княжескому роду Клишибиевых, из которых происходил и начальник округа, грозный полковник Клишибиев»* [6,31]. Когда появился на сходе красавец Жираслан, шла третья осень жестокой войны между русским царем и Германией. На фронте сражалось немало сыновей Кабарды, многие матери уже успели получить казенные бумаги, извещающие о смерти своих храбрых джигитов. Настроение было смутным, все жили в предчувствии каких-то больших событий.

Столкновение характеров, столкновение разных жизненных позиций случилось и на сходе. На сход является Аральпов, начальник полицейского участка, называющий сам себя «мечом Российской империи». Сами же кабардинцы прозвали его Залим-Джери, что значит упрямый, безжалостный Джери. Речь его на сходе сводится к тому, чтобы найти во что бы то ни стало бунтовщиков, которые сеют смуту в округе. К таковым он причисляет «воров и конокрадов». Все ждут: что же скажет Жираслан? Князь выходит к народу, чтобы объяснить простую истину: не пойман – не вор.

Нужно отметить умение писателя создавать такие «многолюдные» сцены, где каждый получает право голоса, а события подчас направляются в непредсказуемую сторону. Кешоков умело обрисовывает одним-двумя штрихами своих героев, даже тех, кто не играет особой роли в повествовании.

Литература

1. Бакова З. Алим Кешоков. Научное издание. Нальчик, Издательство КБГУ, 2000. 148 с.
2. Бакова З. Творчество Алима кешокова в вузовском изучении. Учебное издание. Нальчик, Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 90 с.
3. Бекизова Л. Литература в потоке времени: литература черкесов-адыгов XX века. Научное издание. Черкесск, Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2008. 412 с.
4. Дементьев В. Со временем в ладу: очерк жизни и творчества Алима Кешокова. – Нальчик, Эльбрус, 1985. 240 с.
5. Джусойты Н. Алим Кешоков. Вершины не спят. Послесловие. М. 1970.
6. Кешоков А. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. Вершины не спят. – М. Художественная литература, 1981. 845 с.
7. Кешоков А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Чудесное мгновение: Роман (на адыгск. яз.). – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 488с.

References

1. Bakova Z. Alim Keshokov. Nauchnoe izdanie. Nal'chik, Izdatel'stvo KBGU, 2000. 148 s.
2. Bakova Z. Tvorchestvo Alima keshokova v vuzovskom izuchenii. Uchebnoe izdanie. Nal'chik, Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2015. 90 s.
3. Bekizova L. Literatura v potoke vremeni: literatura cherkesov-adygov XX veka. Nauchnoe izdanie. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 412 s.
4. Dement'ev V. So vremenem v ladu: ocherk zhizni i tvorchestva Alima Keshokova. – Nal'chik, Jel'brus, 1985. 240 s.
5. Dzhusojty N. Alim Keshokov. Vershiny ne spjat. Posleslovie. M. 1970.
6. Keshokov A. Sobraenie sochinenij: V 4 t. T.1. Vershiny ne spjat. – M. Hudozhestvennaja literatura, 1981. 845 s.
7. Keshokov A. Sobraenie sochinenij: V 6 t. T. 2. Chudesnoe mgnovenie: Roman (na adygsk. jaz.). – Nal'chik: Jel'brus, 2005. – 488s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.063

Бакова З. Х.¹, Мисрокова Р. М.², Кунижева М. З.³

¹ ORCID: 0000-0002-2777-380X, Доктор филологических наук, профессор, ² магистрант, ³ магистрант
Кабардино-Балкарский Государственный университет им. Бербекова Х. М.

ФОРМЫ ЭПИЗАЦИИ В ПОЭЗИИ АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО) ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация

Статья рассматривает вопрос родства адыгских (черкесских) авторов, независимо от того, на каком языке они создают свои произведения. Подчеркивается мысль, что поэзию адыгского зарубежья, помимо сходной тематики, объединяет и свойственный адыгской литературе принцип олицетворения.

В статье использованы стихи поэтов адыгского зарубежья, написанные на родном (адыгском) языке в нашем свободном переводе.

Исследование окажет методическую помощь магистрантам, изучающим спецкурс «Литература адыгского (черкесского) зарубежья».

Ключевые слова: родина, поэзия, эпизация, адыгское зарубежье.

Bakova Z.H.¹, Misrokov R.M.², Kunizheva M.Z.³

¹ ORCID: 0000-0002-2777-380X, PhD in Philology, professor, ² Undergraduate, ³ Undergraduate,
Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov J.M.

EPISATION FORMS IN POETRY OF ADYGHE (CIRCASSIAN) ABROAD

Abstract

The article considers the issue of kinship Adyghe (Circassian) authors, no matter what language they create their works. It is emphasized the idea that poetry Adygeyan abroad, in addition to a similar theme, and combines typical Adyghe literature principle impersonation.

The article used the verses of poets Adygeyan countries, written in a language (Adyghe) language in our free translation.

The study will provide methodological assistance to undergraduates studying course "Literature Adyghe (Circassian) abroad".

Keywords: Circassian abroad, poetry, episation, the personification, the birthplace.

Когда все помыслы человека устремлены к одному, когда все остальное в мире отбрасывается им как несущественное, человек оказывается в преддверии мифотворчества, отчего и происходит «эпизация» лирики, столь часто наблюдаемая в творчестве поэтов адыгской (черкесской) диаспоры:

И днем и ночью без устали
Я буду обходить эту бескрайнюю долину,
Всю жизнь буду собирать
Слова красивые для тебя
(Тхазепль Фози «О родине») [5]

Нам представляется, что чем глубже чувство, обуравшее личность, тем бесхитронее она о нем говорит. Порой в триумфе оказывается больше поэзии, чем в самых изощренных лирических построениях. Если перевести стихотворение Ф. Тхазепля на язык изобразительный, то перед нами, скорее всего, предстанет яркий детский рисунок:

*И в горе и в радости Родина у нас одна,
И на чужбине она предо мной:
Волны Терека играют, клокочут,
Поля цветут, горы утопают в облаках.*

Безобразность и яркость – так можно охарактеризовать творческую манеру Ф. Тхазепла, который и сам признается в склонности к преимущественно детскому восприятию мира:

*Все это, все это, как отзвук детства,
В душе безостановочно звенит [5].*

Владимир Черкез, известный югославский поэт, адыг по национальности, пишет на сербском и адыгском языках, автор нескольких поэтических сборников, так прикасается к самой заповедной теме, какая только существует для поэта:

*Родина – это солнце после сильного дождя.
Это труженик, рано встающий.
Это звезда на темном небе.
Это мать, отдающая свой кусок хлеба воину [3].*

«Солнце после ливня», «звезда на темном небе» – эти образы неявно указывают на период долгого запрета обращения к теме «адыгства», гласного или негласного – в зависимости от страны проживания представителей диаспоры. А вообще прием поэтического «реестра» для определения понятия Родины наводит на мысль об универсальности принципа глобальной персонификации, независимо от того, на каком языке пишет автор адыгского происхождения. Ведь в один ряд выстраиваются: солнце, труженик, звезда, мать – далее:

*Это чудесный родник,
Это бурлящий водопад,
Это дерево, цветущее в поле,
Это пение птиц над широкой равниной [3].*

С утверждением В. Черкеза «Родина – это мать, отдающая свой кусок хлеба воину» вполне согласен автор стихотворения «Если это случится» Ехья Казан, также считающий, что Родина – превыше всего, превыше даже самых близких, самых кровных семейных уз:

*Ради ребенка мать готова жизнь отдать.
Но если вдруг постигнет Родину бесчестье,
Мать, не колеблясь, посылает
Ребенка на смерть.*

Не беремся утверждать, что этот подлинно адыгский обычай сохранился и по сей день, но то, что адыги издревле предпочитали смерть бесчестьем, известно всему миру.

*И за это мы не упрекаем мать,
Ибо мать мы не зовем Родиной,
Но Родину называем –
Родина-мать.*

В стихотворении поэта Ахмеда Шора «Родина адыгов» эпические интонации поначалу явно преобладают над лирическими:

*Адыги и сегодня ездят верхом,
Черкешенки украшают нашу жизнь.
Мудрые старейшины сидят на почетном месте,
Молодое поколение все больше радуется нас [2].*

Молодое поколение все больше склонно к мысли о том, что возрождение адыгского духа – первоочередная задача, чтобы не потерять корней, не раствориться в других народах, не потерять самого ценного – национальной самобытности.

*Твои сыновья и дочери живут во многих странах.
Их заветная мечта – увидеть Эльбрус.
Пусть мы сегодня объединимся,
Тогда настанет день нашей нации... [2]*

«Их заветная мечта – увидеть Эльбрус» – сказано совершенно справедливо по отношению к нескольким миллионам человек, многие годы заочно грезящим этим природным памятником своей непростой истории, от которой они не намерены отказываться, чтобы не перестать быть нацией.

Авджы Джанк, в отличие от А. Шора, более склонен к лирике, нежели к эпосу. Одно из своих стихотворений он озаглавил весьма символично – «Две слезы», ибо речь в нем идет не просто о любви к Кавказу, но – о любви взаимной:

*Кавказ, как выразить мою к тебе любовь?
Солнце, которое всходит над тобой,
Кажется мне райским.
Падают из глаз моих две слезы,
Когда я вспоминаю о тебе.*

Две слезы падают из глаз лирического героя, но одна из них принадлежит не ему самому, а Кавказу, с которым он чувствует себя соединенным наподобие сообщающихся сосудов.

*Одну из них несет тебе ветер,
Вторая – успокаивает меня.
Два края плачут.
И трава растет соленой
В это время на земле.*

Слеза, оброненная самим Кавказом из одного из глаз лирического героя А. Джанка, возвращается к нему же, и тем самым осуществляется обратная связь, которая именно и приносит успокоение плачущему. Это неверно, что его успокаивает вторая слеза: нет, именно первая, которую вернул себе возлюбленный Кавказ, и именно тем, что он забрал ее себе.

Увидеть Эльбрус – далеко не новость в адыгской лирике; вспомним хотя бы начало знаменитой «Наны» Али Шогенцукова, созданной, кстати, «на берегу турецком»:

*Знаешь ли ты, что твой мальчик томится
На берегу морском?
Жизнь на чужбине, сиротства темница...
В горле – мучительный ком.
Здесь своего не видал Ошхамахо
Я ни единого дня.
Матери нет, чтоб, избавив от страха,
Здесь приласкала меня.
Город... Под ним – лишь пучина морская.
Вновь корабли к нам ползут.
Грузчики, фесками пот утирая,
Спины под тяжестью гнут.*

Здесь уже явственно звучат мотивы изгнанничества, оторванности от родного Ошхамахо. Не исключено, что стихотворение юного Али могло послужить тем зернышком, из которого произошло наблюдаемое сегодня поле «поэтической чужбины», то есть вся поэзия мухаджирства.

Наверное, каждому народу, испытавшему «рассеяние», особенно той его части, которая была «рассеяна», (то есть стала диаспорой, напомним, что «диспора» в переводе с греческого означает именно «рассеяние, россыпь»), свойственны томление по «золотому веку» своей истории, понятие «земли обетованной» и надежда на возвращение всего «на круги своя».

*Перед глазами сейчас другое время.
Перед врагом, который стреляет на моей земле,
Стоит горец непреклонно,
Гнев войны все пожирает, уничтожает,
От злодеяний разрываются камни.*

Несомненно, одной из основных составляющих зарубежной адыгской поэзии является чувство беспредельной любви к своей исторической Родине, восхищение ее прекрасной природой, преклонение перед пройденным ею историческим путем, полным тягот и невзгод, но обещающим непременно и заслуженное процветание. Показательно в этом смысле стихотворение турецкого поэта Метина Меретика «Родина моя»:

*Хотел бы я вырасти цветком
На земле отцов наших.
Сердце бы радовалось жизни,
И была бы жизнь радости полна [4]*

Здесь, если можно так выразиться, принцип глобальной персонификации работает в обратном направлении: раз все предметы и явления мира живы и подобны человеку, то почему человеку не уподобиться какому-то из них?

*Под родными горами протекать.
Вся жизнь была бы радости полна,
Вершины гор во мне бы отражались [4].*

Примерно та же картина возникает при сопоставлении творчества зарубежных собратьев по перу с произведениями таких авторов, как А. Шогенцуков, А. Бицуев, Нальби (Н. Куёк), З. Куготова и многих других (имена взяты достаточно произвольно).

Что же касается творчества поэтов диаспоры, то, хотя и трудно давать количественную оценку (стихи вообще плохо поддаются статистическому анализу), но, по читательскому ощущению, мы склоняемся к мнению, что образ Эльбруса занимает в стихах поэтов адыгского зарубежья примерно такой же объем, что и образ Черного моря.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. – С. 1064–1112.
2. Бакова З. Единство народа – единство литературы. Науч. изд. Майкоп, изд-во МГТИ, 2002. 126 с.
3. Бакова З. Творчество поэтов адыгского (черкесского) зарубежья. Пособие для студ. по спецкурсу. Нальчик, «Полиграфсервис и Т.», 2007. 48 стр.
4. Мерэтыкѳуэ М. Си Хѳку // Адыгѳ псалѳэ, 2003, майм и 21.
5. Тхъэзпѳлѳ Ф. Си хѳку – си лѳахѳ // Адыгѳ псалѳэ, 2003, майм и 21.

References

1. Aristotel'. Pojetika. Ob iskusstve pojezii // Aristotel'. Jetika. Politika. Ritorika. Pojetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. – S. 1064–1112.
2. Bakova Z. Edinstvo naroda – edinstvo literatury. Nauch. izd. Majkop, izd-vo MGTI, 2002. 126 s.
3. Bakova Z. Tvorchestvo pojetov adygskogo (cherkesskogo) zarubezh'ja. Posobie dlja stud. po speckursu. Nal'chik, «Poligrafservis i T.», 2007. 48 str.
4. Merjetyk#uje M. Si Hjeku // Adygje psal#je, 2003, majm i 21.
5. Th'jezjepl# F. Si hjeku – si l#ahje // Adygje psal#je, 2003, majm i 21.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.152

Барьядаева Н.Р.

ORCID: 0000-0002-3706-4732, Преподаватель, Бурятский государственный университет

ПАУЗА В ЗВУЧАЩЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**Аннотация**

В статье представлены результаты исследования паузы как фонетического критерия выделения речевых единиц в звучащем художественном тексте, выполненного на материале американского варианта английского языка. Исследование проводилось с помощью слухового и инструментального методов. В ходе исследования анализировались параметры паузы (количество, длительность, место реализации), проводился сравнительный анализ полученных данных, рассматривались случаи несовпадений в членении письменного и звучащего текстов.

Ключевые слова: пауза, длительность, фоноабзац, интонационная фраза.

Baryadaeva N.R.

ORCID: 0000-0002-3706-4732, Teacher, Buryat State University

PAUSE IN READ FICTION**Abstract**

The article presents the results of pause examination in orally read American fiction. The pause is dealt as a main phonetic criterion of speech segmentation. Acoustic and instrumental methods have been applied to define and measure acoustic parameters of the pause (amount, place, and length). The data have been processed, analyzed, and compared. Pause is also seen as a result of the speaker's interpretation of the original text.

Keywords: pause, length, paragraph, intonation phrase.

Пауза – важный фактор восприятия и понимания речи. В экспериментальной фонетике под паузой понимают перерыв в речи, которому акустически соответствует отсутствие звука, а физиологически – остановка в работе речевых органов [10].

Новый импульс изучению паузы придало развитие интонационных исследований. Перемещение исследовательского интереса в область звучащего текста привело к появлению многочисленных экспериментальных исследований акустической природы и перцептивного аспекта паузы, что позволило расширить традиционные представления об этом фонетическом явлении и раскрыть его функциональное разнообразие и смысловую значимость. Сегодня пауза рассматривается как полноценный компонент интонации, выполняющий функции членения и интеграции, передачи смысловых и синтаксических отношений. Кроме того, как показывают исследования, пауза передает экспрессивные, эмоциональные и модальные значения, а также выполняет функцию воздействия.

Изучение паузы в разных видах речевой деятельности (письменная / устная), типах речи (подготовленная / неподготовленная / спонтанная) и стилях речи (полный / неполный) привели к появлению функциональных классификаций пауз, в которых отразился общий для многих исследователей подход к разграничению пауз на грамматические (синтаксические или интонационные) и неграмматические (неинтонационные). Интонационные паузы делят речевой поток на речевые единицы, обладающие, смысловым, синтаксическим и просодическим единством. К неинтонационным относятся паузы не имеющие отношения к интонационно-смысловому членению речи. Это так называемые паузы хезитации, объединяющие широкий спектр фонетических и парафонетических явлений [11; 3], выделительные паузы или паузы смыслового подчеркивания [7]. Последний тип пауз может относиться к смешанному типу в случае, когда в звучащем тексте делимитативная и выделительная функция паузы совпадают [11; 7].

Таким образом анализ паузы становится обязательной частью исследований звучащей речи.

В статье представлены результаты исследования пауз в звучащем художественном тексте, выполненного на материале американского варианта английского языка.

Исследование проводилось с целью рассмотреть паузу как фонетический критерий выделения речевых единиц в звучащем тексте. Объектом исследования явился звучащий художественный текст. Предметом исследования стали паузы, маркирующие границы между речевыми единицами в речи дикторов: фоноабзацами, интонационными фразами, синтагмами. Для выполнения поставленной цели был очерчен и решался следующий круг задач: 1) проанализировать параметры паузы (количество, место появления, длительность); 2) провести сравнительный анализ данных; 3) установить факты несовпадений дикторской расстановки пауз с письменным текстом.

Материалом для исследования послужили аудиозаписи рассказа Эдгара Алана По “The Tell-Tale Heart”, исполненного пятью дикторами, тремя мужчинами и двумя женщинами, носителями американского варианта английского языка, обозначенными в работе как Д1, Д2, Д3, Д4, Д5. Записи представляют собой аудиокниги, размещенные в интернете в свободном доступе. Общий объем звучания составил более 71 минуты. Общее количество проанализированных пауз составило 1751. Изучение пауз проводилось с помощью методов слухового и инструментального анализа. Слуховой анализ позволил нам провести разметку пауз, сделанных дикторами при чтении текста. Инструментальный анализ проводился в компьютерной программе Speech Analyzer 3.1 методом ручной сегментации речевого сигнала. Инструментальный анализ позволил получить данные об акустических параметрах пауз. Для обработки полученных данных применялись простые математические и статистические методы.

Приступая к анализу пауз, мы исходили из общепризнанного факта, что членение озвучиваемого художественного текста в значительной степени определяется его композицией и лексико-синтаксической структурой и следует определенным правилам, согласно которым границы между структурными (синтаксическими) единицами просодически маркируются паузой. Как известно, речевые единицы в звучащем тексте представляют собой иерархию и анализируются от целого к части: фоноабзац – интонационная фраза – синтагма. Фоноабзац объединяется микротемой, которая является композиционной частью развития общей мысли целого текста и представляет собой

тесное семантико-синтаксическое и просодическое единство [12, 92–95]. Интонационная фраза – предельная единица членения текста, может состоять из одной или нескольких синтагм. И интонационная фраза, и синтагма реализуются интонационными средствами в зависимости от коммуникативной установки и стилистических особенностей текста. Отсутствие паузы внутри синтагмы является ее существенным отличительным признаком [4; 9]. Границы речевых единиц передаются в письменном тексте знаками пунктуации. Абзацы выделяются графически, а границы фразы приходится на границы предложения. Исходя из этого, можно предположить, что места реализации пауз в речи дикторов будут довольно предсказуемы. Поэтому в ходе исследования все паузы предварительно были разделены на следующие типы: паузы между абзацами (МАП), к которым относятся паузы, реализованные дикторами на границах абзацев; межфразовые паузы (МФП), реализованные на границах предложений; и паузы, появляющиеся внутри предложений (ВФП), они же межсинтагменные. Поскольку граница между абзацами является в то же самое время границей последнего в абзаце предложения, то МФП учитывались без МАП. Были получены следующие результаты (Таблица 1):

Таблица 1 – Количество и объем пауз по типам (объем в сек)

Диктор \ Пауза	Д 1		Д 2		Д 3		Д 4		Д 5	
	Кол-во	Объем								
МАП	15	18,935	15	18,100	15	20,300	15	17,787	15	10,306
МФП	127	90,576	115	55,260	144	79,390	115	84,447	130	71,305
ВФП	181	74,809	291	82,180	163	69,152	152	63,079	269	90,835
Итого	323	184,320	421	155,540	322	168,842	282	165,313	413	171,568

Анализ суммарной длительности пауз в отношении к длительности всего текста каждого диктора позволил определить коэффициент паузальной насыщенности (K_p), среднее значение которого равно 1,3, что в среднем, несмотря на большой количественный разброс сделанных дикторами пауз, соответствует 21% объема предъявленного звучащего текста. Такой коэффициент характерен для подготовленного чтения и соотносится с данными, полученными, например, на материале немецкоязычной речи, где K_p равен 1,2 [2]. Таким образом, результаты анализа позволяют сделать вывод, что количество пауз в репродуцированной подготовленной речи не является фактором, влияющим на длительность речевого произведения, и соответственно доля паузального времени в звучащем тексте не зависит от количества пауз.

Из Таблицы 1 так же видно, что количество ВФП наиболее вариативно и на 60% превышает количество всех других пауз. Несмотря на это, их суммарная длительность либо короче, либо ненамного превосходит суммарную длительность других типов пауз, например, как у Д2 и Д5. Это подтверждается соотношением средних значений объемов паузального времени, которое распределилось следующим образом: МАП – 11%, МФП – 47%, ВФП – 42%. Кроме того, количественный анализ пауз и соотнесение полученных результатов с письменным текстом показывают, что все дикторы проявили тенденцию к укрупнению интонационных фраз, что можно объяснить влиянием контекста. В речи всех дикторов зафиксированы случаи, от 2 (Д1) до 16 (Д4), объединения в одну фразу двух или трех предложений. В рассказе 147 предложений, и предположительное количество МФП должно было быть 146 (пауза в конце рассказа не учитывалась). Однако дикторы не всегда ориентировались на авторское членение текста, а предлагали свою стратегию интонационного членения, что отразилось и на реализации пауз. По количеству и месту реализации самыми предсказуемыми оказались паузы между фоноабзацами, границы которых в нашем материале у всех дикторов совпали с графическими.

Результаты анализа длительностей пауз показали, что на границы более крупных единиц текста приходится более длительные паузы. Этот факт подтверждают и средние показатели длительности пауз по типам (Таблица 2):

Таблица 2 – Средняя длительность пауз по типам (мс)

Диктор / Средние значения	Д1	Д2	Д3	Д4	Д5
МАП	1262	1207	1353	1186	687
МФП	713	481	551	734	548
ВФП	413	282	425	424	338

Таблица 2 демонстрирует общую тенденцию распределения длительностей пауз, подтверждающая результаты других исследований: длинные паузы приходятся на границы фоноабзацев, средние – на границы фраз, и короткие – на паузы, сделанные в пределах фразы. При этом, как мы видим из таблицы, длительность МАП в целом значительно превышает величину остальных типов пауз. Исключением здесь является Д5, у которой среднее значение МАП в два раза меньше, чем у остальных дикторов, но общая тенденция реализации пауз в зависимости от степени смысловой связи сохраняется.

Кроме того, среди МАП можно выделить паузы, которые в три и более раза превышают средние значения МФП. Эти паузы можно назвать композиционными (КП). Они не только служат границей фоноабзацев, но и актуализируют композиционно-прагматическое членение текста, выделяя единицы более крупного порядка – тематические или смысловые блоки. И количество, и место реализации КП также варьирует от диктора к диктору. По количеству в нашем материале они варьируют от одной до пяти КП, а реальные значения длительности КП составляют от 1296 (Д5) до 2193 мс (Д1).

Следует отметить, что диапазон реальных значений длительностей пауз, реализованных дикторами, составил минимум 69 мс и максимум 2192 мс. Анализ реальных значений длительности пауз показал, что длительности разных типов пауз пересекаются, при этом длительности МАП наиболее устойчивы, а особой вариативностью отличаются МФП и ВФП, что не удивительно, так как именно в них в большей степени отражается контекстуальное влияние. Приведем пример паузации в одном из фоноабзацев (Д1), иллюстрирующий функциональное распределение длительностей пауз (в прямых скобках длительность пауз в мс):

[1278] *–It is impossible to say how first the idea entered my brain;* [490] *but, once conceived, it haunted me day and night.* [710] *Object there was none.* [194] *Passion there was none.* [690] *I loved the old man.* [603] *He had never wronged me.* [348] *He had never given me insult.* [677] *For his gold I had no desire.* [1090] *I think it was his eye!* [548] *— yes, it was this!* [588] *He had the eye of a vulture* [532] *— a pale blue eye, with a film over it.* [1127] *Whenever it fell upon me, my blood ran cold;* [700] *and so, by degrees* [110] *— very gradually* [464] *— I made up my mind to take the life of the old man, and thus rid myself of the eye forever.* [1500]

Приведенный пример служит яркой иллюстрацией того, что длительность пауз, тесно связана с выражением не только смысловых и синтаксических отношений, но и экспрессивных функций, которые в совокупности направлены на достижение главной цели, заложенной автором в тексте, а именно воздействия на читателя/слушателя.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают, что пауза является надежным фонетическим критерием выделения речевых единиц в звучащем тексте. Длительность паузы является основным параметром, определяющим степень смысловой связи между единицами текста, а также существует прямая взаимосвязь между длительностью пауз и иерархией вычлняемых единиц. Кроме того, исследование выявило отсутствие корреляции между количеством пауз, реализованных дикторами, и длительностью звучания всего текста. Исследование также показало, что на реализацию пауз в звучащем тексте влияет не только интенция автора, зафиксированная в письменном тексте, но и особенности индивидуального восприятия и понимания текста диктором.

В заключение необходимо отметить, что требуют дальнейшего изучения не только параметры паузы и их функциональная значимость, но также взаимодействие паузы с другими средствами интонационного оформления речи.

Литература

1. Антипова А. М. Система английской речевой интонации. М.: Высшая школа. 1979. – 131 с.
2. Блохина Л. П., Потапова Р. К. Методика анализа просодических характеристик речи. М.: МГПИИЯ, 1977 – 84 с.
3. Бубнова Г. И., Гарбовский Н. К. Письменная и устная коммуникация: синтаксис и просодия. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 272 с.
4. Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1997. – 416 с.
5. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Культура устной речи: Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 1998. – 200 с.
6. Кривнова О. Ф., Чардин И. С. Паузирование в естественной и синтезированной речи [Электронный ресурс] URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications.html> (дата обращения 18.12.2014).
7. Ларченко Г. Б. Пауза как просодическое средство смысловой выделенности в устной научной речи. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ленинград, 1990. – 15 с.
8. Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. Київ: Вища школа, 1986. – 159 с.
9. Рослова Е. Ю. Просодическая организация ораторской речи (на материале литургической проповеди). Дис. канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 226 с.
10. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. – 176 с.
11. Светозарова Н. Д. Пауза // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 369.
12. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 228 с.

References

1. Antipova A. M. Sistema anglijskoj rechevoj intonacii. M.: Vysshaja shkola. 1979. – 131 s.
2. Blohina L. P., Potapova R. K. Metodika analiza prosodicheskikh harakteristik rechi. M.: MGPIIJa, 1977 – 84 s.
3. Bubnova G. I., Garbovskij N. K. Pis'mennaja i ustnaja kommunikacija: sintaksis i prosodija. M.: Izd-vo MGU, 1991. – 272 s.
4. Zlatoustova L.V., Potapova R.K., Potapov V.V., Trunin-Donskoj V.N. Obshhaja i prikladnaja fonetika. M.: Izd-vo MGU, 1997. – 416 s.
5. Ivanova-Luk'janova, G. N. Kul'tura ustnoj rechi: Intonacija, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm : Uchebnoe posobie. M. : Flinta: Nauka, 1998. – 200 s.
6. Krivnova O. F., Chardin I. S. Pauzirovanie v estestvennoj i sintezirovannoj rechi [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications.html> (data obrashhenija 18.12.2014).
7. Larchenko G. B. Pauza kak prosodicheskoe sredstvo smyslovoj vydelennosti v ustnoj nauchnoj rechi. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Leningrad, 1990. – 15 s.
8. Nushikjan Je. A. Tipologija intonacii jemocional'noj rechi. Kiiv: Vishha shkola, 1986. – 159 s.
9. Roslova E. Ju. Prosodicheskaja organizacija oratorskoj rechi (na materiale liturgicheskoj propovedi). Dis. kand. filol. nauk. – Moskva, 2009. – 226 s.
10. Svetozarova N. D. Intonacionnaja sistema russkogo jazyka. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1982. – 176 s.
11. Svetozarova N. D. Pauza // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jenciklopedija, 1990. S. 369.
12. Solganik G. Ja. Sintaksicheskaja stilistika. – 4-e izd. – M.: Izd-vo LKI, 2007. – 228 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.235

Белоус Л.В.

ORCID 0000-0003-3144-0853, кандидат филологических наук, доцент,

Северо-Осетинский государственный университет

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕЧЕНСКИХ СОБЫТИЙ В ПОВЕСТИ ВАСИЛИЯ ДВОРЦОВА
"ТОГДА, КОГДА СЛУЧИТСЯ"**

Аннотация

Предлагаемая статья – попытка проанализировать особенности стиля В.Дворцова, определить достоинства и недостатки его повести "Тогда, когда случится", а также обозначить специфику интерпретации автором чеченских событий начала XXI века. Особое внимание в статье уделено интерпретации чеченских событий как противостояния двух типов мировоззрения: тейпового, характерного для представителей чеченского этноса, мусульман по вероисповеданию, и индивидуалистического, характерного для представителей христианской культуры.

Ключевые слова: чеченская война, интерпретация, особенности стиля.

Belous L.V.

ORCID 0000-0003-3144-0853, PhD in Philology, Associate professor, North-Osetian State University

**INTERPRETATION OF THE CHECHEN EVENTS IN VASILY DVORTSOV'S STORY
"THEN WHEN WILL HAPPEN"**

Abstract

This article is an attempt to analyze the features of V.Dvortsov's style, to identify strengths and weaknesses of his story "Then when will happen", as well as to identify the specificity of the interpretation by the author the Chechen events at the beginning of the XXI century. Particular attention is paid to the interpretation of the Chechen events as a confrontation between the two types of outlook: teip consciousness, which is characteristic of the representatives of the Chechen ethnoses, Muslim by religion, and individualistic consciousness, characteristic of the representatives of the Christian culture.

Keywords: The Chechen war, interpretation, style features.

В аннотации к тексту Василия Дворцова сказано следующее: "Тогда, когда случится" - повесть о красивых и сильных русских людях непростых, но достойных судеб. Пятьдесят сибирских милиционеров на крохотном пяточке ОКПМ в Грозном две тысячи третьего года... Третьего года "мира"... [1]. Однако еще более объективной рекомендацией является мнение одного из читателей: "Эта повесть как раз вот о таком - о простом дежурстве отряда милиции в уже совсем "мирное время" недалеко от Грозного... Прочитайте, это нетрудно. Правда, и не легко..." [5].

Повесть Василия Дворцова о Чечне – одно из самых жестких произведений последнего времени. Писатель выступает не только как автор художественного текста, но и как политолог, публицист, аналитик, социолог, этнограф, историк, журналист. Это, пожалуй, главное качество повести, ее специфическая черта и особенность творческой манеры автора, по которым его легко отличить от других. Смещение жанров и стилей в повести невозможно однозначно назвать ее достоинством, так как это сделано достаточно грубо, видны стыки, несогласованности, читательскому восприятию мешают слишком резкие переходы от документалистики к высокой классической поэзии и так далее. Некоторая шероховатость текста, необработанность может быть оправдана темой – речь идет об очень неправильной и странной войне, которая еще недавно была частью повседневной истории России. "Неправильная" война – неровный стиль. Возможно, это намеренное, задуманное автором свойство повести.

Сам писатель в одном из интервью сказал: "Литература в отношении к иным искусствам - основа основ, как математика для остальных наук, и литературный процесс как процесс национального самосознания и самочувствования, глубиной проработки вечных и злободневных тем, полнотой их охвата призван отвечать культурным и нравственным потребностям общества. Читатель ищет в большой, настоящей литературе свидетельств и толкований своему бытию - как внешнему, так и внутреннему. А сегодняшний читатель, участник и жертва затянувшейся смуты, ищет в книгах особенной мудрости" [2]. Именно об одной из главных российских "смут" конца XX – начала XXI века и написан текст. "Когда повесть впервые увидела свет, можно было ожидать, что она станет популярной, прежде всего, среди людей военных, в особенности – тех, кто прошел Чечню, и своими глазами видел то, о чем пишет автор... Но неожиданно случилось так, что, казалось бы, уже давно вышедший из литературной моды стиль «милитари» в интерпретации Дворцова покорил и домохозяек, и преподавателей литературы, и интеллектуалов" [4], - сказано на одном из сайтов, посвященных современной литературе, и это вполне соответствует истине.

Если воспринимать название текста как существенную и важную его часть, то можно говорить о кольцевом характере композиции повести: "Тогда, когда случится" в самом начале и "Ничего не случилось" в самом конце.

Удивителен эпиграф к повести из первого послания фессалонийцам апостола Павла: "Когда будут говорить "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба". Слова Антихриста перед концом света о мире и безопасности всплывают в тексте в связи с тем, как освещались чеченские события в прессе, прежде всего, по телевидению:

"- Опять по ящику покажут, как мирные и добрые чехи ищут работу....

- Как жаждут восстанавливать разрушенное войной хозяйство....

- Как простые кавказские парни мечтают выучиться на механизаторов и менеджеров....

- А девушки на космонавтов и юристов...

- Только дайте им инвестиций...

- И не мешайте их распределять...

- Короче, мужики, понятно: чем нас тут меньше - тем здесь все лучше. Генерал так по-честному и врезал: "Как только мы уйдем, так у нохчей наступит мир и тишина" [3;59].

Здесь автор не просто иронизирует, он привлекает более сильное художественное средство: сарказм. Те, кто был в Чечне, не могли не понимать, как лживо и благодушно выглядели репортажи из воюющей кавказской республики.

Есть в повести несколько сугубо дидактических моментов, ощутимо мешающих восприятию и выпадающих из основной стилистической парадигмы текста. К примеру, В.Дворцов пишет: "Но только в понимании любви – не как жажды чем-то обладать, не в страстном эгоизме, а, наоборот, в полной жертвенности, безостаточной самоотдаче: "Я люблю тебя, значит, я твой" – и покрывает брачный союз Божья благодать" [3;12].

Или еще одна дидактическая истина: "Враг человеческий не один нападает, бесы скопом лепятся, друг за дружкой душу мытарят, передают из лап в лапы, по цепочке. Зазевался – и вот он, грех. А грех рождает страх, страх рождает ложь, ложь рождает гнев, за которым уныние идет, тоска, и, не дай Бог, руконаложение. Это не я удумала, это святые люди написали" [3;19-20].

Большая часть предложений автором доверяется Таисии Степановне, эпизодическому персонажу, теще одного из главных героев, Ивана Петровича, женщине опытной и религиозной. Под нее подстроена некоторая неправильность и удивительная простота речи, имитирующая стиль разговора не самого образованного представителя российского общества: "Добро и зло не могут не воевать, человеки для этой битвы Богом как раз и сотворены. Через вражду со злом людские души ангельский чин обретают, к Престолам возводятся. Взамен отпавших за сатаной" [3;21].

Таисия Степановна – это "глас народа", опора автора, его корни, его оправдание. Именно она, Таисия Степановна, является источником главного слова повести – слова "вразуми". Это слово произносит бесконечное число раз Иван Петрович, когда видит, что сделали чеченцы с его бойцом, как изуродовали его, как надругались над ним. Бессилие и отчаяние вытаскивают из его памяти именно эту молитву: "Вразуми меня, Господи! Вразуми Ты меня!" Молитва – попытка автора вывести горизонтальное повествование о смуте в вертикаль, основанную на гармоничном восприятии мира, на идее справедливости и оправданности происходящего, хотя случающееся очень плохо поддается гармонизации: слишком много зла и жестокости в описываемом В.Дворцовым пространстве. Возможно, именно по этой причине желание автора повести построить вертикаль, опирающуюся на русскую религиозность, нельзя назвать реализованным.

В отличие от концептуально важного и даже сюжетообразующего для З.Прилепина (роман о чеченских событиях "Патологии") противопоставления войны и мира, В.Дворцов показывает мирные сцены как предысторию, почти не вторгающуюся в военные будни, не будоражащую память и не становящуюся основным содержанием снов во время войны.

Конечно, в мечтах воюющих постоянно присутствуют женщины, причем, по версии В.Дворцова, в телесном, эротическом качестве. Тоска по женщинам проявляется во всем: и в фривольных фотографиях на стенах, которые приходится завешивать простыней при появлении армейского начальства, и в диком интересе к приехавшей на пару часов журналистке из Москвы: "Джинсики по самое-самое обрезаны, а на ляжках пушинки – белые, тонкие, чуть видные. Вау!" [3;55].

"Поворот – один из часто встречающихся приемов в книге Василия Дворцова. С идиллии на солдатские будни, с войны – на мир, с душевной пустоты – на веру, которая будет всегда, а не только "тогда, когда случится..." [4]. Поворот – это отступление от последовательного ведения сюжетной линии. Автор несколько раз на протяжении текста настойчиво прибегает к внесюжетным вставкам довольно большого объема, что не всегда оправдано. Некоторые отступления вполне уместны и даже способствуют разнообразию палитры восприятия описываемого в повести, но другие лишь усугубляют ощущение агрессивного отношения автора к представителям чеченского народа, принимавшим участие в боевых действиях.

Отступления можно разделить на несколько групп.

Первая – выдержки из воинских уставов и иных документов, сопровождающих военнослужащих на протяжении всего срока выполнения контракта. К примеру, В.Дворцов приводит подробное описание военным языком жилета разгрузочного, "состоящего из трех частей: двух грудных планшетов, спинного планшета и плечевых ремней" [3;26-27]. Из уставов же взято определение разведывательного патруля, его задачи и особенности действий в различных условиях [3;76-77]. Тот же источник использует автор для разговора о способах захвата противника [3;79] и о многих других ситуациях, возникающих в военной действительности.

Второй тип отступлений – цитаты из Лермонтова, которого вполне можно назвать одним из героев повести.

Третий тип посвящен истории русско-кавказских отношений, к примеру, достаточно подробно воспроизведена биография города-крепости Грозный.

В.Дворцовым используются также милицейские сводки тех времен о деятельности бандформирований, об угонах автомобилей, о воровстве людей.

Некоторые лингвистические удачи В.Дворцова говорят о его таланте в работе со словом, о его перспективах и возможностях. Яркие примеры таких удач: "Гроза в Грозном"; "А окопач – копец" и многочисленные удивляющие своей необычностью и оригинальностью пейзажные зарисовки.

Описания природы у В.Дворцова великолепны, нарочито прихотливы и вычурны, возможно, это сделано намеренно, чтобы контраст с грубоватыми, брутальными сценами из военных будней был особенно ярким и осязаемым. В мире писателя на каждом шагу можно встретить "живой щит терпко пахнущих осыпавшимися почками тополей" [3;3]; тишину, которая "нежится шелестящим придыханием и похлопыванием" [3;3]; "узкую царяпину вчера народившегося месяца, придающую миру окончательную шахерезадность" [3;50-51].

Горы на Кавказе – не только предмет любования, но и вождельный контраст с военной реальностью. Там – "розовые с лиловыми тенями" вершины, полупрозрачные долины, будто "расшитый цветами шелковый шарф", искрящийся, "прокаленный за день" воздух. Тут – "четыре часа караула на четыре отдыха днем, три на три ночью, ремонт заграждений, углубление окопов, смена вечно рваных мешков на брустверах, перекладка кирпичной стены, разборка завалов на крыше, стирка, мытье коридоров, мытье посуды и чистка картофеля на кухне, чистка оружия, стратегия и рукопашная. Без выходных" [3;52].

Городские (грозненские, если точнее) пейзажи отличаются, прежде всего, ощущением равнодушия к прибывшим на Кавказ российским милиционерам: город принимает их "привычным гулом, кислотатостью оседающего смога, цветастой резьбой рекламы и полным равнодушием бесчисленных квадратиков чужих кухонь, гостиных и спален" [3;3]. Признаком военного городского пейзажа являются заложённые кирпичом окна верхних этажей, перекрытые одеялами с целью соблюдения светомаскировки щели [3;31].

В описаниях грозненских картин неоднократно встречается плохо скрываемый автором сарказм: говоря о вновь построенном после войны бензозаправочном комплексе, В.Дворцов пишет: "Эдакий оазис новочеченского процветания на фоне раздолбанного, разграбленного старого русского города" [3;31].

Местной особенностью В.Дворцов называет отсутствие иномарок и объясняет это тем, что в Чечне трудно найти нормальный бензин, зато есть свой, "доморощенный", очень плохого качества, но по низкой цене или вовсе бесплатно.

Одно из пространственных описаний Грозного делает этот город похожим на ад. Сначала идет перечисление видимых деталей и особенностей: "Штурмуемый и отбиваемый, бомбленный и расстреливаемый, взрываемый и разрываемый, разбитый и убитый: пустыри и одичалость зеленки, дворцы и хибары, квадраты многоэтажных кварталов и лабиринты частных секторов, магазины и блокпосты" [3;60].

Потом сопоставление исторической судьбы Грозного с его современным состоянием: "Досыта напитанные человеческой кровью и нефтяной гарью руины былой крепости-форпоста русской цивилизации, брошенной Центром на разор и насилие спустившимся с гор волкам" [3;60-61].

Дальше – мистическое восприятие столицы Чечни: "Город, странный город, в котором с наступлением темноты не засвечиваются окна, исчезают человеческие звуки. Как и не наступает тишина - соловьи, цикады, лай собак и стрельба, стрельба. Странный город, в котором днем суетливо, на скорую руку кипит жизнь, снующая и торгующая, покупающая, ищущая и отдающая, а по ночам неспешно разгуливает смерть" [3;61].

И, наконец, метафизическое его содержание, переходящее в древние, почти первобытные представления о темной стороне бытия и его носителях: "Жизнь и смерть здесь четко знают свои сроки, по взаимному согласию поделив равновесие света и тьмы. В считанные минуты они сменяют внешние знаки добра и зла, дружбы и вражды, веры и предательства, не затрагивая сути, истинной природы вселившегося в долину горного равнодушия к этим самым добру и злу. Здесь теперь это совершенно не важно. Это лишнее, когда полсуток - свет, полсуток - тьма, и всегда - полужизнь, полусмерть. А что? Что у них - жизни и смерти - посередине? Что, кто здесь полуживет? Вурдалак. Да, вурдалак - получеловек-полуволк" [3;61].

Чеченскую войну В.Дворцов называет "извращенной, уродливой, с поддавками и подставками, без фронтов и боевых целей, без стратегии и тактики, где не называется конкретный враг и не дается надежный тыл" [3;108]. Именно поэтому "нужно все двадцать четыре часа, все тысяча четыреста сорок минут быть здесь и сейчас, полностью, без остатка, без заначки на расслабленное плюханье по волнам памяти. Нужно быть готовым, готовым на все" [3;108].

Отвратительной чертой чеченской кампании была работоторговля. В.Дворцов вспоминает: "Подойди к любому, самому что ни на есть "мирному", "цивилизованному" и "профедеральному" чеху и быстро прошепчи: "Есть раб". И получишь автоматический ответ: "Почем"? Это после, через секунду нохчо сообразит, заволнуется, что его, возможно, разводят. Но вначале - цена раба" [3;92-93].

Тот период противостояния, который описан в повести, гораздо позитивнее, чем так называемая первая чеченская компания, о которой один из героев говорит, что военнослужащие выживали, как "маугли" или "последние герои"; что все поголовно были заражены блохами и грибок; что есть приходилось только горох и перловку; что понос был всеобщим, как потоп; что на личную гигиену давали лишь двести граммов воды в сутки [3;111].

Почему-то во всех текстах, посвященных современным кавказским войнам, фигурируют многочисленные собаки. Повесть "Тогда, когда случится" не является в этом смысле исключением. Потерявшие хозяев, поголодавшие и успевшие побродяжничать собаки частенько прибывались к воинским подразделениям в поисках еды и ласки. Собаки не просто снимали напряжение и напоминали о доме, они служили. ОМОНовцы рассказывают о живущем при части псе по имени Фитиль, что он помогал обезвреживать растяжки много раз, но теперь категорически отказывается идти вперед, считая себя "ветераном" и "сыном Полкана" [3;81].

На войне не бывает без страха. Его подробное описание, основанное на физиологических ощущениях, убедительно и наглядно: "Подтянув, обнял колени, так, что бронежилет косо уперся в подбородок, и зажмурился. Режущие воздух визги резонировали в желудке, комками желчи толкаясь в горло, и это был страх, тот "тошнотворный" страх, о котором... за который было совсем не стыдно. Ну а что, что можно было противопоставить тупой случайности, безмозглой, равнодушной ко всему беспомощно забившемуся в укрытия, слепо летящей "на кого Бог пошлет" мине? Что? Только вот это - стать совсем маленьким, неудобным для попадания. И терпение. Просто терпение подкатывающей блевотины" [3;64].

После пережитого страха у нормальных людей возникает обостренное ощущение счастья от наполненности жизнью каждого мгновения. И всем воинам одновременно хочется видеть и слышать вокруг только потешное, хочется смеяться: "Хохотали до слез, до хрипоты и коликов, прысая от одного только взгляда друг на друга, от движения руки, поворота головы, изгиба брови" [3;65].

Люди на войне часто бывают более суеверными, чем в мирное время. Им становятся жизненно необходимы какие-нибудь поддерживающие оптимизм и веру в себя элементы. Отсюда важность следующей детали: "В какую-то из предыдущих смен ребята крупно написали на стене над блокпостом "ОМОН - НЕПОБЕДИМ!", но сегодня это уже не предупреждение врагу, это уже заклинание для себя" [3;91].

Главное благо войны - сон. Автор повести пишет о буднях ОМОНовцев так: "После недели хаотичных метаний по зачисткам освобожденных штурмовыми отрядами зданий и кварталов с плотными перестрелками, с первыми потерями самых близких, самых родных товарищей, после которых так трудно уговорить других - да и себя! - брать "чертей" живыми, после гонок на обстреливаемых со всех дыр бэтэрах, ползаний по подвалам или беганий по

чердакам, после снайперских и фугасных дуэлей, выколупывания из невероятных укрытий и схронов совершенно необъяснимого количества великолепно вооруженных и экипированных боевиков, здесь, в этой несколько раз разграбленной, вымороженной и закопченной самодельными нефтяными горелками, но все же жилой и такой тихой квартире, им всем дико захотелось спать. Спать, просто спать" [3;96-97].

"Выбрав, казалось бы, довольно узкую тему, Василий Дворцов в повести "Тогда, когда случится", сумел разветвить ее на множество вопросов, и над каждым из них можно размышлять и размышлять... Легко ли ощущать себя чужим среди своих, и может ли служба по контракту одновременно быть служением высоким идеалам? Автор сумел великолепно показать внутреннюю работу героев, по разным причинам попавшим в полк ОМОНа для отправки в Грозный. Славка, совсем еще молоденький милиционер, нарушил дисциплину, защищая честь и интересы любимой девушки, и начальство "предложило" ему этот контракт в качестве "искупления вины". Иван Петрович, – человек уже в солидных годах, – хотел своей зарплатой контрактника помочь встать на ноги оставшемуся без работы сыну... Такие разные, герои порой обнаруживают между собой неслучайные сходства, и радуются им. Так, лейтенант и Славка вдруг среди назревающей ссоры с удивлением замечают, что на обоих – одинаковые серебряные крестики. И разговор сворачивает с конфликта совсем на другую тему" [4]. Крестик, символ религиозности, о которой уже шла речь выше, выступает объединяющим началом. Но Василий Дворцов умело и достоверно показывает разные типы бойцов.

Один из самых редких – тип ладного, эстетически почти безупречного, аккуратного, бравого воина, которому в боевые операции попасть не терпится. Такие ребята "светятся потенциальным героизмом, искренне фонтанируя боевым задором" [3;22].

Иван Петрович представляет тип "солдата удачи": опытного воина, не раз побывавшего в переделках и воспринимающего молодое пополнение как своих сыновей, нуждающихся в совете и защите. Главное качество героя этого типа, бывалого солдата, – это мудрость, которая, кстати, подводит его в тексте Василия Дворцова и делает по сути соучастником преступления. Но поначалу именно подобный персонаж, Иван Петрович, произносит максимально взвешенные и продуманные слова, помогающие молодым бойцам в самых разных ситуациях. К примеру, он напоминает зарвавшимся сослуживцам, что на свете есть люди, которые и без устава знают, что и когда им делать, которые умеют сами собой покомандовать и хорошо себя чувствуют вне системы [3;24]. Повидавший виды солдат вынослив и терпелив. Один из героев, жалуясь на замучивших его вшей, слышит в ответ: "Земляную вошь никакой дуст не берет, она, тварь, такая же выносливая, как едомый ею русский солдат" [3;29]. Одной из характерных черт боевого опыта является умение заранее предчувствовать чью-то (в том числе, возможно, и свою) кровь и смерть. В.Дворцов называет такое умение основным признаком правильно выбранной профессии для военного человека [3;90]. Мудрые воины соблюдают многие правила, которые молодым кажутся глупыми. Старослужащие на себе испытали, что устав гарнизонной и караульной службы действительно написан чьей-то кровью [3;108].

Трудно верится в тип милиционера, который наизусть знает почти всего Лермонтова, но и подобный персонаж в повести есть. Автор осознает его некоторую нереальность и сразу отмечает: "А вот так: милиционер и Лермонтов. Это какая-то неправда. Недоразумение, которого не должно быть" [3;2]. То, что происходит потом с этим героем – именно из разряда жутких недоразумений.

Один из героев, боец ОМОНа, – мусульманин. Получается, боец он воюет против единоверцев. Но он утверждает, что чеченцы – сектанты, суфии; "это типа ваших адвентистов-мормонов или еще каких раскольников" [3;50].

ОМОНовцы воспринимали свою миссию по-разному: одни называли себя разменной мелочью, которую никому не жалко при "большой игре" [3;117]; другие утверждали и верили, что они являются "телохранителями России" [3;117], которые находятся в Чечне для того, чтобы себя подставить, когда "это" случится.

Описываемый В.Дворцовым отряд омоновцев сменяет уже повоевавших милиционеров, о которых автор говорит, что они качались от усталости [3;25]. Война никому не дается легко.

Спецназовцы радикально отличаются от солдат-срочников. Они щегольски выглядят, упакованы и откормлены. Срочники обуты в брезентовые ботинки, не знающие ваксы, худы, напуганы. Особенно запоминается читателю крохотный юноша, обутый в явно женские сапожки: "Если бы не каска, делающая его похожим на тощего опенка, не тяжеленное весло АК, вряд ли кто дал бы ему более четырнадцати – ну, и какая же сволочь признала этого недорослика "годным" [3;27].

В одном из эпизодов автор особо подчеркивает, что Сибирский ОМОН не пил. Исключения лишь подтверждают правило: на войне алкоголь был важнейшим средством борьбы со стрессом, вызванным психологическими перегрузками. Несмотря на строгий запрет на алкоголь, водка часто выручала бойцов в тяжелых ситуациях, хотя и не могла успокоить совесть: "Водка от желудка дурным откатом ударила в голову, обожгла лицо до испарины. И, вместо представляемого мягкого бездумного блаженства, обернулась резким осознанием необратимости совершившегося" [3;51].

Все, кто пишут о войне, не обходятся без мата или упоминаний о нем. Ненормативная, но энергетически мощная лексика – составная часть войны. Дворцов тоже об этом знает: "Комвзвода никак не мог употребить хоть одно литературное слово" [3;6].

Ряд деталей, упомянутых автором, говорит о его не литературной, а реальной осведомленности в том, что происходило в Чечне. Он знает, что "под каску лучше бы повязывать платок" [3;33]; что "девять магазинов – десять минут боя" [3;35] и многое другое. Некоторые подробности, упомянутые в повести, мог знать только представитель спецслужб, побывавший в Чечне в годы войны или сразу после. К примеру, автор упоминает, что личная охрана Кадырова-старшего ездил только на "девяносто девярых" серебристого цвета и без номеров. "И следили, чтобы кто-то не из их тейпа не завел себе такую машину" [3;39].

Чеченцев в тексте называют по-разному: "чехами", "чертями" ("Все они, члены БГ, БП и БФ – бандгрупп, бандподполий и бандформирований – черти". Старо, но точнее не придумаешь" [3;68]. Именование "нохчо" писатель связывает с идеей о том, что чеченцы – прямые потомки высидившегося на Арарате Ноха (Ноя) [3;100].

Чеченцам даются очень нелицеприятные характеристики. К примеру, они, по мнению автора, не умеют трудиться, а лишь "вяло имитируют трудовую деятельность" [3;28]. Писатель уверен, но нет "у нохчей в крови" желания и умения работать. "Другое дело завладеть" [3;68].

В.Дворцов упоминает еще, что "горцы визжат, как крысы. И воняют" [3;149]. Даже сравнения писатель использует негативные: "черные, как грачи" [3;28].

Чечня в изображении В.Дворцова – крайне коррумпированная территория: "Здесь как! Хочешь стать рядовым ППС – плати тонну баксов, а в ОМОН меньше, чем за двадцать пять не берут" [3;39]. Исчезнувшие с армейских складов обувь, камуфляж, консервы, одеяла и матрасы оказывались в магазинах Грозного и продавались армейцам без какого-либо стеснения [3;40]. Воровство в Чечне процветало, причем, масштабное, поражающее воображение: "Турецкое золото "контрабасов" и дачки снабженцев - собачьи крошки со стола хозяев, гоняющих составы стройматериалов, оборудования, техники, горючего, одежды, продуктов, медикаментов - из России в Чечню и обратно, миллиардами высасывающих "финансовое обеспечение восстановления разрушенного войной народного хозяйства республики" [3;119].

Признаком лживости чеченцев В.Дворцов называет тот факт, что после призыва Дудаева все бывшие партийные секретари Чечни в один миг оказались муфтиями и шейхами [3;100].

Важнейшей для чеченцев национальной особенностью является тейповая структура. У представителей этого народа человек без родни не просто ничего не стоит, а как бы вовсе не существует: "Здесь нравственно лишь то, что приносит благо тейпу, безотносительно всего остального мира: чеченец "прав" - отчаянно защищая честь девушки своего рода и спокойно развращая или насилая "инородку", "прав" - с почтением относясь к своей матери и тут же пробивая кастетом голову "чужой" старухи. Вынутый из своего тейпа-муравейника, чечен мгновенно погибает, ибо он, точно так же, как муравей, не способен в одиночку видеть, понимать, принимать решения" [3;93]. Отношения между тейпами в повести сравниваются с отношениями уголовных банд, бригад: честью считается подставить конкурентов, убить, ограбить, продать кого-то в рабство: "И при чем тут "братья-вайнахи" и прочая кинжально-папаховая ичкерийская показуха? За ящик консервов и пару одеял сосед на соседа наступит с удовольствием. Правда, если будет точно уверен, что русские его не сдадут" [3;93].

ОМОНовцы замечали, что на чеченских могилах часто встречаются штыки. Они выяснили у местных, что это знак мести. Пока кровь не смыта кровью, на могиле не отмщенного чеченца "красуется" штык. С этим связаны рассуждения автора об особенностях национальной позиции чеченцев: "Прикинь: у каждого чеха по десять-пятнадцать детей. А профессия на всех одна - разбой. Поэтому, когда семья теряет семь-десять сынов, это для них норма. Норма! Больно, конечно, но не смертельно. В горах вообще только так и можно остальных выкормить. Нам с тобой не понять: у нас одного мальчонку убили, и - все! Все! Нет больше фамилии. Ни Ивановых, ни Петровых, ни Сидоровых. Одного "двухсотого" достаточно, чтобы целый русский род пресечь. А для чертей и десять погибших - не конец" [3;120].

В.Дворцов развенчивает многие убеждения, связанные с Чечней, например, то, что мусульмане не пьют. В повести сказано, что "под вечер в Грозном трезвый водитель – разве что за рулем автобуса" [3;43].

Чеченцы к русским относятся с нескрываемым презрением: к ОМОНовцу, который глупо и даже не особенно реалистично поверил чеченской девушке, обращены такие слова ее дяди: "Что, ранена рука? - бей второй! Сломана нога? - пинай другой! Нет, все вы, русские, все вы, гаски, - не воины, не мужчины... А ху бох? Что ты сказал? Да, ты прав, гаски, прав: мы волки. Волки! А вы - овцы. Вы - бараны, у вас даже своего пастуха нет. Кто вас сюда гоняет? Кто дома стрижет? А? Израиль? Бараны вы, русские, послушные бараны, и пока вами правят Ваксельберги да Абрамовичи с Фридманами - мы вас будем есть. Рвать на части" [3;146].

То, что пишет В.Дворцов о чеченских женщинах, несколько отдаёт снобизмом и высокомерием человека, считающего себя более цивилизованным, чем те, с кем приходится иметь дело: "Хотя на перекрестке и на автобусной остановке приходилось видеть молоденьких чеченок с непокрытыми крашеными головами, были даже в джинсах. Значит, все-таки понемногу цивилизуются. Так что, рано или поздно, и горные скво тоже начнут сосать "клинское" и татуировать копчики. И пользоваться контрацептивами. Оставаясь вурдалаками" [3;61].

Однако все не так просто. В.Дворцов очень жалеет горянок, понимая, до какой степени тяжела уготованная им доля: в пятнадцать лет их выдадут замуж, к тридцати они уже десять раз родят. Им приходится колоть дрова и носить воду, чистить и готовить, стирать, мыть, шить, ковыряться в огороде и нянчить многочисленных детей. И все это чеченка должна делать молча, глаза в землю. Горянки, как заметил В.Дворцов, вообще не говорят, если их конкретно не спрашивают [3;67].

Писатель камня на камне не оставляет от легенды о шахидках как о вдовах, мстящих за погибших любимых мужей. Забитые и неграмотные чеченские женщины, по убеждению автора, на любовь способны быть не могут. И тут всплывает рачительное тейповое сознание, для которого вдова – обуза. Ее просто применяют в последний раз, надевая на нее пояс шахидки и отправляя на "подвиг". Она безропотно подчиняется, потому что за ее смерть детям и родителям выделят долю от "общака". А если она откажется – "их ждет голодная смерть или то же рабство" [3;94].

Тейп – очень важное понятие для чеченца. Одним из главных выводов повести является следующий: война в Чечне – это столкновение разных типов сознания, разных понятий о добре и зле. У жителей Чечни ни за что нет личной ответственности, так как каждый в любом действии исполняет волю своего тейпа. И судить чеченца может только тейп, но не российские суды, к примеру [3;101].

То, что В.Дворцов настаивает на именовании коренных жителей Чечни "чертями", описывая же русских ребят, часто вспоминает о крестиках на груди и иных символах православной религиозности, переводит чеченские события в план столкновения между религиями, между райскими и адскими силами, между божественным и дьявольским.

Повесть подчеркнута лишена сентиментальности. Более того, там, где появляется что-то романтическое, тут же происходит история, вдребезги этот настрой уничтожающая. В мире В.Дворцова только природа может позволить

себе такие возвышенные состояния. Жестких, страшных сцен в тексте много. Для убедительности приведем несколько примеров.

"На этом перекрестке расстреляли разведку морпехов, и на конечники насадили отрезанные головы мальчишек-первогодок" [3;31].

"...А ночью часовых ножами сняли. Пацанов, как свиней, порезали. Кровищи - земля же сухая, не впитывала... Нас, рядовой состав, не тронули: просто по палаткам в упор с "калашей" попалили... Обделались все. Чехи же еще и пели: "Калинка-малинка моя"! А лейтенанта и прапорщиков увезли. С концами" [3;111].

Наиболее душераздирающая сцена связана с главным героем, слишком чистым и наивным для такой войны: "Хазрат, аккуратно, чтобы не запачкаться, оперся косточками кулаков на край козел и наблюдал за сыновьями, которые уже, не так, как когда-то в первый раз, а ловко и точно срезали русской свинье уши - "цаа хум цахез" - "ничего не слышу", и вырезали глаза - "цаа хум ца го" - "ничего не вижу". Русский опять немного покричал, подергал ногами, но скоро отключился. "И язык тоже"! - в этой войне мусла благословенна" [3;147]. И это все происходит с парнем, который совсем недавно обвенчался, который после первой ночи с любимой женщиной выскочил голым на снег и готов был обнять весь мир: столько в нем обнаружилось любви.

Война во всех своих проявлениях антигуманна и отвратительна. Но такая жестокость даже для видавших виды бойцов была шоком.

Критика командования в тексте повести присутствует, но как-то вскользь, не в лоб. К примеру, после характеристики замполита, в которой, кстати, цитируется Лермонтов ("Ну какой же замполит мировой мужик, настоящий слуга царю, отец солдатам" [3;6]), автор лаконично сообщает, что такие командиры "редко поднимаются выше майора" [3;6].

Без подробностей и смакований преподнесена автором еще одна серьезнейшая проблема, связанная с поведением представителей командования: "Ну, ладно, нам, эмвэдэшникам, действительно хоть что-то, да платят, а армейцы-то свои заслуженные по году выпросить не могут. А если выпрашивают, то только за тридцать процентов отката. Мальцов стреляют, подрывают. Безо всякой войны. А с них откат. Вот сучары! И еще плевков - бывших "духов" "Героями России" награждать. Плевков на могилы, на костыли этих вот мальцов" [3;106].

Начальство умудрялось, не выезжая из безопасных населенных пунктов, "закрывать" себе так называемые "боевые" сутки, а те, кто "тянул ляжку" в горах, не могли порой и пять дней в месяц записать на свой счет. И ОМОНовцы говорят о подобных явлениях, не подбирая интеллигентную лексику: "Стаж прет один к полутора, звания с ускорением. А если где какая стычка с потерями, так они, суки, за нашу кровь еще и ордена себе повешивают. Кто-то под пулями да через гранаты прыгает, а кто-то над стаканом... хреном дрыгает" [3;118].

Самая серьезная претензия к автору повести – это глава, которую он назвал "За семьсот лет...". Она непростительно велика, длинна. При общем объеме повести в 150 страниц, документальная глава занимает семнадцать, которые читаются достаточно тяжело. Это мешает восприятию, нарушает стилистическое единство текста и снижает уровень художественности повести. Глава представляет собой набор исторических сведений о заселении Притеречья русскими поморцами, о появлении на Кавказе казаков в XVI веке, о создании крепостей в XVIII веке. Дальше, тоже излишне подробно, ведется повествование, которое художественным назвать невозможно, о взаимодействии ислама и православия на территории, называемой Северным Кавказом. То, что происходило в Чечне в советскую эпоху, В.Дворцов также не упускает из виду, настаивая на неоднозначности оценки взаимоотношений Советской власти как с чеченцами, так и с казаками. Отсюда, по мнению создателя повести, проистекают причины повстанческого движения. В.Дворцов, конечно, не обошел вниманием факт массового перехода на сторону фашистских оккупантов горцев-мусульман.

Из семисотлетней истории этой многострадальной земли автор выделяет два периода, когда Кавказ успокаивался: "Впервые - когда увлеченные агентами Франции и Польши, проигравшие войну русским войскам, чеченцы массово эмигрировали в Турцию. Второй - Сталинское выселение в Казахстан. Это были жесткие, жестокие акции, но они реально дали хотя бы краткие периоды спокойного земледелия, роста промышленности, нефтедобычи на Кавказе, периоды благополучия для большинства разноплеменного населения этого благодатного края" [3;132].

Выводы, к которым приходит писатель, можно назвать шовинистическими. Он говорит о грабеже и работорговле как о вековой основе экономики горцев. Он напоминает о высокомерии чеченцев в связи с их верой в собственное первородство: "Сложившееся исторически (родовая замкнутость) и обоснованное идеологически (религиозная секта) "моральное право" на господство человека над человеком, народа над народом "подтверждалось" "первородством" чеченцев, которые, согласно своим мифам, единственные на Земле ведут непересекающуюся родословную от Ноха (Ноя), с момента высадки того на Апарате" [3;136].

Отношение к русским в Чечне 90-х годов XX века В.Дворцов называет геноцидом. Как пример геноцида в повести приводится станица Асиновская, где боевики Дудаева зверски убили 49 человек, сожгли церковь, изнасиловали всех женщин от двенадцати до восьмидесяти лет.

Глава заканчивается публицистическим высказыванием, направленным не столько в сторону чеченцев, сколько в сторону руководства страны. Высказывание крайне жесткое, такое даже в оппозиционной прессе не встретишь: "Это вот за эти 120000 захваченных домов и квартир в русских городах и казачьих станицах сегодняшние "жители Чеченской Республики", в случаях разрушения их в ходе боевых действий, получают с русских же по 350000 рублей компенсации. В то время как истинные беженцы не могут высудить у "своего" правительства и пятидесяти, чтобы приобрести хоть какую-то халупу в местах, где нет и не предвидится никакой работы.

С нашим атаманом

Не приходится тужить..." [3;137].

Последние несколько страниц повести позволяют утверждать, что писатель адресует основные обвинения не чеченцам (в конце концов, идет война, взаимная жестокость врагов – ее неотъемлемая составляющая), а российским властям и средствам массовой информации. ОМОНовцев предавали свои же командиры, комментируя различные

инциденты. Они называли бандитизмом факты самообороны, они настаивали, что милиция – не партизанский отряд, не куклусклановская структура, а орган правопорядка. Они именовали своих же сотрудников, вынужденных обороняться, мерзавцами и подонками, обещая очистить от них свои ряды. Прикрываясь правильными словами, они "сдавали" своих подопечных и журналистам, и руководству. То, что писатель приводит целиком и не снабдив никаким комментарием интервью с не названным по имени генералом, последовавшее за бедой, случившейся со Славичем, – максимально убедительный и мощный прием, потому что выводы читатель делает сам. Генерал утверждает, что действия ОМОНовцев против чеченцев можно назвать "предательством своего ведомства, своего мундира, принятой присяги, и вообще всей той общечеловеческой гуманистической идеи, которую мы все призваны отстаивать перед угрозой международного терроризма" [3;150].

О перспективах взаимоотношений России и Чечни В.Дворцов высказывается однозначно: "Двукратно размножающиеся в каждые пять лет горцы недолго усидят в захваченной ими долине, уже скоро они выжрут тут все, и будут просто вынуждены двинуться дальше. "...В Чечне и на всем Кавказе мир и безопасность..." - да просто проходит инкубационный период, наращивается масса, и, одновременно, готовятся плацдармы! И не так долго ждать того дня, когда третья война полыхнет уже по всем крупным городам России. По всем. Война ради войны. Потому что для ичкерийцев война есть форма существования, без нее им просто нечем жить. Без грабежей и работоторговли они - ... вымрут" [3;95].

Это высказывание писателя открывает еще одну жанровую грань повести, вводя ее в круг текстов, предупреждающих о грядущих бедах и опасностях, подстерегающих тех, кто был осведомлен, но не принял меры.

Литература

1. Аннотация к повести В.Дворцова "Тогда, когда случится" // <http://cwer.ws/node/343848/>.
2. Дворцов Василий Владимирович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворцов,_Василий_Владимирович.
3. Дворцов В. Тогда, когда случится. Повесть. Новосибирск: Историческое наследие Сибири. 2010.
4. Литературный навигатор. Радио ВЕРА. Василий Дворцов. Тогда, когда случится // <http://radiovera.ru/literaturnyiy-navigator-vasilij-dvortsov-togda-kogda-sluchitsya.html>
5. Рецензии на книгу "Тогда, когда случится" // <https://www.livelib.ru/book/1000973373/reviews>.

References

1. Annotacija k povesti V.Dvorcova "Togda, kogda sluchitsja" // <http://cwer.ws/node/343848/>.
2. Dvorcov Vasilij Vladimirovich // https://ru.wikipedia.org/wiki/Dvorcov,_Vasilij_Vladimirovich.
3. Dvorcov V. Togda, kogda sluchitsja. Povest'. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. 2010.
4. Literaturnyj navigator. Radio VERA. Vasilij Dvorcov. Togda, kogda sluchitsja // <http://radiovera.ru/literaturnyiy-navigator-vasilij-dvortsov-togda-kogda-sluchitsya.html>
5. Recenzii na knigu "Togda, kogda sluchitsja" // <https://www.livelib.ru/book/1000973373/reviews>.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.233

Весова Т.Н., Чистякова Е.В.

Волгоградский государственный технический университет

РЕЧЕВЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ИТОВОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АБИТУРИЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация

Авторы статьи, участвуя в проверке декабрьских сочинений выпускников 2014–2015 учебного года, предъявленных абитуриентами при поступлении в вуз для получения дополнительного балла, решили проанализировать речевые и грамматические ошибки, допущенные учащимися в их работах. Авторы рассматривают существующие классификации ошибок и иллюстрируют их большим количеством примеров, надеясь, что это поможет преподавателям в предупреждении и устранении грамматических и речевых ошибок учащихся.

Ключевые слова: отрицательный языковой материал, грамматические ошибки, речевые ошибки, классификация ошибок.

Vesova T.N., Chistyakova E.V.

Volgograd State Technical University

SPEECH AND GRAMMATICAL MISTAKES IN FINAL COMPOSITIONS OF MODERN ENTRANTS OF TECHNICAL COLLEGE

Abstract

The authors of the article, taking part in audits of the December works of graduates of 2014-2015 academic year submitted by applicants for admission to the University for more points, decided to analyze speech and grammatical mistakes made by students in their work. The authors examine the existing classification of errors and illustrate them by many examples, hoping that it will help teachers in the prevention and elimination of grammar and speech errors students.

Keywords: negative language material, grammatical mistakes, speech mistakes, classification of mistakes.

Известно, что первые исследования речевых ошибок начинаются в 20-е гг. прошлого века, когда появляются работы А. Н. Гвоздева (1927), Л. В. Щербы (1930), К. И. Чуковского (1928) и др. Л. В. Щерба составил подробную классификацию синтаксических ошибок (вид речевых ошибок) и объяснил причины возникновения конкретных ошибок при написании сочинений (1930) [1].

Позже ученый ввел понятие «отрицательного языкового материала» для обозначения «неудачных высказываний с отметкой "так не говорят"» (1974) [2]. Академик Л. В. Щерба отмечал, что «роль отрицательного материала громадна

и совершенно еще не оценена: отрицательный эксперимент («так не говорят») не менее важен для теории, чем эксперимент положительный («так говорят»); только взаимодействие этих двух моментов поможет разобраться в тенденциях развития языка, в языковой норме.

Исследованием природы и классификацией *речевых и грамматических ошибок* занимались многие известные учёные-методисты: М. Р. Львов [3], С. Н. Цейтлин [4], В. И. Капинос [5], Т. А. Ладыженская, Н. В. Ладыженская [6], М. С. Соловейчик [7] и другие. Однако до сих пор среди ученых нет единого мнения как по вопросу о классификации ошибок, так и по использованию терминов для их обозначения. Современные ученые-методисты предлагают разные классификации ошибок.

В школьной практике принята классификация речевых ошибок учащихся, построенная на основе различения строя языка (его структуры, системы языковых единиц) и функционирования языковых единиц. Авторы данной классификации, В. И. Капинос и М. С. Соловейчик, исходили из того, что ошибки школьников в использовании языковых средств обусловлены двумя причинами: 1) незнанием системы языка, структуры языковых единиц; 2) неумением использовать языковые единицы при построении собственного высказывания, незнанием особенностей функционирования языковых единиц.

В связи с этим выделяются две большие группы ошибок:

1. Грамматические ошибки (ошибки в структуре (в форме) языковой единицы).

2. Речевые (ошибки в употреблении (функционировании) языковых средств). Речевую ошибку можно заметить только в контексте, в этом её отличие от ошибки грамматической, для обнаружения которой контекст не нужен.

Комплексное владение литературными нормами родного языка (в том числе и лексическими) проверяется в процессе написания учащимися 11 класса итогового декабрьского сочинения (зачёт за сочинение является пропуском к остальным экзаменам) и сочинения-эссе на ЕГЭ. Составители КИМов ЕГЭ, если говорить обобщённо, выделяют четыре большие подгруппы грамматических ошибок: в образовании слова в пределах разных морфем (несколько мандарин), формы слова разных частей речи (около пятиста рублей), словосочетаний (род имён существительных, выражение различного рода отношений с помощью падежей и предлогов) и предложений (Те, кто пришли и др.). Речевые ошибки, наверное, трудно объединить в подгруппы. В методических рекомендациях по оцениванию выполнения заданий ЕГЭ с развёрнутым ответом предлагается классификация речевых ошибок, в которой выделены 12 ошибок: непонимание значения слова, неразличение паронимов, синонимичных слов, неоправданное употребление просторечных, жаргонных слов и др. [8].

Задания, связанные с языковыми нормами, и сочинения даются учащимся нелегко. Это показывает анализ проверенных сочинений. Примеров «отрицательного языкового материала» множество. Мы не рассматриваем здесь достаточно часто встречающиеся фактические ошибки, которые говорят о слабых знаниях, неачитанности учеников. Например: *Базаров, смертельно раненный, доживает последние дни. Старуха (Изергиль) рассказала легенду о Данте. Комедия Островского «Горе от ума».*

Допускается много ошибок в словообразовании: *растраковать, сестрицкая любовь, он отламливает маленький кусочек хлеба, обладают самопожертвованностью, ничего в этом нет предрассудительного, Великоотечественная война, любовь крепчала, крепкость духа человека, горести и тягости войны.*

На уровне словосочетания часто допускаются нарушения норм согласования. Вот некоторые примеры: *С жизнью главного героя происходят разные события. Любовь сравнима вдохновению. Вторым аргументом, подтверждающего испытывание человеком страха, хочу привести повесть М. Шолохова «Судьба человека».*

На уровне предложений изобилуют сочинения ошибками в построении предложений с деепричастным оборотом, хотя если учащиеся слышат или видят в тексте такие предложения, то легко находят ошибки, тем не менее, тут же допускают подобные сами. Примеров множество: *Приглядевшись к рыбе, она показала ему зловещей. Получая отказ, любовь уже не кажется такой очаровательной. Однажды, выполняя свое задание, снаряд упал рядом с автомобилем Андрея (Соколова). Отправляясь на фронт, Соколова тревожит мысль о том... Признавшись Онегину в своих чувствах, Татьяне становится понятно, что любовь ее безответна. Однажды, отправившись за очередным уловом, ему на крючок попала огромная осетрина. Здесь еще и речевая ошибка, когда абитуриент путает осетра и осетрину. Говоря про самого писателя, Лермонтов был одинок. Слушая его, наворачивались слезы.*

Обилие таких примеров говорит, насколько трудно учащимся понять, что деепричастие, обозначая добавочное действие, относится к глаголу-сказуемому и обозначает действие одного и того же лица. Для того чтобы таких ошибок было меньше, требуется большая тренировка.

Часто абитуриенты допускают ошибки в построении сложного предложения, что может привести к логическим ошибкам или просто вызвать недоумение у читающего. Проиллюстрируем это примерами. *В наше время нужно духовно развиваться, а это делают только книги. Женские руки не оружие должны держать, а детей воспитывать. Есть что-то, что страшнее пыток – это женщины, участвовавшие в войне.*

Ошибки, связанные с неверным или не с самым удачным употреблением слов или фразеологизмов, квалифицируются в школьной практике как речевые. Если в работе на ЕГЭ допущено более трех речевых ошибок, экзаменуемый лишается двух баллов. Выпускники нарушают коммуникативную точность высказываний, употребляя слова и фразеологизмы в несвойственном им значении или без должного учета стилистических или эмоционально-экспрессивных оттенков выражений. *Война – это ужасное кровопролитие как винных, так и безвинных людей. Сила духа Соколова изумляет даже закоренелых фашистов. Весть о гибели сына (Андрея Соколова) обескуражила его. Хозяйка обработала ранение Сотникова. У Толстого в 1-2 томе описывается умеренная жизнь героев.*

К типичным ошибкам можно отнести немотивированное использование просторечной лексики. *Лиза (Бричкина) утопла в болоте. Когда Печорину удаётся проверить свой план... Андрей Соколов выпил 3 стакана паленой водки со страхом смерти в голове.*

Выпускники должны отчетливо понимать, что лексическая избыточность, употребление даже одного лишнего слова может исказить предложение. *Лермонтов оставил за собой огромный след в литературе.*

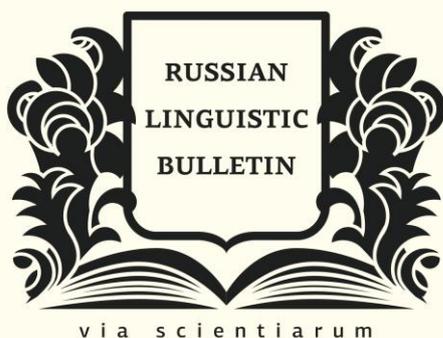
Таким образом, речевые и грамматические ошибки всегда были предметом пристального внимания и эмоционального, заинтересованного обсуждения лингвистов. При этом они до сих пор остаются одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов. Учителю в школе, преподавателю культуры речи в вузе необходимо знать частотные грамматические и речевые ошибки учащихся и максимально работать над их устранением. Например, анализ проверенных сочинений позволил скорректировать работу по русскому языку в 9–11 классах лицея при ВолгГТУ. В Волгоградском государственном техническом университете в программы подготовки студентов-нефилологов включён элективный курс, представленный в образовательном стандарте бакалавриата, «Культура речи». Курс культуры речи должен помочь студенту стать зрелой, но не утратившей способности к постоянному совершенствованию языковой личностью [9].

Литература

1. Щерба Л. В. Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся // Русский язык в советской школе. 1930. № 3. С. 74-85 (составлено совместно с Е. Д. Герке, О. И. Козелюкиной, Н. Н. Роде и В. В. Трубицыным).
2. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-39.
3. Львов М. Р. Методика развития речи младших школьников. М. 2001. – С.143.
4. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М. 2013. – С.3.
5. Капинос В. И. Развитие речи: теория и практика обучения // В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик. 2-е изд. М.: ЛИНКА-пресс, 1994. – С. 173.
6. Ладыженская Т. А., Ладыженская Н. В. Текстовые умения. Как им учить? // Начальная школа плюс До и После. 2005. №5.
7. Соловейчик М. С. Работа по культуре речи на уроках русского языка// Начальная школа. – 1986. – №9. – С. 30 – 34.
8. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий ЕГЭ с развернутым ответом. Русский язык.// Цыбулько И. П., Александров В. Н., Васильевых, И. П., Гостева Ю. Н., Капинос В. И. и др. М., 2009. – С. 37-38.
9. Белякова, Л. Ф. Язык СМИ и грамматические трудности в университетском курсе культуры речи / Л. Ф. Белякова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 16(119) /ВолгГТУ. – Волгоград, 2013. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 14). – С. 78–81.

References

1. Szczerba L.V. Difficulties of the Russian language syntax for Russian students // Russian language in Soviet schools. 1930. № 3. P. 74-85 (Drawn up jointly with the E. D. Gerke, O. I. Kozelyukinoy, N. N. Rode and V. V. Trubitsyn).
2. Szczerba L.V. About threefold aspect of language phenomena, and an experiment in linguistics // Szczerba L.V. Language system and speech activity. L., 1974, pp 24-39.
3. Livov M. R. Technique of development of speech of younger schoolboys. M., 2001. - p.143.
4. Zeitlin S. N. Speech errors and their prevention. M. 2013 - p. 3.
5. Kapinos V. I. Speech Development: Theory and Practice Training // V. I. Kapinos, N. N. Sergeeva, M. S. Soloveitchik. 2nd ed. M. : Linc Press, 1994. – p. 173.
6. Ladyzhenskaya T. A., Ladyzhenskaya N. V. Word skills. How do they teach? // Elementary school plus before and after. 2005. №5.
7. Soloveitchik M. S. Work on culture of speech at Russian lessons // Elementary School. - 1986. - № 9. - p. 30 - 34.
8. Methodical recommendations about estimation of performance of the USE tasks with the developed answer. Russian language. // Tsybulko I. P., Aleksandrov V. N., Vasilyev I. P., Gosteva Y. N., Kapinos V. I. M. et al, 2009. - pp. 37-38.
9. Belyakova, L. F. The mass media language and grammatical difficulties in a university course of the standard of speech/L. F. Belyakova//Izvestiya VOLGGTU: interhigher education institution. сб. науч. Art. No. 16(119) / VOLGGTU. – Volgograd, 2013. – ("Problems of Social and Humanitarian Knowledge" series; issue 14). – Page 78-81.

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.201

Воронин М.С.

ORCID: 0000-0002-8586-1875, Аспирант, Алтайский Государственный Университет

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НАВИГАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «НОВОЙ ЕВРОПЫ»*Аннотация*

В настоящей статье приведена общая характеристика идеологического пространства новых географических альянсов в контексте средств массовой информации «новой Европы». В работе отмечается роль специальной когниции при навигации индивида в межкультурном пространстве. Также проведён практический анализ материалов медийного пространства стран «новой Европы», результаты которого представлены в виде соответствующих диаграмм и дендрограмм. В качестве используемых методов анализа применялись методы контентного и кластерного анализа.

Ключевые слова: медийное пространство, когнитивная карта, специальная когниция.

Voronin M.S.

ORCID: 0000-0002-8586-1875, Postgraduate student, Altai State University

COGNITIVE MODELING OF NAVIGATION IN “NEW EUROPE” IDEOLOGICAL SPACE*Abstract*

This article provides general overview of ideological space of new regional integrations in the context of mass communications in “new Europe”. The article notes the role of spatial cognition when navigating the intercultural space. In addition, this article provides results of practical analysis of mass media in “new European” countries presented in corresponding diagrams and dendrograms based on methods of content and cluster analysis.

Keywords: media space, cognitive map, spatial cognition.

Наличие множества различных точек зрения на проблему развития современных цивилизаций обусловлено многообразием идеологических, социальных, политических и других форм устройства современного мира. Французский писатель и историк Ж. Гобино [2] в своей работе «Опыт о неравенстве человеческих рас» отмечает цикличность развития человеческих цивилизаций, отмечая, что смена циклов происходит в том числе вследствие «движения» границ географических альянсов и, как следствие, влечет за собой трансформацию идеологии в рамках определённой территории. Развивая свою концепцию, Ж. Гобино говорит о том, что каждая новая цивилизация неизбежно сталкивается с необходимостью изменения устоявшейся идеологической системы, которая обусловлена как глубинными процессами внутри самого общества, так и влиянием экстратерриториальных факторов, в частности, наличием или отсутствием контактов с более «совершенными» цивилизациями.

Германский историк Г. Рюккерт [19], убеждённый сторонник иерархической модели устройства мирового сообщества, рассматривает процесс трансформации цивилизаций в контексте нестабильности иерархического устройства мира. По его мнению, Европейская цивилизация стоит во главе иерархической лестницы, в то время как развитие «прочих» цивилизаций обусловлено текущим состоянием идеосферы Европейского сообщества.

Русский социолог Н.Я. Данилевский [3] напротив, указывает в своих работах на необоснованность выделения «исключительных» цивилизаций, имеющих безусловное превосходство над остальными, таких как Западная или Европейская цивилизация.

Взгляды Н.Я. Данилевского схожи с позицией германского культуролога О. Шпенглера [8], представленные в его труде «Закат Европы» в части непринятия идеи европоцентризма. О. Шпенглер рассматривает развитие отдельных цивилизаций вне иерархической структуры, полагая, что каждая цивилизация существует как самостоятельная единица, единый организм, проходя определённые этапы «жизненного цикла» и находясь в постоянном взаимодействии с другими цивилизациями.

Приведённые точки зрения отражают различные подходы исследователей к определению места и роли Европы в контексте других географических альянсов. Однако, большинство авторов едины в оценке важности идеологической составляющей при формировании вектора развития Европейской цивилизации [4].

Ряд технологических прорывов второй половины 20 века открыл возможности по передаче обширных массивов данных практически на любые расстояния, что подняло вопрос изучения культурного взаимодействия отдельных географических альянсов на качественно иной уровень [7]. Широкое использование информационных технологий среди населения определило появление термина «информационное общество», идеосфера которого формировалась в значительной степени за счёт расширения медийного пространства [13].

Разработка и внедрение передовых инфраструктурных решений в области связи послужило началом активного развития транскультурных коммуникаций, ставших основой для формирования глобального информационного пространства.

Географические альянсы с развитой общественной идеологией, нормами права, экономическими моделями демонстрируют стремление к объединению вокруг себя как можно большего количества стран-союзников для повышения стабильности собственного развития и безопасности. Средствами в достижении указанных целей часто становятся военная, экономическая и идеологическая мощь альянса [12].

Наличие эффективных инструментов идеологического моделирования позволяет говорить о существовании идеологического пространства, границы которого не всегда совпадают с географическими границами альянса. В качестве примера такого альянса может выступать крупнейшее геополитическое объединение Европейский союз государств [9].

Активное развитие электронных вычислительных систем в середине 20 века позволило осуществить ряд знаковых проектов, среди которых запуск первых искусственных спутников Земли, разработка электронных дисплеев,

компьютеров, что в совокупности дало стимул к формированию основ теоретико-технической базы геоинформационных систем, в частности, пространственного анализа [1].

Так, в октябре 1977 г. на базе Гарвардского университета был проведён первый международный симпозиум, посвящённый перспективным исследованиям структур топологических данных для географических информационных систем [11]. Результатом обсуждений в рамках международного симпозиума стало дальнейшее активное развитие компетенций в области географических информационных систем, послуживших основой для формирования в конце 1980 гг. науки о географической информации [14].

По мнению британского политолога Д. Маккормика [18], жизненный цикл подавляющего большинства современных межгосударственных объединений во многом схож с жизненным циклом существовавших ранее цивилизаций. В качестве аргумента в пользу данной концепции, Д. Маккормик приводит идеосферу «Новой Европы», которая, по его мнению, миновала период бурного развития и сегодня находится на стадии застоя.

С целью сохранения геополитической целостности, Старая Европа трансформировалась в Европу Новую, расширив границы своего идеологического пространства. Термин «Новая Европа» популярен среди американских политологов и характеризует территории, население которых составляют преимущественно народы-переселенцы, говорящие на европейских языках [15]. Концепция Б. Смита [10] предполагает наличие особого вида ментальной репрезентации новой территории у переселенцев, которая формируется с учётом полученных знаний о коренном населении, его образе жизни и культуре.

В рамках изучения навигационных способностей человека в процессе адаптации к условиям новой территории, американский психолог Э. Ч. Толмен вводит понятие «когнитивной карты» [22], ставшее популярным в 1960-е, 1970-е гг. среди исследователей поведенческих аспектов человека при построении маршрутов в незнакомом городе [17].

Итальянский политолог Г. Майоне [20] развивая концепцию навигации человека в незнакомых условиях, указывает на принципиальную роль пространственной когниции (*spatial cognition*) в построении ментальных репрезентаций или когнитивных карт местности (*mental representations of cognitive maps*) в сознании индивида, которые содержат информацию о границах определённой территории, её внутренней структуре, расположении объектов друг относительно друга, их свойствах, а также прочую информацию необходимую для перемещения по незнакомой территории.

Механизм реализации пространственной когниции является предметом изучения ряда научных дисциплин, таких как психология, философия, география, история, киберлингвистика и прочие. Согласно концепции канадского филолога и философа М. Маклюэна [6], пространственная когниция обеспечивает возможность формирования в сознании индивида логической последовательности представлений об окружающей его территории, которые в свою очередь формируются при помощи языковых средств - пространственных метафор (*spatial metaphors*).

Пространственные метафоры определяют ключевые точки когнитивной карты в сознании индивида и находятся в корреляции с уже имеющимися представлениями об отдельных предметах и явлениях, выступая своеобразной призмой накопленных знаний (полученных эмпирическим путём при непосредственном контакте с объектами знакомой территории), сквозь которую человек воспринимает новую для него местность [5].

Канадский филолог М. Маклюэн, в концепции «глобальной деревни», подчеркивает особую роль средств массовой информации в формировании ментальных (когнитивных) карт географических объединений.

Пространственная когниция реализуется в различных сферах общественно-политической жизни современного информационного общества. С развитием электронных вычислительных систем, пространственная когниция и формирование когнитивных карт могут осуществляться в полуавтоматическом и автоматическом режимах с учётом определённых критериев (социальный, экономический ипакт), что требует наличие у индивида соответствующих компетенций для эффективной навигации в условиях развитой городской инфраструктуры [16].

Репрезентация объектов городской инфраструктуры на уровне ментальных карт (*cognitive mapping*) может быть расширена при помощи мобильных навигационных систем, что максимально упрощает построение маршрута от условной точки А до условной точки Б, снабжая пользователя необходимой информацией об окружающей территории в интерактивном режиме. Таким образом, электронные средства информации, основываясь на физическом местоположении пользователя, способны автоматически формировать информационное пространство территории вокруг него.

При социокультурных контактах на трансконтинентальном уровне, возникает необходимость в построении расширенной информационной карты, дающей представление об идеологии, культуре, традициях, особенностях географической территории в целом. Иными словами, возникает необходимость навигации индивида в условиях глобальных информационных потоков, определения собственной «позиции» в мультикультурном пространстве. В качестве навигационных ориентиров в данном случае предлагается рассматривать концептуальный каркас данной территории, формируемый средствами массовой информации [21].

В рамках настоящей работы проведён лингвистический анализ текстов, опубликованных ведущими средствами массовой информации «Новой Европы». В качестве анализируемого материала использованы тексты публичных выступлений лидеров стран-участниц Европейского Союза, которые, по мнению автора, отражают идеологическую доминанту СМИ Новой Европы.

Всего проанализировано 30 публикации СМИ США (*New York Times*), Германии (*Spiegel*), Франции (*Le Monde*) в контексте политического кризиса на Украине. По мнению автора, публичные выступления представителей политических сил в выбранный период позволяют увидеть общую идеологическую картину Нового Света.

Критерием отбора информационных ресурсов послужили данные об их посещаемости пользователями Интернет пространства, представление в свободном доступе.

В качестве методов анализа статей использовался контентный анализ, содержательный (количественный) и качественный (структурный) анализ, а также кластерный анализ текста. По результатам иерархической кластеризации текстов смоделирована 3D-диаграмма, отражающая общую структуру идеологического пространства СМИ Нового Света.

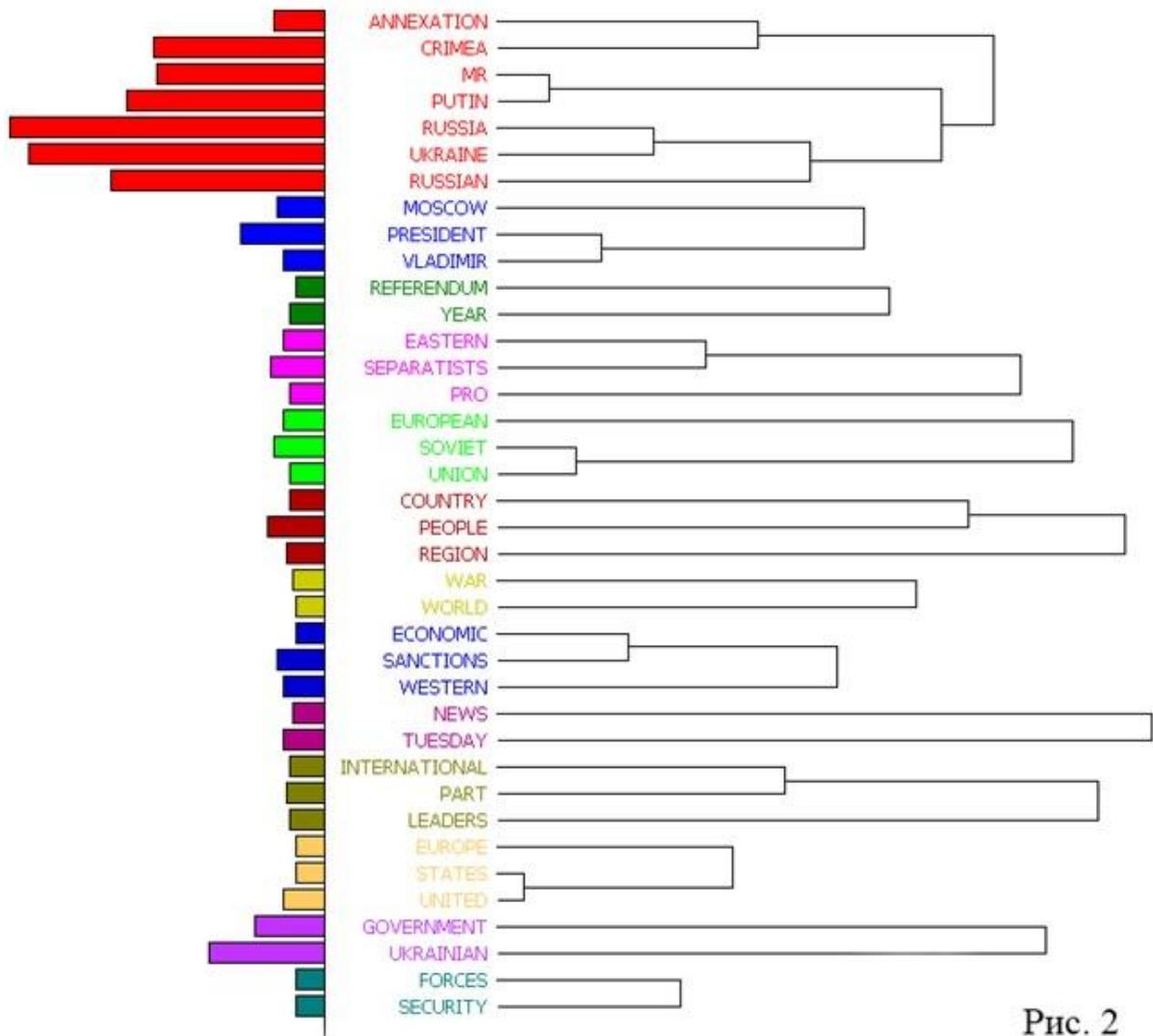

Рис. 2

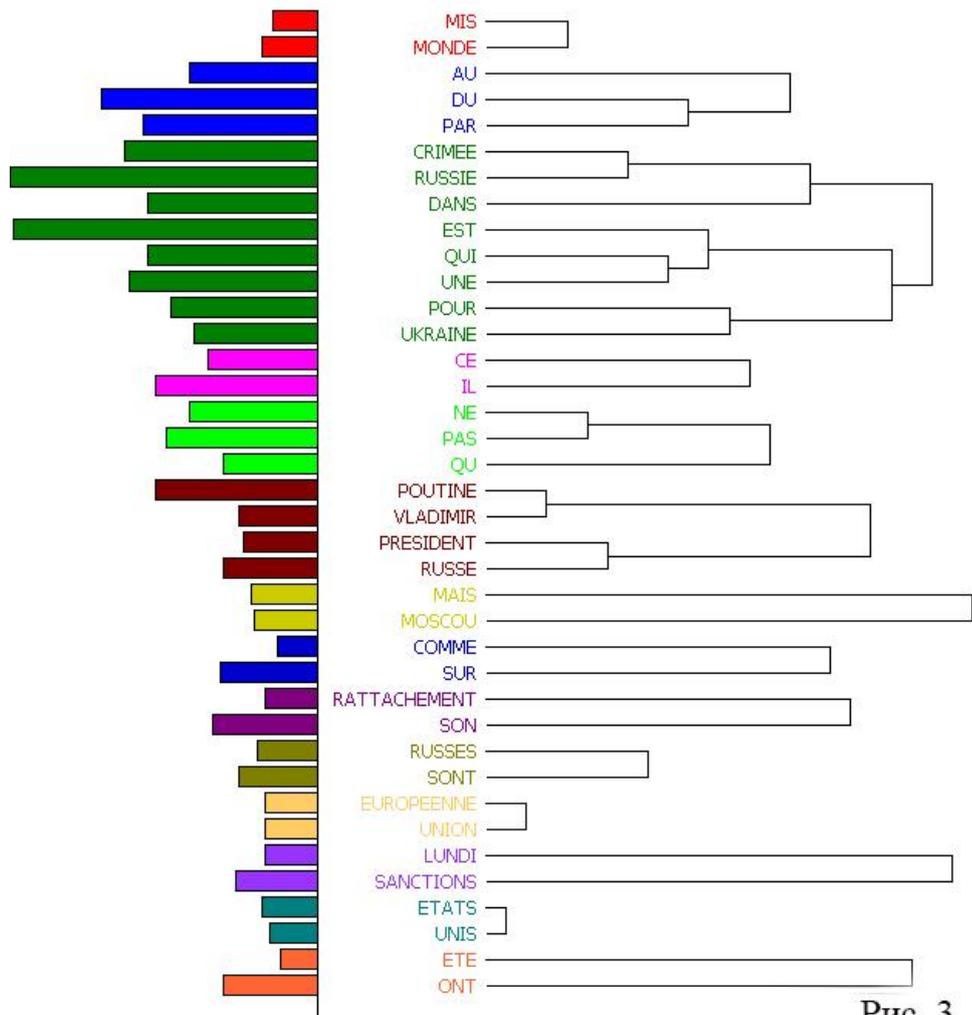

Рис. 3

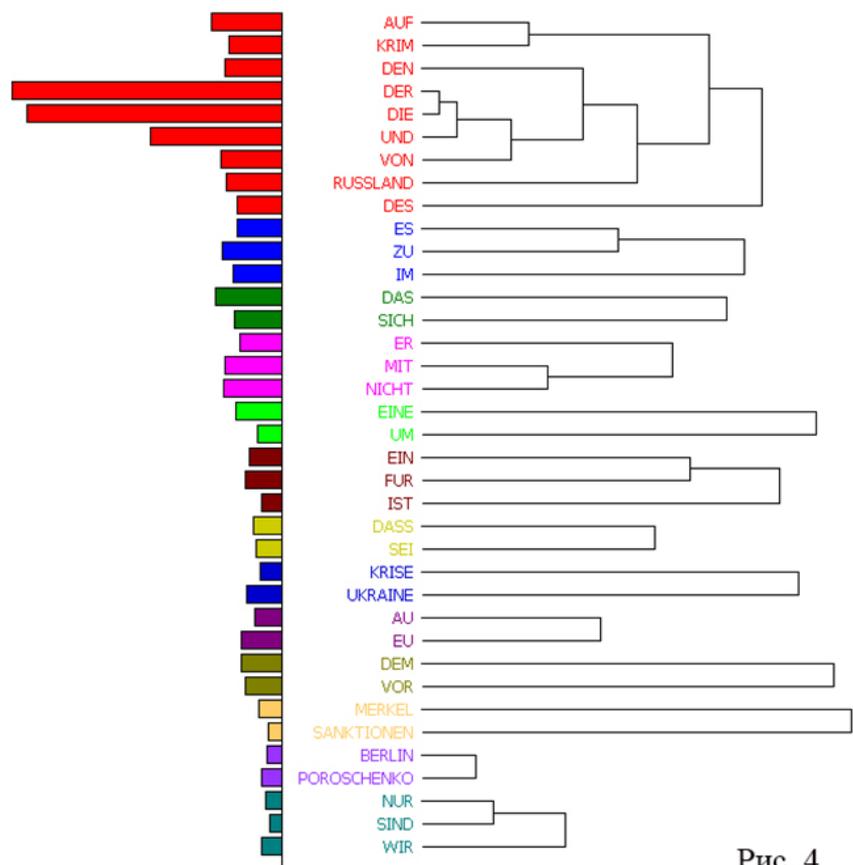

Рис. 4

Выше приведены отдельные дендрограммы по каждому языку. На них показана детальная структура отдельных кластеров, включенных в общую 3D-диаграмму (Рис. 2 – кластеры в английском языке, Рис. 3 – кластеры во французском языке, Рис. 4 – кластеры в немецком языке).

Дендрограмма Рис. 2 отражает идеологическое пространство американских СМИ, её ядерный кластер выделен красным цветом и включает в себя следующие основные единицы “*annexation*”, “*Crimea*”, “*Russia*”, “*Ukraine*” (приведено в иерархической последовательности). Очевидно, что в данной группе объединены понятия, относящиеся к различным идеологическим доменам («аннексия» – «Крым» – «Россия» – «Украина»).

«Смесь» единиц из различных идеологических систем характерна и для периферийных кластеров дендрограммы, что свидетельствует об идеологической неоднородности медийного пространства США.

Неоднородность идеологической системы СМИ США делает её универсальной, таргетированной на процессы спациональной когниции индивидов в условиях навигации в информационном пространстве данной территории. Включение таких единиц как, например, «аннексия» в структуру ядерного кластера дендрограммы приводит к появлению различных модуляций на уровне когнитивной карты Украинского кризиса.

Для дендрограммы Рис. 3, приводящей данные анализы французских СМИ, также характерна гетерогенность идеологической структуры принципиальных кластеров, однако, в меньшей степени по сравнению с дендрограммой Рис. 2.

Дендрограмма Рис. 4 формирует схему идеологического пространства немецких СМИ в контексте украинского кризиса. В данном случае структура ядерных кластеров схожа со структурой кластеров дендрограммы Рис. 3 и отличается от Рис. 2 большей идеологической однородностью внутренних элементов: “*Krim*”, “*Russland*”.

Таким образом, средства массовой информации США характеризуются наибольшей гетерогенностью в сравнении с новостными агентствами других стран, задающих вектор развития идеосферы «Новой Европы». Данное обстоятельство указывает на наличие развитой системы концептуализации события в рамках медийного пространства США, позволяющей воздействовать на структуру когнитивных карт через моделирование навигационных процессов в пределах идеологического пространства «Новой Европы».

В заключении хотелось бы отметить принципиальную роль языковых средств (специальных метафор, например) в когнитивном моделировании навигационных процессов в рамках идеосферы того или иного географического альянса, что следует из результатов, полученных в ходе практического анализа (Рис. 1). Широкая распространённость систем визуализации (интерактивный интерфейс), аудирования (программный синтез речи) и других электронных средств концептуализации события в современном информационном обществе, открывает новые перспективы в исследовании когнитивного моделирования и навигации в глобальной идеологической среде с позиции лингвистических оснований информационных сред.

Литература

1. Браун Л. А. История географических карт. М.: Центрполиграф, 2006. С. 479.
2. Гобино, Жозеф Артюр. Опыт о неравенстве человеческих рас [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (дата обращения 20.03.2016).
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
4. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. С. 140.
5. Лакофф Дж., Джогсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. С. 256.
6. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / перевод с английского В. Г. Николаева. М.: Гиперборей, 2007. С. 464.
7. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук, 1999.
8. Шпенглер, Освальд. Закат Европы. Образ и действительность [Электронный ресурс] URL: http://royallib.com/read/oswald_shpengler/zakat_evropi_obraz_i_deystvitelnost.html#0 (дата обращения 20.03.2016).
9. Anneli Albi. EU Enlargement and the Constitutions of Central and Eastern Europe. Cambridge University Press, 2005.
10. Smith B. G. Europe in the Contemporary World: 1900 to the Present. Bedford/St. Martin's; 1st edition (February 13, 2007), ISBN-10: 0312406991.
11. Dutton, Geoffrey. Harvard University. Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Graduate School of Design, Harvard University, 1978.
12. Fowler, Roger. 1991. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge.
13. Garnham, Nicholas. Information Society Theory as Ideology. In: Frank Webster (Ed.). The Information Society Reader. London: Routledge, 2004.
14. Goodchild, Michael. Geographical information science. International Journal of Geographical Information Systems, Vol. 6, no., pp. 31–45.
15. Kaiser, Wolfram. Christian Democracy and the Origins of European Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
16. Lyotard Jean-Francois. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Manchester University Press.
17. Lynch, Kevin. The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960.
18. McCormic J. Understanding the European Union. A Concise Introduction. N.Y., 2002.
19. McMaster R.E. The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // The American Slavie and East European review. vol. 14. № 1. 1955. Pp. 61, 63, 65, 66.
20. Majone, Giandomenico. Regulating Europe. London: Routledge, 1996.
21. Subramanian, Ramesh (Editor), Eddan Katz (Editor). The Global Flow of Information: Legal, Social, and Cultural Perspectives. NYU Press: 2011.
22. Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men. Psychological Review. Vol. 55, no. 4, 1948. Pp. 189-208.

References

1. Braun L. A. Istorija geograficheskikh kart. M.: Centrpoligraf, 2006. S. 479.
2. Gobino, Zhozef Artjur. Opyt o neravenstve chelovecheskih ras [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (data obrashheniya 20.03.2016).
3. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa. / Sostavlenie i kommentarii Ju. A. Belova / Otv. red. O. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2008.
4. Zinov'ev A. A. Kommunizm kak real'nost'. Krizis kommunizma. M.: Centrpoligraf, 1994. S. 140.
5. Lakoff Dzh., Dzhogson M. Metafory, kotorymi my zhivjom: per. s angl. / pod red. i s predisl. A.N. Baranova. – 2-e izd. M.: LKI, 2008. S. 256.
6. Makljuven M. Ponimanie Media: vneshnie rasshirenija cheloveka / perevod s anglijskogo V. G. Nikolaeva. M.: Giperboreja, 2007. S. 464.
7. Pohepcov G. G. Kommunikativnye tehnologii dvadcatogo veka. M.: Refl-buk, 1999.
8. Shpengler, Osval'd. Zakat Evropy. Obraz i dejstvitel'nost' [Jelektronnyj resurs] URL: http://royallib.com/read/osvald_shpengler/zakat_evropi_obraz_i_deystvitelnost.html#0 (data obrashheniya 20.03.2016).
9. Anneli Albi. EU Enlargement and the Constitutions of Central and Eastern Europe. Cambridge University Press, 2005.
10. Smith B. G. Europe in the Contemporary World: 1900 to the Present. Bedford/St. Martin's; 1st edition (February 13, 2007), ISBN-10: 0312406991.
11. Dutton, Geoffrey. Harvard University. Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Graduate School of Design, Harvard University, 1978.
12. Fowler, Roger. 1991. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge.
13. Garnham, Nicholas. Information Society Theory as Ideology. In: Frank Webster (Ed.). The Information Society Reader. London: Routledge, 2004.
14. Goodchild, Michael. Geographical information science. International Journal of Geographical Information Systems, Vol. 6, no., pp. 31–45.
15. Kaiser, Wolfram. Christian Democracy and the Origins of European Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
16. Lyotard Jean-Francois. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Manchester University Press.
17. Lynch, Kevin. The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960.
18. McCormic J. Understanding the European Union. A Concise Introduction. N.Y., 2002.
19. McMaster R.E. The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // The American Slavie and East European review. vol. 14. № 1. 1955. Pp. 61, 63, 65, 66.
20. Majone, Giandomenico. Regulating Europe. London: Routledge, 1996.
21. Subramanian, Ramesh (Editor), Eddan Katz (Editor). The Global Flow of Information: Legal, Social, and Cultural Perspectives. NYU Press: 2011.
22. Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men. Psychological Review. Vol. 55, no. 4, 1948. Pp. 189-208.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.162

Воронин М.С.

ORCID: 0000-0002-8586-1875, Аспирант, Алтайский Государственный Университет

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация

В данной статье проанализированы основные механизмы концептуализации события в рамках виртуальной информационной среды, приведён краткий обзор этапов виртуализации объективной реальности в глобальной сети Интернет. В качестве структуры-образца при формировании цифрового информационного пространства рассматривается гипертекст, принципы построения его внутренних связей, специфика наполнения контентом. В статье отмечены механизмы интерактивного взаимодействия индивида с виртуальной информационной реальностью.

Ключевые слова: информационное пространство, концептуализация, гипертекст.

Voronin M.S.

ORCID: 0000-0002-8586-1875, Postgraduate student, Altai State University

EVENT CONCEPTUALIZATION IN VIRTUAL INFORMATION ENVIRONMENT

Abstract

This article analyses basic methods of conceptualizing events in virtual information environment, provides a brief overview of stages of objective reality virtualization in the global Internet network. Hypertext, principles of its internal connections building, and content filling are considered as a model-structure for creating digital information environment. This article notes ways of individual interaction with virtual information environment.

Keywords: information environment, conceptualization, hypertext.

Развитие современного общества сложно представить вне информационного пространства. Средства массовой коммуникации прочно вошли в жизнь каждого человека, став неотъемлемой частью культуры. По мнению американского философа, социолога и футуролога Элвина Тоффлера [16], эпоха постиндустриального общества знаменуется появлением особого вида ресурса – информации, который способен заменить ряд материальных ресурсов. Развивая данную концепцию, Тоффлер вводит понятие «prosumer» (от англ. producer-consumer,

«производящий потребитель»), характеризующее качественно иной подход к производству и потреблению информационных продуктов в среде постиндустриального общества.

Постепенный переход к принципам информационной экономики и появление массового информационного продукта привели к изменению характера общественных отношений, при которых индивид полностью задействован в сфере концептуального инжиниринга, обмена информацией, а не в реальном производстве, как это было в период расцвета индустриального общества.

Развитая технологическая инфраструктура в эпоху глобализации выносит процесс социокультурной адаптации индивида на качественно иной уровень. Мобильные средства коммуникации обеспечивают автоматизацию сбора, фиксации, обработки и трансляции готового информационного продукта в глобальной потребительской сети, подключают индивидов к социально-экономическому пространству информационного общества [2, 8].

Одним из ключевых элементов информационной экономики является наличие интуитивно понятных интерфейсов взаимодействия пользователей информационной сети, открывающих доступ к готовым программным решениям для производства и дистрибуции знания. Эффективное включение человека в работу цифровой сети, в свою очередь, достигается путём использования языковых средств концептуализации контента, наряду с графическими и аудио интерфейсами, которые в совокупности обеспечивают реализацию когнитивных функций индивида при навигации в рамках информационной среды того или иного общества [7].

Современные навигационные системы упрощают перемещение индивида не только в инфраструктуре незнакомого города или страны, но и в идеологическом пространстве территории, что также способствует более активной социально-психологической адаптации. Язык, как основа коммуникации между людьми, располагает широким арсеналом средств концептуализации события, который применяется при разработке и внедрении интерактивных интерфейсов взаимодействия с пользователем информационной среды путём метафоризации, контекстуальной репрезентации события [13].

Традиционные источники информации об объектах окружающей действительности, феноменах, явлениях, существующие в виде печатных изданий, картин, рисунков, схем, диаграмм и прочих форм, не способны удовлетворить растущие потребности информационного общества в оперативном доступе к актуальной информации. Отсутствие адаптивного интерфейса, статичность данных поставило перед исследователями задачу разработки более практичной формы хранения, перемещения и показа информации. В качестве одного из возможных решений, ставшего впоследствии общепринятым, было предложено использование технических средств оцифровки традиционных источников данных с последующей их систематизацией, обработкой и дистрибуцией среди пользователей глобальной информационной сети Интернет, что позволило достичь определённой степени виртуализации общества. При «переносе» объектов и явлений повседневной реальности в область виртуального пространства сети особое внимание уделялось сохранению их изначальной концептуальной целостности [15].

Следующим шагом в реализации стратегии виртуализации информационного пространства стала концептуализация события в цифровой среде. Ввиду особенностей объективной реальности, заключающихся в многообразии её форм и проявлений (наличие категории времени, расстояния и проч.), создание виртуальной копии события сопровождалось переносом эмпирического опыта человека в виртуальную среду [4].

Таким образом, было положено начало работе по моделированию естественного механизма восприятия объективной реальности через информационное пространство сети. Целью данной работы было создание такого взаимодействия, при котором виртуальная реальность воспринималась бы как естественный источник информации, часть объективной реальности, гипертекст, имеющий интерактивную внутреннюю структуру, связь элементов которой (единиц информации) аналогична отношениям объектов в реальном мире.

В качестве универсального принципа вёрстки элементов внутри информационного медиума, была использована ключевая особенность структуры гипертекста – нелинейность. Именно поэтому гипертекстуальность характерна для структуры всего интернет пространства (язык гипертекстовой разметки (Рис. 1)) [3, 10].

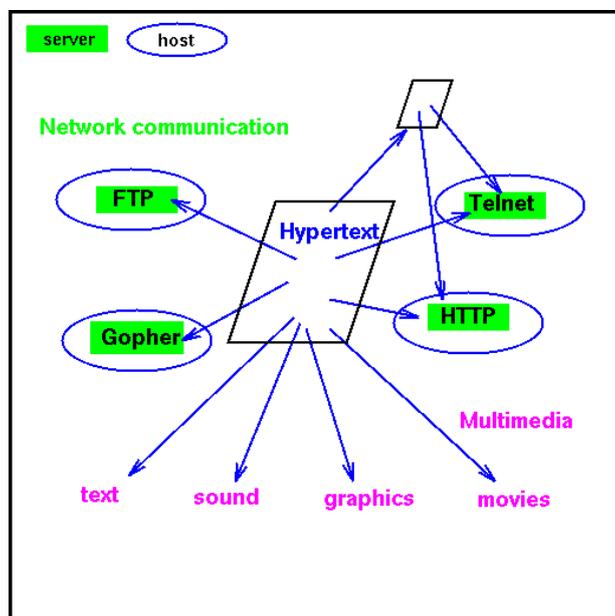

Рис. 1 [17]

Событие в медийном гипертексте имеет объемную структуру, навигация в которой (переход по гиперссылкам) создаёт ощущение наличия пространственных связей, перспективы; информация о событии интерактивна, разносторонне представлена (видео, аудио, графический контент), пользователь становится косвенно причастным к событиям в рамках электронной медиасферы.

Принцип концептуализации события в информационной среде схож с механизмом концептуализации события в тексте на основе функционально-коммуникативных качеств языка. При описании события в тексте, формируется упорядоченная последовательность единиц текста (предложений) [1], образующих межфразовое единство и категорию «событие». Концептуализация категории «событие» в информационном пространстве осуществляется путём упорядочивания контента (единиц информации) по электронному алгоритму относительно заданного критерия, в результате чего формируется единство информационных единиц, служащее своеобразным контекстом смыслового домена.

Концептуализация события в информационном пространстве представляет собой многоэтапный процесс, включающий использование таких инструментов как специализация (spatialization), прокрутка (scrolling), сопоставление (mapping) и проектирование (design).

В процессе специализации осуществляется внедрение ряда гиперссылок в структуру электронного текста с целью создания «пространственной» структуры события. Специализация является одним из ключевых средств концептуализации события в информационном пространстве, обеспечивая построение связей внутри информационной среды, на основании которых пользователь формирует когнитивную карту виртуальной реальности [14]. В качестве основного инструмента специализации выступает специальная метафора [5, 11].

Суть прокрутки или скроллинга (англ. scrolling – прокрутка) заключается в изменении положения информации на дисплее электронного устройства для более комфортного её восприятия пользователем. Прокрутка, как и специализация, является ещё одним ключевым инструментом работы с электронным гипертекстом. Скроллинг даёт пользователю возможность оперативно перемещаться в рамках глобального информационного пространства сети Интернет, сдвигая гипертекст влево, вправо, вниз или вверх, увеличивая или уменьшая плотность информации в рамках интуитивно понятного интерфейса взаимодействия (интерфейс веб-страницы на дисплее компьютера, например), делая навигацию в электронной информационной среде максимально естественной. [9].

Прокрутка контента в сети Интернет (нелинейное чтение) формирует представление о пространственных связях (гиперссылках) между отдельными блоками информации (концептуальная сеть), что создаёт аналог когнитивной карты в сознании пользователя при навигации в условиях инфраструктуры реального города [12]. Скроллинг элементов информационного пространства сети даёт пользователю возможность определить их сочетаемость в рамках общего контекста (определённая последовательность предложений в тексте, текстов в гипертексте), среди остальных элементов когнитивной карты.

В результате скроллинга пользователь переходит по гиперссылкам из одного текста в другой, создаёт собственный текст, становясь частью информационно пространства. Накопленные в процессе навигации данные дают возможность описать «местоположение» определённого элемента на когнитивной карте виртуального пространства. Процесс накопления данных, их сопоставление и фиксации на когнитивной карте называется маппингом (mapping).

Проектирование (design) является важнейшим инструментом концептуализации события и осуществляется с привлечением базы знаний, формируемой в результате выполнения трёх операций: специализации, прокрутки и сопоставления, выполняемых пользователем в рамках интерактивного взаимодействия с электронной информационной средой через адаптивные интерфейсы.

Процесс проектирования индивидуален, характеризуется многоуровневой структурой и протекает внутри когнитивного аппарата пользователя [6]. Проектирование открывает новые возможности взаимодействия с информационной средой, при которых пользователь не только потребляет, но и производит новый контент (оценивает информацию, делится новостями и т.д.) при помощи перечисленных выше инструментов.

Изучение процессов концептуализации события в информационной среде требует комплексного междисциплинарного подхода, анализа с точки зрения лингвистики, истории, социологии, математики и других наук. Актуальность данного вопроса обусловлена активным развитием коммуникационных технологий и спецификой информационной среды современного общества, которая локализуется главным образом в виртуальном пространстве сети Интернет.

Литература

1. Валгина Н.С. Теория текста. Москва, Логос. 2003 г.
2. Халина Н.В. Языкознание в условиях информационного общества. Барнаул: издательство АлтГУ, 2014.
3. Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы [Электронный ресурс] <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm> (дата обращения 24.03.2016).
4. Anderson, Chris. Makers: The New Industrial Revolution. New York: Crown Business, 2012.
5. Brown, Theodore L. Making truth: metaphor in science. Urbana/Chicago: University of Illinois Press, 2003.
6. Callebaut, W., Pinxten, R. Evolutionary Epistemology. A Multiparadigm Program. 1987.
7. Dutton, Geoffrey. Harvard University. Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Graduate School of Design, Harvard University, 1978.
8. Genosko, Gary. Marshall McLuhan. Vol. 2: critical evaluations in cultural theory.
9. Gray, R. M. Entropy and Information Theory. Springer, 2011.
10. Hofman F. Hypertextsysteme - Begrifflichkeit, Modelle, Problemstellungen // Wirtschaftsinformaik, 1991. Heft 3. Pp.177-185.
11. Lakoff, George and Mark Johnson. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 1980.
12. Lynch, Kevin. The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960.

13. Murphy, Brendan. Ideologising the Internet: an analysis of the Internet as an ideological space, with particular reference to Singapore. Central Queensland University, 1995.
14. Shields, Rob. The Virtual. Psychology Press, 2003.
15. Stock, W.G., & Stock, M. Handbook of Information Science. Berlin, Boston, MA: De Gruyter Saur, 2013.
16. Toffler, Alvin. The Third Wave. New York: Morrow, 1980.
17. [Электронный ресурс] <http://www.december.com/present/hyper.gif> (дата обращения 26.03.2016).

References

1. Valgina N.S. Teoriya teksta. Moskva, Logos. 2003 g.
2. Halina N.V. Jazykoznanie v usloviyah informacionnogo obshchestva. Barnaul: izdatel'stvo AltGU, 2014.
3. Jepshtejn V.L. Vvedenie v gipertekst i gipertekstovye sistemy [Elektronnyj resurs] <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm> (data obrashhenija 24.03.2016).
4. Anderson, Chris. Makers: The New Industrial Revolution. New York: Crown Business, 2012.
5. Brown, Theodore L. Making truth: metaphor in science. Urbana/Chicago: University of Illinois Press, 2003.
6. Callebaut, W., Pinxten, R. Evolutionary Epistemology. A Multiparadigm Program. 1987.
7. Dutton, Geoffrey. Harvard University. Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Laboratory for Computer Graphics and Spatial Analysis, Graduate School of Design, Harvard University, 1978.
8. Genosko, Gary. Marshall McLuhan. Vol. 2: critical evaluations in cultural theory.
9. Gray, R. M. Entropy and Information Theory. Springer, 2011.
10. Hofman F. Hypertextsysteme - Begrifflichkeit, Modelle, Problemstellungen // Wirtschaftsinformaik, 1991. Heft 3. Pp.177-185.
11. Lakoff, George and Mark Johnson. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 1980.
12. Lynch, Kevin. The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960.
13. Murphy, Brendan. Ideologising the Internet: an analysis of the Internet as an ideological space, with particular reference to Singapore. Central Queensland University, 1995.
14. Shields, Rob. The Virtual. Psychology Press, 2003.
15. Stock, W.G., & Stock, M. Handbook of Information Science. Berlin, Boston, MA: De Gruyter Saur, 2013.
16. Toffler, Alvin. The Third Wave. New York: Morrow, 1980.
17. [Elektronnyj resurs] <http://www.december.com/present/hyper.gif> (data obrashhenija 26.03.2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.113

Гареева Г.Н.

Доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация

В башкирской поэзии постсоветского периода наблюдается качественно новый уровень поэтического осмысления жизненных явлений, объективность в оценке литературного наследия, тенденция углубления связей поэзии с жизнью, выдвижения на первый план гражданской, публицистической лирики, усиления эмоционального пафоса. Произведениям данного периода характерна активная позиция лирического героя к негативным явлениям действительности, точность и емкость выразительных средств в отражении сложных перипетий в общественно-политической жизни перестроечного времени.

Ключевые слова: поэтическое осмысление, лирический герой, гражданская лирика, накал чувств, философские размышления, духовные ценности.

Gareeva G.N.

PhD in Philology, Full Professor, Bashkir State University

POST-SOVIET PERIOD BASHKIR POETRY'S FEATURES

Abstract

In the Bashkir poetry of the post-Soviet period, there is a new level of poetic interpretation of life phenomena, the objectivity in the assessment of the literary heritage, the trend of deepening relations with the poetry of life, highlighting the civil, journalistic poetry, gain emotional pathos. Works of this period are characterized by active position lyrical negative phenomena of reality, accuracy and capacity of the means of expression in the reflection of the complex twists and turns in the political life of perestroika time.

Keywords: poetic interpretation, lyrical hero, civic poetry, the intensity of the senses, philosophical meditations, spiritual values.

Башкирская поэзия периода общественных преобразований 1990-х г.г. прошла своеобразный путь развития. Кардинальные изменения общественного самосознания, усиление внимания к внутреннему миру человека породили качественно новый уровень поэтического осмысления жизненных явлений, более объективной стала оценка литературного наследия. Наметилась тенденция углубления связей поэзии с жизнью, выдвижение на первый план гражданской, публицистической лирики, где с эмоциональным пафосом, с явно выраженной активной позицией личности-гражданина поэты выражали свое отношение к негативным явлениям действительности, посредством точных и емких выразительных средств отражали сложные перипетии в общественно-политической жизни перестроечного

времени¹. В произведениях большое место стали занимать такие оперативные формы, как обращение к народу, письмо, клич, к которым поэты прибегали для того, чтобы призвать народ к действиям по улучшению своей жизни.

В эти годы произошло сближение публицистических мотивов с лирикой, общественного – с интимным, усиление внимания к социальным вопросам, сложным проявлениям действительности, процессам перестройки. Оригинальные формы и приемы стихосложения свойственны творчеству Г.Ишкинина, Р.Туляка, А. Юлдашбаева, А.Утябая. Возрастание эпического начала, усиление интереса к социальному миру отмечает поэзию М. Ямалетдинова, С.Абузарова, Г. Зарипова, Р.Кулдавлета, Х.Юлдашева, Р.Янбека, Д.Шарафетдинова.

Внимание к внутреннему миру лирического героя, особая доверчивая интонация присущи творчеству видных башкирских поэтов Ф. Тугузбаевой, З. Кутлугильдиной, Т. Ганиевой, Г. Якуповой, Р. Хисаметдиновой, Г. Юнусовой, З.Ханнановой и др.

Хронологическая летопись эпохи, образы поэта-современника и времени, их непростые взаимоотношения друг к другу наиболее полно, философски глубоко, в неповторимых ярких красках, самобытных поэтических образах, с высоким накалом чувств отражены в произведениях поэтов старшего поколения – в поэмах и стихотворениях М.Карима, М.Гали, Х.Гиляжева, Н.Наджми, Г.Рамазанова, М.Каримова, А.Игибаева.

В стихотворениях М.Карима «Прощание с веком», «Четыре времени любви», М.Гали «Открой ворота, новый век!» посредством самобытных поэтических образов, с высоким накалом чувств, глубиной философского мышления дается оценка времени и жизни, воспоминания о радостных и печальных, героических и трагических событиях прошлого века, проникнутых надеждой на будущее, оптимизмом².

В четверостишиях из сборника стихов Н.Наджми “Белый родник” афористически емко и содержательно, философски глубоко отражена очень самобытная, оригинальная оценка поэтом прошлого страны, истории народа, непростых взаимоотношений поэта и времени, поэта и Власти, категории вечности и бренности жизни, смысла бытия, высокого предназначения человека на этой земле. В стихотворениях «Гневные стихи», “Я по-человечески прошел жизненный путь”, “Я – человек!”, “Наша подкова”, “Мелодия матери”, в элегии “Заблудившиеся звезды”, в басне “Ворона”, в сатирическом стихе “Верующий старик” из сборника “Заблудившиеся звезды” (1996) Х.Гиляжев, с ярко выраженным публицистическим накалом, с критических позиций прослеживает путь развития страны на протяжении уже практически завершившегося XX века, историческое прошлое нашей Родины и гневно отрицает, осуждает смутное настоящее 1990-х годов, когда были попораны достигнутые народом материальные и духовные ценности, когда нередко унижалось человеческое достоинство людей старшего поколения, вложивших неимоверные усилия для развития всей страны. В стихотворении «Век» М. Карим прямо называет перестройку «безвременьем».

В жанре гражданской лирики активно работали М. Карим, М.Гали, Г.Рамазанов, Ш.Биккул, Я.Кулмуй, А. Игибаев, Р. Бикбаев, К. Аралбаев, Р. Мифтахов, Т.Юсупов, И.Киньябулатов и др. Гражданская поэзия обогатилась новым содержанием темы взаимоотношений личности и народа, исторического развития общества. В поэмах Р. Бикбаева «Топор рынка», «Всадник без головы» выражена боль и горечь поэта за страну, переживающую общественный катаклизм, подняты актуальнейшие социально-политические, экономические, духовно-нравственные проблемы современности³.

Духовное созревание, формирование творческой и жизненной позиции Р.Хисаметдиновой, Г.Якуповой, М. Ямалетдинова, Г. Юнусовой, Р.Туйгунова, А. Багуманова, Т.Карамышевой, Ф. Тугузбаевой, Т.Ганиевой, З. Ахмедьяновой, Г.Ахметкужиной, Г.Галиевой, Р.Хайри, З. Муллагалиевой, Т.Ниятшина, В. Гумерова, З. Янбердиной, Х.Юлдашева, Т.Искандаровой произошло именно в конце 1980-х годов. В их многочисленных стихах и поэмах нашли отражение размышления о проблемах сегодняшнего дня, поэтическое осмысление современности через призму прошлого исторического опыта, освещались философские раздумья о проблемах общечеловеческого масштаба, о вечных категориях и понятиях, стремление к поэтической достоверности, к образно-стилевому совершенству, таким образом, в творчестве поэтов данного поколения проявились основные черты поэзии этих лет.

В поэмах «Часовщик вселенной» Б.Рафикова, «Белая юрта» и «Надежда» К.Аралбаева, «Колокола» Б. Нугуманова, «Вечный огонь» С. Алибаева, «Завещание отца» Г.Давлетова, «Березовый сок» Р.Шаммаса образное философское содержание осветило проблему современности, наполнило ее гражданским звучанием. О тревожных явлениях современности размышляли в своих поэмах Ф.Тугузбаева, М.Ямалетдинов, Т.Ганиева, Р. Туйгунов, А.Багуманов, Р.Нигматуллин. Поэмы Т. Ганиевой «Кипчаки» «Аркаим», «В объятиях – мой малыш», «Тополь», «Вселенная», «Каноны» посвящены историческому прошлому, настоящему и будущему башкирского народа, глубоким философским размышлениям о его судьбе в период тяжких испытаний на современном этапе действительности.

В современной башкирской поэзии тема войны была и остается одной из центральных тем. В поэме Г.Давледи «Оторванные листья» обрисовываются изуродованные телом и духом парни, воевавшие в Афганистане и Чечне, мучающиеся «военным синдромом», показывается трагедия мужчин, страдающих «синдромом сегодняшнего времени» - получивших смертельные дозы отравления при аварии в Чернобыле, при работе на химзаводах и т.д. В стихотворении И. Киньябулатова «Кровь сердца» выражена огромная боль за погибших сыновей в разных бессмысленных войнах. В стихотворении Ю. Ильясовой «Беслан» гневно осуждаются бандиты, взявшие в заложники школьников. В стихотворении С. Алибаева «Буран – в Бурангуле» выражается протест против войны в Чечне.

В своей неповторимой и оригинальной лирике Р.Сафин, проявляя милосердие, сочувствие, любовь и великодушие к окружающим, не жалеет себя, не ждет сочувствия от других, не ждет любви от так и не полюбившей его женщины, сохраняет свое человеческое и мужское достоинство, нравственное величие. Лирический герой автора предстает перед читателем духовно сильным человеком, достойным уважения. В его стихах утверждаются с поражающей глубиной, образностью гуманистические идеи, вечные и неоспоримые ценности жизни и человеческого характера.

¹ История башкирской литературы в 6-ти томах. –Т.6. - Уфа: Китап, 1996. – С. 105.

² Хабиров А. Х. В пути: Поэтический обзор и творческие портреты. – Уфа: Китап, 2011. – С. 42-54

³ История башкирской литературы в 6-ти томах. – Т.6. – С. 112.

Среднее поколение поэтов – Т.Юсупов, К.Аралбаев, И.Киньябулатов, Р.Бикбаев, Р.Мифтахов, Т.Ганиева, Ф.Тугузбаева и др. корни проблем, приведших страну и общество к необратимому процессу перестройки, переустройства, искали в историческом прошлом, выражали глубокую озабоченность за будущее народа в столь резко меняющемся современном мире. В сборниках стихов и поэм Т. Юсупова “Запах хлеба”, “Черета лет”, “Золотая пыль”, “Горит костер”, “Живые угли памяти”, “Разлив”, “Дорога дедов”, “Размышления на скале”, “Пришли времена”, “Поспела земляника”, “Снежное поле” красной нитью прослеживается героическая и трагическая судьба башкирского народа, вынесшего на своих плечах огромные испытания, утраты, почти каждое стихотворение проникнуто философскими размышлениями о прошлом и будущем родной земли. В них в ярких красках, емких, содержательных поэтических деталях раскрывается духовный мир нашего современника, живущего в озарениях и угасаниях, в горечах утрат и радостях находок. Бикбаев Р.

В основе сборников “На аргамак” И. Киньябулатова, “Кипчаки”, “Аркаим” Т.Ганиевой лежит принцип историзма: поэты обозревают и величие, и ошибки народа, и достижения, и утраты нашего общества в историческом аспекте. Во многих произведениях И.Киньябулатова из поэтических сборников «Я – башкир!» , «На аргамак» события Великой Отечественной войны стоят в центре внимания, но герои – не солдаты с оружием в руках, а матери-вдовы и дети-сироты, с утра до ночи работающие в поле. Автор поэтически связывает героический труд своих сверстников и матерей с их богатым духовным миром, создает запоминающиеся, яркие образы.

Т.Ганиева в стихах и поэмах, созданных в последние десятилетия, поднимает злободневные социально-нравственные вопросы времени, публицистически заостренно говорит о судьбе родного языка, народа, исследует свои корни, историю, свое шежере – родословную. Народность, яркость образов, горячий порыв служат яркому выражению романтики борьбы, которой обуяна лирическая героиня Т.Ганиевой. Поэтесса призывает своих современников пробудиться от духовной спячки, инертности. В то же самое время ее лирическая героиня – очень ранимая, тонкая натура, способная беззаветно любить и быть любимой, прощать и ненавидеть. Во многих стихах Т.Ганиевой очень глубоко и точно передаются чувства любви к своему ребенку, внуку, близкому человеку («В объятиях – мой малыш»). Поэтическим произведениям из сборников «Серебряная роса» (1988), «Время раздумий» (1991), «Кипчаки» (1994), «Аркаим» (1997) и др. Т.Ганиевой присущи публицистическая острота, драматическая напряженность, лирическая теплота, философская задумчивость.

С конца 1980-х гг. одно из центральных мест заняли проблемы экологии, защиты природы, а в связи с этим и проблема духовной экологии, вопросы сохранения нравственных традиций народа, духовных ценностей. Поднимающие злободневные вопросы сегодняшнего дня на основе конкретных событий поэтические произведения М. Карима, Т.Юсупова, И. Киньябулатова, Т.Ганиевой, Р.Мифтахова, К. Аралбаева, К. Киньябулатовой, Р.Туляка, Г. Якуповой, Р.Бикбая, Ф.Тугузбаевой, А.Утябая исполнены высокого гражданского звучания. Леса, недра Башкортостана, оказавшиеся на грани уничтожения, воды и воздух, отравленные донельзя, вызывают у поэтов острейшую тревогу за будущее родной земли, за будущее молодых поколений, которые должны жить на этой разграбленной, отравленной, уничтоженной земле.

В современной башкирской поэзии тема войны была и остается одной из центральных тем. В поэме Г.Давледи «Оторванные листья» обрисовываются изуродованные телом и духом парни, воевавшие в Афганистане и Чечне, мучающиеся «военным синдромом», показывается трагедия мужчин, страдающих «синдромом сегодняшнего времени» - получивших смертельные дозы отравления при аварии в Чернобыле, при работе на химзаводах и т.д. В стихотворении И. Киньябулатова «Пламя Афганской войны» есть следующие строки: «Пламя Афганской войны / Все еще пылает на наших лицах. / Как же нас простят те парни, / Которые вернулись в цинковых гробах?». В стихотворении И. Киньябулатова «Кровь сердца» выражена огромная боль за погибших сыновей в разных бессмысленных войнах. В стихотворении Ю. Ильясовой «Беслан» гневно осуждаются бандиты, взявшие в заложники школьников. В стихотворении С. Алибаева «Буран – в Бурангуле» выражается гневный протест против войны в Чечне.

В поэтических произведениях Ш.Биккула, Б.Рафикова, К. Киньябулатовой, Х.Юлдашева, Х.Назарова, Р.Туйгунова, Р.Шакурова, А.Багуманова, М.Ямалетдинова, С.Габидуллина, В.Гумерова, Х.Юлдашева, Б.Искужина, Р.Тулякова, А.Утябаева, Т.Карамышевой, З.Янбердиной, А. Тагировой, А.Гарифуллиной, Ю.Ильясовой, А.Юлдашбаева, Т.Искандаровой, Г.Ишкинина, З.Кутлугильдиной, Г.Кутуевой, и др. через призму человеческого духа, через его сложный, глубокий, богатый мир чувств философски глубоко раскрывается вечная сущность бытия. Постоянная утрата морально-этических норм поведения людей современного мира усилила в поэзии внимание к нравственной цельности личности. В поэзии находят отражение гамма звуков, палитра красок, тонов и полутонов, различные переходы, оттенки чувств и переживаний, удачно воспроизводящие диалектику души человека, где отражается тонкий и глубокий характер конфликтов современности. В поэтических произведениях А. Игебаева, Ф.Тугузбаевой, С. Алибаева, Г. Якуповой, Т. Искандаровой, Р. Туляка, Г.Зарипова, Р. Янбекова, Кул Давлета, А. Утябая, Т. Давлетбердиной, З. Ханнановой, Г.Кутуевой наблюдались неустанное стремление к глубине философских размышлений, усиление лиризма, как одного из главных направлений развития современной башкирской поэзии. Углубление образного философского содержания лирики, ее проникновенность по-новому осветили гражданственность поэзии, проблемы современности. Философская лирика достигла нового уровня развития, обогатилась новыми традициями, новаторскими поэтическими открытиями.

Литература

1. История башкирской литературы в 6-ти томах. – Т.6. – Уфа: Китап, 1996. – С. 105.
2. История башкирской литературы в 6-ти томах. – Т.6. – Уфа: Китап, 1996. – С. 112.
3. Хабиров А. Х. В пути: Поэтический обзор и творческие портреты. – Уфа: Китап, 2011. – С. 42.

References

1. Istorija bashkirskoj literatury v 6-ti tomah. - T.6. - Ufa: Kitap, 1996. - S. 105.
2. Istorija bashkirskoj literatury v 6-ti tomah. - T.6. - Ufa: Kitap, 1996. - S. 112.
3. Habirov A.H. V puti: Pojeticheskij obzor i tvorcheskie portrety. - Ufa: Kitap, 2011. - S. 42.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.050

Голубева О.В.

Кандидат филологических наук, докторант, Тверской государственной университет

**ВЫВОДНОЕ ЗНАНИЕ КАК «ЖИВАЯ» ОПОРА ПОНИМАНИЯ
(ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)***Аннотация*

Статья посвящена проблеме выводного знания, признаваемого «живой» причинной имплицитной опорой естественно протекающего процесса понимания значения слова. Психолингвистическая структура значения предполагает учёт продуктов перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочного опыта индивида, вербального и невербального, представленных как свидетельства объяснения «для себя» смысла поступающей по различным каналам информации

Ключевые слова: выводное знание, эвиденциально-смысловое переживание значения, «живое» знание.

Golubeva O.V.

PhD in Philology, doctoral candidate, Tver State University

INFERENCE AS A “LIVE” PEG OF COMPREHENSION (PSYCHOLINGUISTIC APPROACH)*Abstract*

The paper covers research of the inference phenomenon, which is defined as a “live” casual peg in natural processes of meaning comprehension. Psycholinguistic structure of a word meaning includes a number of productions of perceptive-cognitive-evaluative-emotional individual experience, verbal / nonverbal, defined as evidences of meaningful explanation “for oneself” of the input information getting through various channels.

Keywords: inference, evidential sense-formation, “live” knowledge.

The important cross-cutting issues of modern science are the studies of comprehension process, as well as its outputs, verbalized or remaining inner knowledge. The object of research is the inference defined as a cognitive process based on prior knowledge / evidences (state, event, action, or behavior). As a result, human reasoning capabilities are considered to peg on causality as a universal phenomenon leading to causation networks construction and allowing machines “to mimic complex human reasoning mechanisms” [4: 50–51].

Some approaches in cognitive computing and AI, psychology, neuroscience, linguistics work out models of inferential human information processing: mental models (P. Johnson-Laird [3]); situation models (T. van Dijk, W. Kintsch); neuron mental models based on if-then relations (P. Thagard); experiential simulations of the situation (R. Zwaan); perception-based generalization (ground cognition theories by L. Barsalou [1]), etc. Different approaches to modelling highlight the problem of meaning formation, how results of human experience are incorporated into the structure of a word meaning. They are considered to be implicit semantic or pragmatic component (presupposition or implicature), which causes a default meaning (S. Levinson’s defaultism theory, etc.).

Meaning, including such productions, is a dynamic structure or a semantic-associative network, functionally asymmetric due to a number of cognitive profiles for lexical concepts (the theory of lexical concepts and cognitive models by V. Evans, a dynamic model of meaning by I. Kecskes, etc). The idea of perceptive roots of category formation through simulations of a referent functioning allow to suggest a prototype (the theory of prototypes by E. Rosch, G. Lakoff). It is implicitly included in the content a word means as an amodal idea of the best referential sample. But due to psychological findings what a word means can be regarded as a multimodal representation of an object based on mental imagery (A. Paivio DCT conceptual peg hypothesis; mental imagery theory by S. Kosslyn; ground cognition theories by L. Barsalou, etc).

Various theories generated in different branches of science require integration, and Russian psycholinguistics can be one of the ways of a complex “vision” of meaning processing phenomenon. Due to L. Vygotsky, N.I. Zhinkin, A.A. Leontyev, A.A. Zalevskaya meaning is a production of social and individual experience gained in a dynamic process of mutual activities. As a dynamic structure (do not mix up with an entry in a dictionary!) it is characterized by dual nature: it is shared by all members of society due to generalized core (common knowledge) and individual “visions” of what a word means pegged on person’s evidences. A verbal input has a “live” meaning which “emerges only in case when a person finds some grounds in his / her social and personal, nonverbal and verbal experience” [5: 153] (the interfacial theory of word meaning by A.A. Zalevskaya).

So psycholinguistic approach to meaning as a “live”, dynamic structure based on individual’s experience allows to map it as a number of evidences or implicit pegs activated by a word, relevant ad hoc and revealing causal connections between the components of the structure. Some of them are in greater use and become more relevant and stable (default inferences). These evidences, marked in the psycholinguistic structure of meaning as associates, must be truthful, for an individual can explain to him / herself why they are relevant on-line to judge what a word means.

Experimental findings assert that individuals highlight not only generic attributes which are necessary to classify a real / virtual object but depict it by means of perceptive and emotional-evaluative features revealing a certain facet of person’s “vision” of it. For example, during free associative experiments 1183 respondents were asked to write down the words that help them explain the meaning the following terms (the stimuli) *investment* (инвестиция), *mutual fund* (взаимный фонд), *crisis* (кризис), *loan* (кредит), *security* (ценная бумага), *profit* (прибыль). 1241 reactions were analyzed [2] and the outputs provide some conclusions:

1) while explaining to “oneself” individuals refer to their object-oriented experience (e.g. *loan* – машина, пылесос, иду в банк, кредитная карта (car, vacuum cleaner, go to bank, credit card), etc.; generalized knowledge (*investment* – капитал, финансы, бизнес (capital, finance, business), etc.; emotional-evaluative attitude (*mutual fund* – помощь, доверие, любовь, что-то хорошее (assistance, trust, love, something good), etc. Most of respondents (72%) assign evaluative attributes

(positive for *profit, mutual fund, investment* and negative for *loan, crisis*) to a potential referent forming a certain facet of inner “vision” of the word meaning;

2) verbal responses (associates) refer to certain inferential contexts or contextual conditions of a personal “vision” of a relevant situation or event. For example, respondents were asked to complete the sentence *Если компания хочет получить прибыль ... (If a company wants to get profit it ...)*. The majority of answers (64%) show that respondents have a causal scheme to suggest a process of context assignment: “cause (premises) – ways to achieve effect”. They interpret the company is only going to get profit and were ready to offer their “recipes” for achieving the result;

3) the facet of inner imagery “vision” of an object’s main features and a potential inner context of self-explanation (a scheme) are justified by a “history” of getting experience of processing various knowledge of an object as a fragment of the world (physical and social) keeping in mind the ways of verbal outputs of this process.

The above-mentioned allows to hypothesize that evidences (inferential productions) as “live” pegs in comprehension process can be defined as inner sense-formation (hereinafter – ISF). It is a procedure of activating person’s internal potential, including a facet of an object “vision” implying contextual samples of satisfaction. The procedure of integration of external (verbalized, situational) and internal premises is based on establishing inferential / causal links, or models of feature assignment in accord with subjective prior experience and assessment of its relevance. The findings on inference-influenced meaning suppose the idea of a functional “cloud service” implied by a word which stores and provides subjectively true explanations justified by person’s experience. The ISF hypothesis adopts a number of insights from earlier theories of comprehension, specifically developed in psychology, linguistics, psycholinguistics, logics, AI providing an overlap with well-known approaches to inference. The goal of it is to contribute to currently existing ground theory of word / text comprehension providing a framework that coherently accounts for verbal and inner premises integration.

References

1. Barsalou L.W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2009. – Vol. 364. – P. 1281–1289.
2. Golubeva O.V. Basic provisions of individual evidential sense-formation theory // *Vestnik TvGU*. – 2015. – Vol. 4. – P. 7–21.
3. Johnson-Laird P.N., Lotstein M., Byrne R.M.J. The consistency of disjunctive assertions // *Memory & cognition*. – 2012. – Vol. 40. – № 5. – P. 769–778.
4. Wang Y. On cognitive Models of causal inferences and causation networks // *International Journal of Software Science and Computational Intelligence*. – 2011. – Vol. 3(1). – P. 50–60.
5. Zalevskaya A.A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach. – London: IASHE, 2014. – 179 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.091

Гильмутдинова А.Р.¹, Самаркина Н.О.²

¹Кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет;

²кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ, ОТНОСЯЩИМСЯ К ФСП «МУЗЫКА», В АНГЛИЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

Аннотация

Статья посвящена анализу фразеологической картины мира, реализуемой посредством фразеологических единиц с компонентом, относящимся к фразеосемантическому полю «Музыка», в английском и турецком языках. Предпринята попытка описания фрагмента фразеологической картины мира как способа представления действительности в исследуемых языках. Авторами сделан вывод о том, что своеобразии фразеологической картины мира в сопоставляемых языках обусловлено особенностями строя английского и турецкого языков и поэтому по-разному систематизирующих одну и ту же действительность.

Ключевые слова: английский язык, турецкий язык, фразеологическая единица, языковая картина мира, фразеологическая картина мира.

Gilmutdinova A.R.¹, Samarkina N.O.²

¹PhD in Philology, associate professor, Kazan Federal University; ²PhD in Philology, associate professor, Kazan Federal University

PHRASEOLOGICAL WORLD PICTURE (BASED ON PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT, RELATED TO PHRASEOSEMANTIC FIELD «MUSIC» IN THE ENGLISH AND TURKISH LANGUAGES)

Abstract

The article is devoted to the analysis of phraseological world picture which is realized by means of phraseological units with the component, related to phraseosemantic field “Music” in the English and Turkish languages. An attempt is made to characterize the fragment of phraseological world picture as a representation of reality in languages analyzed. The authors conclude that the uniqueness of phraseological world picture in languages compared lies in structure peculiarities of English and Turkish and that is why systemizing reality in different ways.

Key words: English language, Turkish language, phraseological unit, language picture of the world, phraseological world picture.

Проблема фразеологической картины мира (далее ФКМ) исследуется многими отечественными лингвистами (Хайруллина Р.Х., Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. и др.). Под фразеологической картиной мира мы понимаем часть языковой картины мира, отражающей окружающую действительность посредством фразеологических единиц (далее ФЕ).

Фразеологическая картина мира наиболее ярко и точно отражает дух народа, его национальный менталитет, а также культурно-исторический опыт познания мира, в силу своей экспрессивности и эмоциональности. Таким образом, фразеологическая картина мира – специфична для каждого языка [4].

ФКМ характеризуется рядом отличительных признаков, основными из которых являются универсальность, антропоцентризм и экспрессивность [5].

Сам факт существования фразеологии представляет собой лингвистическую универсалию, поскольку не существует языка, в котором отсутствуют фразеологические обороты [6].

Природа значений ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, практическим опытом личности, культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности. Человек представляется как бы в центре мира (не только реального, но и воображаемого).

Одним из отличительных свойств ФКМ является ее экспрессивность, или выразительно-изобразительные качества. По мнению Ш. Балли «Речь выражает деятельность нашего разума, то есть наши идеи. Речь призвана объективировать интеллектуальную сферу нашей духовной жизни... Мы выражаем также идеи, когда просто, объективно оцениваем явления, привлекающие наше внимание, не примешивая к оценке своего личного отношения к факту. Мы мыслим идеями, когда просто выражаем свою волю, при условии, если даже мельчайшая частица чувства не примешивается к нашему волеизъявлению» [1, 48].

Формирование фразеологической семантики включает в себя механизмы образного переосмысления ФЕ. Метафорические значения ФЕ с компонентом, относящимся к ФСП «Музыка», формируют фрагмент языковой картины мира носителей английского и турецкого языков. При этом большая часть метафорических значений ФЕ создает и структурирует представления об объектах антропосферы, что демонстрирует антропоцентризм метафорических переносов. Человек во всех его многообразных характеристиках является прообразом для образной оценки-метафоры как основы ФЕ исследуемой группы.

«Для турецкой и английской музыкальной культур характерно использование различных музыкальных национальных стилей ... и музыкальных инструментов» [2, 1069], что отражается в ФЕ носителей английского и турецкого языков.

Несмотря на то, что английский и турецкий языки являются генетически неродственными и национальные культуры обоих народов не имеют общих культурно-исторических корней, существуют и некоторые схожие элементы в мышлении турок и англичан. При сопоставлении ФЕ различных культурных ареалов метафоризированный компонент позволяет установить как схожую, так и своеобразную этнокультурную маркированность [3].

В английском языке сема *повторение* актуализируется при помощи компонентов *old song* и *same song*, а в турецком языке – при помощи компонентов *ayn* (тот же самый) *nakarar* (припев) и *gene* (снова) *terane* (песня). Происходит полное совпадение в случае с компонентом *song* и *terane* и частичное совпадение в случае с компонентом *nakarar*, поскольку «припев» не является самой песней, а только ее составной частью. Возникает ассоциация часто повторяющейся песни с надоевшими рассуждениями и разговорами.

В семе *касание* происходит полное совпадение компонента *string* в английском языке с компонентом *tel* (струна) в турецком языке. Задевание струны музыкального инструмента ассоциируется с касанием слабого, уязвимого места человека. Недостаточно натянутая струна инструмента при извлечении звуков может вызвать неприятные ощущения.

Сема *реклама* представлена эквивалентными компонентами в обоих языках. В английском языке этим компонентом является *drum*, а в турецком языке – *davul* (барабан). Барабан в представлении и турок, и англичан – это музыкальный инструмент, при помощи которого происходило привлечение покупателей с целью рекламы, а затем и продажи какого-либо товара. Эта аналогия и породила данную прототипную ситуацию.

В семе *распространение* в английском языке выделяется компонент *bell*, а в турецком языке – *çan* (колокол), которые являются эквивалентными в обоих языках. Прототипная ситуация восходит к тому времени, когда в колокола звонили, чтобы созвать людей с целью сообщения важных новостей.

В семе *предупреждение об опасности* в английском языке выделяются компоненты *alarm bell*, а в турецком языке – *tehlike* (тревожный) *çan* (колокол). Компоненты в обоих языках эквивалентны друг другу. Это связано с давней традицией звонить в колокола и оповещать людей о надвигающейся опасности.

Также в ФЕ исследуемой группы выявлены схожие семы, лежащие в основе метафорического переосмысления, в которых образная основа компонентов ФЕ в исследуемых языках существенно отличается друг от друга. Например, сема *удача, успех* в английском языке представлена компонентом *bell*, а в турецком языке компонентами *boru* (труба) и *düdük* (дудка). В данном случае наблюдается полное несоответствие компонентов при схожем значении ФЕ. Вполне ясна образная основа ФЕ в турецком языке, поскольку звук трубы во многих культурах ассоциируется с успехом, а образ колокола в английском языке может объясняться тем, что в средние века в колокола звонили при встрече победителей.

Сема *похвальба* в английском языке представлена компонентами *bird sing*, а в турецком языке *karga* (ворона) *şakırdamak* (петь). Однако, несмотря на различие образной основы, существует некая семантическая общность компонентов ФЕ, поскольку в обоих языках присутствует образ птицы – в английском языке это образ самой птицы, а в турецком языке – образ вороны.

Также были выявлены и специфичные, несхожие в обоих языках семы. Так, например, в турецком языке присутствует сема *непостоянство в любви*, которой не было обнаружено в английском языке. По всей видимости, это связано с тем, что для восточных людей характерен очень горячий темперамент, тогда как англичане намного сдержаннее в выражении своих чувств и эмоций. Например, в турецком языке: *Hamama gider kurnaya, düğüne gider zurnaya âşık olur* – букв. «быстро увлекающийся, легкомысленный, непостоянный в любви человек».

В турецком языке широко представлена сема *семейные отношения*. В английском языке данная сема представлена единичным случаем. Это связано с тем фактом, что в мусульманской культуре семье отводится одна из

ведущих ролей в обществе, и все члены ее тесно связаны между собой. В английской культуре семейные отношения базируются на независимости ее членов друг от друга. Например, в английском языке: *It needs more skill than I can tell to play the second fiddle well* – букв. «хлопотно тому, кто второй в доме»; в турецком языке: *Horoz ne kadar öterse ötsün, civciv tavuğun dikdikina bakar* – букв. «при солнышке тепло – при матери добро».

В турецком языке также широко представлена сема *радость*, в то время как для английского языка данная сема не продуктивна. Это объясняется тем, что для восточного человека явное выражение радости является естественным, тогда как англичане предпочитают скрывать свою радость, что и отразилось в ФЕ исследуемой нами группы. Например, в турецком языке: *Etekleri zil çalmak* – букв. «чувствовать себя на седьмом небе от счастья, прыгать то радости»; в английском языке: *Sing like a lark* – букв. «распевать весело, звонко, от полноты счастья».

В обоих языках нами была выделена сема *подхалимство*, однако количество ФЕ в турецком языке с данной семой превалирует над ФЕ английского языка. Англичанам эта черта характера менее свойственна, чем представителям турецкого народа, так как они предпочитают говорить открыто. Восточные люди склонны избегать категоричности в речи. В восточной культуре не принято открыто выражать свои мысли, и речь характеризуется некоей завуалированностью. Например, в английском языке: *Sing placebo* – букв. «уст. лизоблудничать, подхалимничать, низкопоклонничать»; в турецком языке: *Davul görür onun, mihrap görür ağlar* – букв. «подхалим».

Для обоих языков характерна сема *денежные отношения*. Это может объясняться тем фактом, что и англичане, и турки относятся к деньгам довольно бережливо и отличаются некоторой скупостью. Например, в английском языке: *Sing for one's supper* – букв. «отрабатывать долги»; в турецком языке: *Parayı veren düdüğü çalar* – букв. «кто платит деньги, тот и заказывает музыку»[3].

Обобщенное миропонимание и мировидение носителей английского и турецкого языков, несмотря на различие культур, отразило полное или частичное совпадение сем, лежащих в основе метафорического переосмысления ФЕ. Совпадают семы *касание* с компонентами *tel* и *string*; сема *предупреждение об опасности* с компонентами *alarm bell* и *tehlike çan*; сема *распространение* с компонентами *bell* и *çan*; сема *реклама* с компонентами *drum* и *davul*. Это отражает определенное сходство в образно-ассоциативном мышлении носителей английской и турецкой культур.

Фразеологические единицы с метафорически переосмысленным компонентом, относящимся к ФСП «Музыка», формируют часть фразеологической картины мира носителей английского и турецкого языков. Метафорический перенос ФЕ в исследуемых языках захватывает все стороны человеческой личности: внешний облик, психические свойства, особенности поведения, положение в социуме и сформированные этим положением свойства личности, то есть социальные качества личности.

Литература

1. Балли Ш. Язык и жизнь. Пер. с франц. – М.: УРСС, 2003. – 300 с.
2. Гильмутдинова А.Р., Самаркина Н.О. Таксономия фразеологических единиц, относящихся к фразеосемантическому полю «Музыка», в английском и турецком языках // В мире научных открытий, 2014, №3.2 (51), с. 1061-1069.
3. Самаркина Н.О. Метафора в формировании фразеологических единиц с компонентом, относящимся к фразеосемантическому полю "Музыка", в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 212 с.
4. Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskaya-kartina-mira-osnovnoe-soderzhanie-i-priznaki> (дата обращения: 22.03.2016).
5. Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2002. – 323 с.
6. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 285 с.

References

1. Balli Sh. Jazyk i zhizn'. Per. s franc. – M.: URSS, 2003. – 300 s.
2. Gilmudinova A.R., Samarkina N.O. Taksonomiya frazeologicheskikh edinic, odnosyatschikhsya k frazeosemanticheskomu polyu "Muzyka" v anglijskom i tureckom yazykah // V mire nauchnyh otkrytij, 2014, №3.2 (51), c. 1061-1069.
3. Samarkina N.O. Metafora v formirovanii frazeologicheskikh edinic s komponentom, odnosjashhimsja k frazeosemanticheskomu polju "Muzyka", v anglijskom i tureckom jazykah: dis. ... kand. filol. nauk. – Kazan', 2006. – 212 s.
4. Siraeva R.T., Fatkullina F.G. Frazeologicheskaja kartina mira: osnovnoe sodержanie i priznaki // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. – 2014. – № 3; [Jelektronnyj resurs] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskaya-kartina-mira-osnovnoe-soderzhanie-i-priznaki> (data obrashhenija: 22.03.2016).
5. Fatkullina F. G. Kategorija destruktivnosti v sovremennom russskom jazyke: dis. ... d-ra filol. nauk. – Ufa, 2002. – 323 s.
6. Hajrullina R.H. Frazeologicheskaja kartina mira: ot mirovidenija k miroponimaniju. – Ufa: Izd-vo BGPU, 2008. – 285 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.138

Захарова Е.М.

Аспирант кафедры немецкой филологии

Волгоградского государственного социально-педагогического университета (г. Волгоград)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИГУРЫ РЕЧИ СРАВНЕНИЯ В РАССКАЗЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО КЛИНГЗОРА» (НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТВОРЧЕСТВО»)*Аннотация*

На материале рассказа Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» выявлены функции сравнения, определен состав сравнительных оборотов. Их конститuentами выступают лексемы, обозначающие сегменты тематического поля «творчество» (живопись и архитектура).

Ключевые слова: сравнение, функция, протагонист, идиолект, картина мира, текст, контекст, пассаж, автор.

Zakharova E.M.

Postgraduate Student, German Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University

USING A FIGURE OF SPEECH COMPARISON IN THE STORY BY HERMANN HESSE «KLINGSOR'S LAST SUMMER» (BASED ON THEMATIC FIELD «CREATION»)*Abstract*

Based on the story by Hermann Hesse «Klingsor's last summer» we revealed the functions of comparison in order to determine the composition of comparative turn. Their constituents are the tokens, which indicating the segments of the thematic field «Creation» (art and architecture).

Keywords: comparison, function, protagonist, idiolect, worldview, text, context, passage, author.

В современном языкознании значительное внимание уделяется изучению индивидуально-авторских картин мира [2; 5; 7, с. 104-106] и идиолекта отдельных писателей [1, с. 13-15; 4, с. 176-181; 8], что обусловлено как минимум двумя факторами. Во-первых, значимостью исследования ценностной составляющей индивидуально-авторской картины мира, важностью изучения системы аксиологических приоритетов ее носителя, описания самого мировосприятия конкретной творческой личности (писателя, поэта), ее отраженного в художественной форме мироощущения, фиксирующего факты и события общественной жизни. Во-вторых, не менее важно при изучении индивидуально-авторских картин мира определение специфики использования национального языка конкретной языковой личностью, в частности, выявление особенностей ее художественно-выразительного потенциала, реализуемого в художественных произведениях.

Рассказ швейцарско-немецкого писателя Г. Гессе «Последнее лето Клингзора», изданный в 1919 году, повествует читателю историю одного сорокалетнего художника, временно проживающего на юге Италии. При написании послесловия к рассказу («Erinnerung an Klingsors Sommer», 1938г.) Г. Гессе подчеркивает его автобиографичность: «Der vierjährige Krieg war zu Ende, die Welt schien in Scherben geschlagen, Millionen von Soldaten, von Kriegsgefangenen, von Bürgern kehrten aus Jahren des starren uniformierten Gehorchens in eine so ersehnte wie gefürchtete Freiheit zurück. Der Krieg, der große Weltregent, war gestorben und begraben; leer wartete eine veränderte und verarmte Welt auf entlassene Sklaven. Jeder hatte sich nach dieser Welt und nach freier Bewegung in ihr glühend gesehnt, und jedem war doch auch bange vor der Entlassung und Freiheit, vor den unvertraut gewordenen Bezirken des Privaten und Eigenen, vor der Verantwortung, die jede Freiheit bedeutet, vor den lang unterdrückten und beinahe zu Feinden gewordenen Regungen, Möglichkeiten und Träumen des eigenen Herzens» [13, с. 136]. Первая мировая война превратила миллионы граждан в людей, не способных выражать собственное мнение, разочарованных в собственной культуре, не имеющих свободы в действиях и в мыслях, не умеющих ценить прекрасное. Европе начала двадцатого века стоило, как полагал Г. Гессе, пересмотреть свои культурные ориентиры, провести ревизию системы ценностей. Писатель всячески пытался в то время скрыться от гнета государственного устройства. Г. Гессе нашел покой и умиротворение в одном отдаленном местечке (г. Тессин, Швейцария), где он мог заниматься творчеством – сочинять стихи, писать романы, заниматься живописью и отдавать себя полностью в рабство лишь одному богу – искусству. В этом состоит схожесть судьбы Г. Гессе с протагонистом рассказа Клингзором.

Само по себе слово «Клингзор» (нем. Klingsor) – это собирательный образ. В германской мифологии *Klingsohr* – это маг, волшебник, колдун. В других источниках Никола Клингзор (нем. Nicolas Klingsor, XII век) – один из поэтов мейстерзингеров (нем. Meistersinger), который изобрел «благословенное искусство» правильного стихосложения [11]. Исходя из данного факта, трудно себе представить протагониста рассказа Г. Гессе Клингзора вне рамок высокой эстетики. Клингзор – человек искусства, известный живописец, постоянно размышляющий о роли искусства в развитии цивилизации.

Гессевед Н.В. Рожкова пишет: «Осмысливая сущность творческой деятельности, великий писатель (Г. Гессе) задаётся вопросом: «Может быть, корень всех искусств и, пожалуй, всего духовного – в страхе перед смертью?», и его произведения дают положительный ответ. Если же человек и человечество перестают обращаться к высоким образцам или подменяют их произведениями-однодневками, начинаются беды и войны, вызванные болезнями духа» [9, с. 193]. И, на самом деле, эта мысль находит свое прямое воплощение в рассказе. Клингзор, как показывает сюжет произведения, творит с невероятным азартом, пылом и страстью, не позволяя себе ни одного нетворческого дня, часа, минуты.

Известно, что изобразительное искусство занимало в жизни Г. Гессе значительное место. Известный писатель (Нобелевская премия, 1946г.) серьезно увлекается живописью, отражая в своих картинах, написанных сочными красками акварели (*Dorf im Frühling* (1921г.), *Häuser am Berg* (1922г.), *Breganzona* (1923г.), *Blühende Bäume* (1925г.), *Dächer von Montagnola* (1928г.), пропитанных тонкой линией сюрреализма, любовью к окружающему миру и природе. В мировую историю Г. Гессе вошел, разумеется, прежде всего как писатель.

Одной из особенностей идиолекта Г. Гессе является его обращение к такой фигуре речи, как сравнение [3, с. 137-140; 4, с. 176-181; 6, с. 77-81], что обусловлено стремлением мастера художественного слова посредством оригинальных образов воздействовать на сознание читателя. Рассматривая природу сравнений, германист Э. Ризель отмечает необходимость их изучения в диахронии языка, в том числе и в идиолекте писателей: «Die Verwendung der Vergleiche ist unmittelbar abhängig von dem ideologischen und ästhetischen Charakter der literarischen Richtung, in der sie auftreten, unmittelbar abhängig von den weltanschaulichen und künstlerischen Eigenheiten des betreffenden Dichters. Es wäre eine lohnende Aufgabe für den Stilhistoriker, die Geschichte der literarisch-künstlerischen Vergleiche systematisch darzulegen» [14, с. 170]. Посредством применения сравнений в авторском художественном тексте достигается реализация задачи не только образного живописания персонажей и событий, но и эффективного воздействия на рассудок и эмоции читателя. Помимо прагматической функции сравнение выполняет, следовательно, и эстетическую функцию.

Указанные функции сравнения реализуются в рассказе «Последнее лето Клингзора». Данная фигура речи часто используется в этом произведении, что обусловлено его художественно-эстетическими задачами.

Материал показывает, что центральная тема рассказа «Последнее лето Клингзора» – это размышления его протагониста об искусстве, месте творчества в жизни человека, судьбе и предназначении художника. В первой главе рассказа протагонист описывает свое последнее в жизни лето с его запахами и звуками и как настоящий художник делает это очень выразительно, подчеркивая всю глубину образов: «*Die heißen Tage, so lang sie waren, loderten wie brennende Fahnen, den kurzen schwülen Mondnächten folgten kurze schwüle Regennächte, wie Träume schnell und mit Bildern überfüllt fieberten die glänzenden Wochen dahin*» [13, с. 11]; (Жаркие дни, какими бы они ни были долгими, угасали как пламенные флаги, короткие душные лунные ночи сменяли короткие душные дождливые ночи; быстро, подобно снам, прочь стремились блестящие, лихорадочные недели, переполненные картинами [Перевод наш. – Е.З.]. В сравнении «*Die heißen Tage wie brennende Fahnen*» имеет место объединенность понятий «Tag» и «Fahne». В данном достаточно оригинальном авторском сравнении явно проявляется идиолект Г. Гессе, увлекающегося религией и культурой Востока (в частности, Индии). Заметим: в истории индуизма существовала традиция обозначения флага как символа луча света, сияющего всем и знаменующего о победе над темными силами [12]. В приведенном выше текстовом пассаже используется еще одно сравнение – «*wie Träume fieberten die glänzenden Wochen dahin*». Промежуток времени – неделя – сопоставляется Г. Гессе со сном. Автор живописует легкое беспамьяство протагониста в пограничном состоянии между явью и сном, границы между которыми расплывчаты, едва уловимы. Два приведенных сравнения в данном текстовом фрагменте образуют расширенное сравнение, богатое образами и, следовательно, реализующее задачу эстетического изображения действительности.

Вернувшись домой после ночной прогулки, Клингзор мастерски описывает природу: «*Über der Baumschwärze schimmerten blaßspiegelnd die großen blechernen Blätter der Sommermagnolien, riesige schneeweiße Blüten dazwischen halbgeschlossen, groß wie Menschenköpfe, bleich wie Mond und Elfenbein, von denen durchdringend und beschwingt ein inniger Zitronengeruch herüberkam*» [13, с. 11]; (Над темными, ночными деревьями белесыми бликами сверкали крупные жестяные листья летних магнолий с полузакрытыми огромными, с человеческую голову, белоснежными, бледными, похожими на луну и слоновую кость, цветками, от которых легко и мощно исходил густой запах лимона [Перевод наш. – Е.З.]). В данном предложении содержится три кратких сравнения, образующих в совокупности расширенное сравнение. Вид древнейшего, вечнозеленого цветкового растения магнолии вызывает у художника Клингзора целый ассоциативный ряд – голова человека, луна и слоновья кость (Menschenkopf, Mond, Elfenbein). Необычность ассоциаций, вызванных видом ночных деревьев, свидетельствует о таланте как восприятия, так и повествования Клингзора.

В заключительной главе «Автопортрет» многие почитатели художника усматривают в его последнем произведении фантастичность сюжета, другие наблюдают в нем черты натурфилософии, третьи заостряют внимание на пестроте красок, четвертые отмечают освобождение Клингзора от оков материального, кто-то видит на картине черты безумия ее создателя. Приведем пассаж из текста: «*Andre sehen darin einen letzten kühnen, ja verzweifelten Versuch zur Befreiung vom Gegenständlichen: ein Antlitz wie eine Landschaft gemalt, Haare an Laub und Baumrinde erinnernd, Augenhöhlen wie Felsspalten – sie sagen, dies Bild erinnere an die Natur nur so wie mancher Bergrücken an ein Menschengesicht, mancher Baumast an Hände und Beine erinnert, nur von ferne her, nur gleichnishaft*» [13, с. 122]; (Другие видят здесь последнюю смелую, граничащую с отчаянием попытку художника освобождения от чего-то материального, предметного (лицо, написанное как пейзаж, волосы, похожие на листву и кору деревьев, глазницы, как расселины в скалах), они говорят, что это полотно напоминает им натуру не более, чем иной вид горы – человеческое лицо, иная ветка – руку или ногу, то есть только отдаленно, только как-то символически [Перевод наш. – Е.З.]. Использованное здесь расширенное сравнение содержит в своем составе три кратких сравнения, дополняющих друг друга. Посредством сравнения лицо Клингзора запечатлевает множество образов, ландшафтных образов: волосы-листва, глазницы в расселинах скал, гора, ветки деревьев, деревья. Перед зрителями и читателями предстает целая галерея образов, в своей совокупности изображающих жизнь человека.

Вторым сегментом тематического поля «Творчество» является архитектура, описание которой оказывается важным для выражения коммуникативного замысла Г. Гессе. Феномен архитектуры демонстрирует искусствоведческую направленность рассказа «Последнее лето Клингзора», воссоздавая связь с естественной природной средой, служащей воплощением представлений о взаимоотношениях человека с природой. Всё более остро ощущая приближающуюся болезнь, протагонист сосредоточен на мысли о быстротечности человеческой жизни, растраченных впустую силах, тленности бытия. Свою нынешнюю низкую работоспособность Клингзор сравнивает с комплексной ансамблевой постройкой: «*Niemand konnte eine lange Zeit hindurch Tag und Nacht alle seine Lichter, alle seine Vulkane brennen haben, niemand konnte mehr als eine kurze Zeit lang Tag und Nacht in Flammen stehen, jeden Tag viele Stunden glühender Arbeit, jede Nacht viele Stunden glühender Gedanken, immerzu genießend, immerzu schaffend, immerzu in allen Sinnen und Nerven hell und überwach wie ein Schloß, hinter dessen sämtlichen Fenstern Tag für Tag Musik erschallt, Nacht für Nacht tausend Kerzen funkeln*» [13, с. 13]; (Никто не может постоянно, денно и нощно, гореть всеми

своими огнями, всеми своими вулканами, никто не в состоянии дольше какого-то короткого срока днем и ночью пылать пламенем, ежедневно, часами в сжигающем труде, каждую ночь часами и часами в жгучих мыслях, постоянно наслаждаясь и творя, всегда, всеми своими чувствами и нервами, оставаясь светлым и бессонным, как замок, за окнами которого днями без перерыва громко звучит музыка, ночь за ночью сверкают тысячи свечей [Перевод наш. – Е.З.]. В приведенном тексте из рассказа использовано краткое сравнение «*wie ein Schloss*» (как замок). Обращение Г. Гессе к образу замка не случайно. С одной стороны, замок символизирует укрепленную мировоззренческую позицию Клингзора, а с другой – подчеркивает особенности его психического состояния, выказывая твердость характера, выдержку и умение держать удары судьбы, искусство самообладания. В средневековой семиосфере, как известно, замок выступал в качестве аллегии трансцендентной души. Образ замка зачастую связан с материализацией чуда, а его мифологическим мотивом служат сокровища, толкуемые как духовное богатство человека [10]. В примере из рассказа фигура речи сравнения употребляется в одном контексте с множеством других ярких, прагматически действенных стилистических средств – анафора, лексический повтор, антитеза. Их искусное применение служит экспрессивизации художественного текста, выполнению задачи эстетического воздействия на читателя, максимальному повышению прагматического эффекта.

В главе «День Карено» Клингзор вместе со своими друзьями отправляется в долину Пампамбьо, где они наслаждаются природными красотами, обсуждают великую бессмертную силу искусства и никчемность жизни перед великими силами красоты, которые создала сама природа, при этом имеющая право ликвидировать, усовершенствовать или полностью заменить на лучшее все в ней существующее. Круговорот природных явлений и человеческих преобразований играет главную роль в улучшении качества жизнедеятельности ее индивидов. Важность рассмотрения окружающего мира через призму художника набирает высокие обороты при формировании созерцательности, выделении многообразия выразительных форм, их строения и модификации. Путешествие в Карено Клингзор изображает колоритными красками, описывая многочисленные архитектурные сооружения, реалии, людей, которых ему посчастливилось там встретить, и своих друзей: «*Sah er zurück, so wölbte sich über dem schwarzen Negerkopf Ersilias der Türkis des Sonnenschirmes*» [13, с. 46]; (Когда он оглядывался, то видел, как над черной негритянской головой Эрсилии плыла, как купол, бирюза зонтика [Перевод наш. – Е.З.]. В оригинале текста употреблено закрытое сравнение. Это сравнение не имеет определяющего маркера, но оно описывает заложенный образ, который наполняет сравнительную область [3, с. 137]. Обрисовка зонтика посредством сравнения с конструкционным покрытием сопоставляет его с символом неба, направляя образ Эрсилии в бесконечность небесного (божественного) творения. В конце главы измученный Клингзор после насыщенных жарких дней, проведенных в путешествиях, шагая к своему дому, воспеваает Бога и самого себя: «... *bin ich wie eine Kugel von Gold, wie die Kuppel eines Domes, man kniet darin, man betet, Gold strahlt von der Wand, auf altem Bilde blutet der Heiland, blutet das Herz der Maria. Wir bluten auch, wir anderen, wir Irrgegangenen, wir Sterne und Kometen, sieben und vierzehn Schwerter gehn durch unsre selige Brust. Ich liebe dich, blonde und schwarze Frau, ich liebe alle, auch die Philister; ihr seid arme Teufel wie ich, ihr seid arme Kinder und fehlgeratene Halbgötter wie der betrunke Klingsor*» [13, с. 74]; (...я как золотой шар, как купол собора, там стоят на коленях, произносят слова молитвы, стены блестят золотом, на старой картине истекает кровью Спаситель, истекает кровью сердце Пречистой Девы. И мы тоже истекаем кровью. Мы, все другие, мы, потерявшиеся в мире, мы, звезды и кометы, семь и дважды семь мечей пронзают нашу блаженную грудь. Я люблю тебя, женщина светловолосая и чернокудрая, я люблю всех и бюргеров тоже; вы такие же бедняги, как я, такие же, как и я, бедные дети и несостоявшиеся полубоги, как пьяный Клингзор [Перевод наш. – Е.З.]. Рассматриваемое здесь расширенное сравнение содержит в своем составе пять кратких сравнений, что подчеркивает соответствующее эмоциональное состояние протагониста. Автором показан весь стержень и нравственный потенциал персонажа. Сравнения в первой части примера (*wie eine Kugel von Gold, wie die Kuppel eines Domes*) имеют религиозный характер. Перед читателем предстает образ круглого, безграничного единства Бога и человека.

В автобиографичном рассказе Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» тематической доминантой выступает сфера искусства, что во многом обусловило его сюжет, выбор художника в качестве протагониста, равно как и лексический состав произведения. С целью воплощения своего коммуникативного замысла писателем часто используется сравнение. Оно выполняет в рассказе «Последнее лето Клингзора» эстетическую и прагматическую функции. В состав сравнений входят лексические единицы, выражающие самобытные, индивидуально-авторские образы, свидетельствующие об оригинальном мировосприятии писателя Германа Гессе.

Литература

1. Акатова А.А. Лексико-семантическое пространство идиолекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №5 (47). Ч.II. С. 13-15. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_5-2_01.pdf (дата обращения 01.03.16)
2. Ашихманова Н.А. Трансформация ценностей в индивидуально-авторской концептосфере (на материале произведений Джона Барта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.
3. Захарова Е.М. Употребление кратких сравнений в романе Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» (опыт лингвокультурологического анализа) // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №5 (32). 2014. — С. 137-140. URL: <http://grani.vspu.ru/avtor/722> (дата обращения 01.03.16)
4. Захарова Е.М. Использование фигуры речи сравнения в романе Германа Гессе «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером» (на примере денотативной сферы «Предметы и артефакты») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №9-10. — С. 176-181. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/104/176-181.pdf> (дата обращения 01.03.16)
5. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе: учеб. пособие. Волгоград: «Парадигма», 2015. – 140 с.
6. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты «целеустремленность», «настойчивость», «терпение», «невозмутимость» в повести Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» // Грани познания: электронный научно-

образовательный журнал ФГБОУ ВПО «ВГСПУ». 2013. №2 (22). С. 77-81. URL: <http://grani.vspu.ru/> (дата обращения 01.03.16)

7. Макарова О.С. Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф.Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №4 (22). Ч.1. С. 104-106.

8. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.

9. Рожкова Н.В. «Феноменология искусства в творчестве Германа Гессе». Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. №2 (73). Выпуск 11. С. 192-200.

10. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын; под общ. ред. В.Л. Телицына. – 2-е изд. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 494 с.

11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. XIX. С. 375-377. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения 05.03.16)

12. Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://goo.gl/TZQ3vk> (дата обращения 05.03.16)

13. Hesse H. Klingsors letzter Sommer. Erzählung mit farbigen Bildern vom Verfasser. Bibliothek Suhrkamp. PDF-Version. 2016. – 145 S.

14. Riesel E. Abriss der Deutschen Stilistik. Moskau, 1954. – 402 S.

References

1. Akatova A.A. Leksiko-semanticheskoe prostranstvo idiolekta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. №5 (47). Ч.II. С. 13-15. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_5-2_01.pdf (дата обращения 01.03.16)

2. Ashihmanova N.A. Transformacija cennostej v individual'no-avtorskoj konceptosfere (na materiale proizvedenij Dzhona Barta): atoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009. 20 s.

3. Zaharova E.M. Upotreblenie kratkih sravnenij v romane Germana Gesse «Siddhartha. Indijskaja pojema» (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznanija». №5 (32). 2014. — S. 137-140. URL: <http://grani.vspu.ru/avtor/722> (дата обращения 01.03.16)

4. Zaharova E.M. Ispol'zovanie figury rechi sravnenija v romane Germana Gesse «Demian. Istorija junosti, napisannaja Jemilem Sinklerom» (na primere denotativnoj sfery «Predmety i artefakty») // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. №9-10. – S. 176-181. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/104/176-181.pdf> (дата обращения 01.03.16)

5. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie koncepty Germana Gesse: ucheb. posobie. Volgograd: «Paradigma», 2015. – 140 s.

6. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie koncepty «celeustremennost'», «nastojchivost'», «terpenie», «nevozmutimost'» v povesti Germana Gesse «Siddhartha. Indijskaja pojema» // Grani poznanija: jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal FGBOU VPO «VGSPU». 2013. №2 (22). С. 77-81. URL: <http://grani.vspu.ru/> (дата обращения 01.03.16)

7. Makarova O.S. Metaforicheskaja realizacija individual'nogo bazisnogo koncepta «Wahrheit» v filosofii F.Nicshe // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. №4 (22). Ч.1. С. 104-106.

8. Maslova V.A. Pojet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj. Ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2004. – 256 s.

9. Rozhkova N.V. «Fenomenologija iskusstva v tvorcestve Germana Gesse». Nauchnye vedomosti. Serija Filosofija. Sociologija. Pravo. 2010. №2 (73). Vypusk 11. С. 192-200.

10. Simvoly, znaki, jemblemы: Jenciklopedija / avt.-sost. V.Je. Bagdasarjan, I.B. Orlov, V.L. Telicyn; pod obshh. red. V.L. Telicyna. – 2-e izd. M.: LOKID-PRESS, 2005. – 494 s.

11. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. t. XIX. С. 375-377. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения 05.03.16)

12. Jenciklopedija simboliki i geraldiki. URL: <http://goo.gl/TZQ3vk> (дата обращения 05.03.16)

13. Hesse H. Klingsors letzter Sommer. Erzählung mit farbigen Bildern vom Verfasser. Bibliothek Suhrkamp. PDF-Version. 2016. – 145 S.

14. Riesel E. Abriss der Deutschen Stilistik. Moskau, 1954. – 402 S.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.271

Исаев Г.Г.

ORCID: 0000-0003-4171-6665; профессор, доктор филологических наук,

Астраханский государственный университет

ТИП СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПОЭЗИИ А.МАРИЕНГОФА 1920-Х ГОДОВ**Аннотация**

Тип поэтической субъективности А.Мариенгофа 1920-х годов, если воспользоваться классификацией В.Лехциера, может быть определен как «респонзивный», суть которого в том, что «поэт откликается на «зов бытия», крови, класса и предлагает свое, чаще всего, прямое индивидуальное гражданское высказывание в качестве ответа на этот призыв». Главное здесь – быстрый отклик на знаковое общественное событие, каковым была революция. Обоснование лирического субъекта не в нем самом, а в знаковом общественном событии. После 1919 года лирическая субъективность А.Мариенгофа эволюционирует в сторону ситуативной, «рождающейся каждый раз заново на основе игры случайности и необходимости». Если в первом случае субъект занимает в основном позицию реагирующую, то во втором – он больше выясняет отношения с самим собой, акцент делается на его частном intersubjective мире. В центре – эмансипированная творческая личность, не ограниченная никакими законами и правилами, ей позволено все. Поэт вне морали, он «становится по ту сторону добра и зла и заранее оправдывает все, что может совершить. Он – сверхчеловек.

Ключевые слова: А.Мариенгоф, лирика, респонзивный и ситуативный тип субъективности, сверхчеловек.

Isaev G.G.

ORCID: 0000-0003-4171-6665, Professor, PhD in Philology

Department of Philological Sciences, Astrakhan State University

TYPE OF SUBJECTIVITY IN A.MARIENGOF'S POETRY OF THE 1920S**Abstract**

According to classification of V.Lekhtsier, subjectivity type of A.Mariengof's poetry of the 1920s can be defined as "responsive", the essence of which is that "the poet responds to the "voice of existence", blood, class and suggests his own, usually direct individual civil statement as an answer to this voice". The main thing about that is prompt response to a significant social event, such as the revolution. The reason for the lyric subject is not in him, but in that significant social event. After 1919, A.Mariengof's lyric subjectivity evolves to become contextual, "that is born again and again based on the play of eventuality and necessity". In the first case, the subject adopts mainly a responsive attitude, but in the second case, he explores himself, his private intersubjective world is emphasized. The center is an emancipated creative individual, no laws and rules can restrain him, everything is allowed to him. The poet is beyond the moral, he "is exterior to good and evil and justifies in advance everything he can commit. He is a superhuman.

Keywords: A.Mariengof, lyrics, responsive and contextual types of subjectivity, superhuman.

Особенности субъективности в лирике А.Мариенгофа затрагивались рядом ученых, занимающихся изучением творчества поэтов-имажинистов. Отметим работы В.Маркова [21], Н.Нильсона [20], А.Лаутона [22], Г.Маквея [6,23,24], В.Сухова [10,11], Т.Герновой [12], Г.Исаева [4], И.Павловой [9], Т.Хутгунена [16], И.Яжмбиньской [19], В.Пиотровского [25], в которых сделаны интересные и перспективные выводы о лирическом герое поэта. Однако системный анализ исследуемой проблемы в литературоведении отсутствует, хотя она является ключевой для понимания творчества А.Мариенгофа 1920-х годов. Это определяет актуальность статьи, в которой на основе современных научных подходов делается попытка дать всестороннее рассмотрение типа субъективности одного из ведущих поэтов имажинизма.

Как известно, в основании архетипа творчества лежит архетип божественного творения мира. В связи с этим человек-творец либо претендует на место и роль творца, делает из себя человеко-бога, либо обретает идеал в бесконечно превосходящей человека сущности. Имажинисты, в том числе и А.Мариенгоф, считали себя изначально свободными, они не нуждались в Боге. В.Шершеневич писал: религия – «это искусство готовых форм» [10, с.23], «...христианство – это сумма беспринципных афоризмов» [10, с.27]. По их теории, поэт-творец создает новое, не бывшее, вызывает формы и сущности из подсознания. Право человека на творчество утверждается через противопоставление всем существующим ценностям, системам и иерархиям. Суть искусства – «расточение бессознательного» [10, с.24].

Субъект речи в поэзии А.Мариенгофа 1920-х годов принадлежит к категории творцов авангарда, он – поэт-имажинист. Это мужчина, в котором сильнее всего проявлены маскулинность и эстетическая чувствительность, что в значительной степени определяет и склад его поэзии. Он обладает богатой фантазией, очаровывается новыми возможностями, устремляется за своей мечтой, умеет создавать экстравагантные художественные ценности, выражать и вызывать нужные эмоции. Он мечтателен, романтичен и способен на красивые жесты. Неравнодушен к бытовым мелочам, ему важно, как он одет, склонен к дендизму, что проявляется в ряде черт его характера и поведения: отношение к жизни как к искусству, идеал в литературе – глава английского эстетизма О.Уайльд, потребность поражать и разрушать тривиальность, сочетание блеска внешних форм (цилиндр, фрак, одежда от лучшего портного) и уточненной умственной культуры. Круг интересов – возбуждающие имена писателей-новаторов и темы острой политической современности. Социум А.Мариенгофа – богемная интеллигенция, поэты-авангардисты. Живет чаще всего в воображаемом мире, оторванном от действительности, и это позволяет ему создавать новые миры. Герой А.Мариенгофа заботится не о том, чтобы вписаться в новый революционный порядок, а о том, чтобы найти способ художественного самовыражения. Он берет на себя функцию новатора в поэзии, изобретая новые художественные приемы, которые по своей природе являются нонконформистскими. Как авангардист «он бросает вызов общественному мнению и традициям, стремится к разрушению всех возможных ценностей и иерархий, систем и

абсолютов» [2,с.34], отстаивает свое право на особое видение реальности и понимание задач искусства. Ценностью в поэзии он считает «непохожесть и непредсказуемость, смешение и смещение смыслов, подмену и провокацию» [2,35].

Субъективность – системный компонент психики художника, то есть собственно сознание, которое представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов, находящихся свое воплощение в художественных образах. Она – синоним и показатель самобытности и оригинальности поэта – находит свое выражение через язык как поверхностную структуру в его творческой манере и стиле. Лирическая субъективность А.Мариенгофа как манифестация представлений субъекта речи его поэзии об окружающем мире, его точки зрения, чувств, убеждений, желаний, «моделей мира» – сложная структура, состоящая из множества элементов.

Важнейшим, пожалуй, является протеизм как особый тип мировоззрения: ощущение состояния начала, едва рожденности нового мира, поиск знаков будущего. Протеизм А.Мариенгофа-авангардиста проявляется и как способность к изменению художественной формы, переменчивость. Свою задачу он видит в том, чтобы создать что-то необыкновенное или исключительное, нечто яркое и парадоксальное. Имеют место многочисленные протеистические, провокативные перевоплощения лирического «я»: повествователь, лирический герой, ролевой герой, шут, трикстер и др. Поэт стремится построить образ новой личности – ломаной, надорванной, которая выражает, отстаивает и утверждает себя в суровом мире революции и гражданской войны. Доля субъективности нередко максимально нарастает, становится чрезмерной. Самым глубоким явлением, выражающим субъективность, является ритм. Вследствие длительных субъективных состояний и напряженности ритма возникает опасность для здоровья субъекта речи. Как писал С.Цвейг, «ритм приобретает свободу по мере того, как ослабевают в психике поэта логические связи...» [18,с.147]. Дискурс с его резким, «рваным» ритмом начинает выражать измененные состояния сознания, а лирический субъект нередко ощущает себя сходящим с ума («Магдалина», «Анатолеград» и др.). Нередко имитируется состояние бреда с его особенностями мышления, измененным, трансгрессивным, диссоциированным языком: бредовые языковые игры, «склонность к паралогическим повторениям, употребление неологизмов – использование известных слов в ином, необычном смысле, соединение нескольких слов в одно, применение несуществующих слов и словосочетаний, а также гротесковых, абсурдных высказываний» [11,с.43].

Чувство трагичности человеческого бытия – другая примета лирической субъективности А.Мариенгофа. Экзистенция, дающая о себе знать в поэзии А.Мариенгофа, обнажает трагизм человеческого существования, выводит центр этого существования за пределы всех параметров исторического настоящего и тем самым порождает возможность конфликта и со стандартами недавнего прошлого, и с нормами нарождающегося социализма.

Лирический субъект А.Мариенгофа лишился мира как чего-то целостного в качестве опоры как вне, так и внутри себя. На первый план выходит трагически-рефлексивная отчужденность субъекта от действительности, что выражается в таких свойствах его мироощущения, как пессимизм, скептицизм, мятежность, демонизм, нигилизм. Лирический субъект поэта как бы стоит над миром революции, более того, в немалой степени отстранен от него. Он предстает в качестве личности-самости, т.е. такого существа, которое утверждает себя (свою свободу) на путях субъективного противостояния миру, отталкивания от него. Герой сознает «субъективное углубление внутрь себя» [2,с.353]. Главное у лирического героя-поэта – идея (чувство) неприятия мира как следствие саморефлексии. Лирика А.Мариенгофа в своей глубочайшей сущности является феноменом самоутверждения (самовыражения) с позиции трагедии – разрыва человека с миром.

Истоки лирической поэзии, принято считать, кроются в чувстве трагичности человеческого бытия и во внутренней (творческой) потребности преодолеть его. «Индивидуальное существование изначально заявляет о себе как существование хрупкое и конечное. Именно эти обстоятельства, в первую очередь, и придают такому существованию трагический характер» [3]. Свобода субъекта оказывается серией непрерывных угроз и опасностей. Человек в эти моменты более четко понимает и принимает собственную конечность, обретая тем самым трагичность мироощущения [3]. Способом выражения и осмысления трагического является поэтическое, которое у А.Мариенгофа предстает как выражение лирической субъективности, что является его «важнейшей интуицией, «устанавливающей связь между поэтическим и онтологическим» [3].

Применительно к поэтике А.Мариенгофа 1920-х годов необходимо говорить о значительном месте, которое занимает у него речевая реализация взаимодействия и взаимопроникновения трагического и комического. Они стали эстетическими доминантами его творчества. Варьируя мотивы крови, насилия, безысходности, жизненного тупика, А.Мариенгоф акцентирует дисгармоничность мира. Наиболее яркое выражение стремление к смешению трагического и комического находит у него в приемах театрализации, двойничества, игры и маски, соединения противоположных лексических пластов. Подобным образом А.Мариенгоф не только разрушал вечные нравственно-философские понятия, но и углублял их, показывая их непреходящую значимость.

От эстетической программы имажинизма идет неприятие всего коллективистского, эгоцентризм, что выражает самую суть творческой индивидуальности поэта. К лирическому герою А.Мариенгофа можно отнести слова Г.Ибсена: «Самый могущественный человек тот, кто стоит на жизненном пути одиноко». Он способен к «самостоянию» (А.Пушкин). Ценность одиночества как самостояния заключается в том, что оно означает «более высокое состояние «я», возвышающееся над общим, родовым, объективированным миром» [3].

Индивидуальное начало в лирическом герое А.Мариенгофа осознает себя как одинокое индивидуальное, и это одиночество демонстрирует себя нередко в предельно негативных и максималистских формах, что давало критике основание упрекать поэта в цинизме и эстетизации низменного. На самом деле в его поэзии обозначался возврат к осмыслению основных проблем человеческого существования.

Как заметил С.Иванников, «для поэзии быть революционной означает не только установление связи с индивидуальными, экзистенциальными аспектами существования субъекта, но и формирование критического отношения к действительности» [3]. Базовые поэтические интуиции А.Мариенгофа несли в себе мощный взрывной импульс, способный радикально изменить его мироощущение. В сознании автора и героя осуществляется прыжок от одного состояния к другому. Возникает миг озарения, которое не склонно менять картину мира постепенно; наоборот,

озарение действует стремительно и безапелляционно. Индивидуальное сознание лирического героя становится очагом микрореволюции, о чем свидетельствуют наиболее резкие стихи из сборника «Явь» (1919). В творчестве А. Мариенгофа формируется критическое отношение к революционной современности, которое предполагает, что ее состояние неудовлетворительно и сама она в ее наличных формах должна быть преодолена [3]. После сборника «Явь» поэт вносит значительные коррективы в конструирование своей субъективности, поскольку изменилась его точка зрения на революцию: в «Поэме четырех глав» возникает мотив оценки революции как «большевистской чумы» [7, с. 161]. Существенно иным стало отношение к его поэзии официальной критики: «Правда» писала о его поэзии как «оглушающем визге, чуждом пролетариату». В последующем творчестве А. Мариенгофа нарастают мотивы пессимизма и обреченности, главным приемом выражения субъективности становится рефлексивный принцип, в центр творчества выдвигаются «Я» и его переживания, утверждаются ценность и неповторимость личности.

Интерсубъективность – отношения между различными сознаниями – является заметной особенностью индивидуального творческого мира автора и его лирического героя. Контекст мышления и чувств лирического субъекта образуется интерсубъективными отношениями с другими людьми, реальными или воображаемыми, с другими явлениями искусства, происходит встреча двух миров, двух субъективностей. Рождается общность опыта взаимодействующих художественных субъектов и общезначимость его результата. Интерсубъективность у А. Мариенгофа манифестирует себя такой структурой активной субъективности «я», элементами которой выступают различные явления воображения и текстопорождения.

Отметим прежде всего интертекстуальность, которая, как подчеркивает один из исследователей, «выявляется в качестве текстуализированного модуса со-бытия интерсубъективности» [1]. Опыт А. Мариенгофа, как и любого другого писателя, показывает, что в процессе творчества он бессознательно «вбирает» в себя предшествующие произведения, фрагменты которых участвуют в конструировании оригинальных текстов, то есть художественный мир создается интерсубъективным образом. Композиционно-смысловая и семантико-прагматическая соотнесенность текста с другими текстами и кодами лежит в основе того типа лирической субъективности, которая доминирует в наследии поэта. Приведем примеры богатой интертекстуальности поэзии А. Мариенгофа.

В стихотворении «Из сердца в ладонях...» целенаправленность речевой манеры лирического героя проявляется в предрасположенности к селективному поведению в зависимости от такого состояния организма, как напряженная сексуальность, в результате чего рождаются соответствующий импульс и речевая активность инструментального типа, направленная на достижение взаимности.

Выбор объектов сравнения в императивной части дискурса обусловлен, видимо, тем, что во взаимоотношениях героя с женщинами в прошлом было много неудач, и у него сформировалась такая эмоция, как страх перед ними. Поэтому, предлагая любовь своей избраннице, он вводит интертексты, связанные с пролитием крови, убийствах мужчин по прихоти женщин:

Ее возьми –
Как голову Иоканана,
Как голову Олоферна...

Финский литературовед Томи Хуттунен убедительно показал [16, с. 34], что А. Мариенгоф воспринимал и интерпретировал библейские мотивы сквозь призму произведений живописи – иллюстраций О. Бердслея к «Саломее» О. Уайльда и картины Джорджоне «Юдифь».

Точно так же лирический герой описывает, что значит для него любовь:

Она мне, как революции – новь,
Как нож гильотины –
Марату,
Как Еве – змий.
Она мне, как правоверному
Стих
Корана,
Как за Распятого,
Иуде – осины
Сук...

Акцент, как видим, делается на хорошо известных эпизодах из Библии, из истории французской революции, на чувствах фанатично настроенных мусульман. Большинство из интертекстов так или иначе связаны с пролитием крови, с максимально сильным проявлением чувств.

Стихотворение завершается описанием того, как целенаправленное поведение лирического героя, обусловленное инстинктом продолжения рода, достигает цели:

Всего кладу себя на огонь
Уст твоих,
На лилии рук.

Здесь опять отсылка к «Саломее» О. Уайльда и иллюстрациям к ней О. Бердслея. Через интерсубъективность индивидуальное эстетическое сознание поэта выходило к традиции английского эстетизма и через это – к универсальному модернистскому опыту эпохи.

Интерсубъективность сознания А.Мариенгофа раскрывается не только через диалог с «Другим», но и через диалог с самим собой, как это проявляется в «Ночном кафе», «Фонтанах седины», в которых «я» раздваивается на два или несколько субъектов, вступающих друг с другом в диалогические отношения. Это отражало направленность мышления автора на познание своего внутреннего мира.

Таким образом, тип поэтической субъективности А.Мариенгофа начального периода, если воспользоваться классификацией В.Лехциера, может быть определен как «респонзивный», суть которого в том, что «поэт откликается на «зов бытия», крови, класса и предлагает свое, чаще всего, прямое индивидуальное гражданское высказывание в качестве ответа на этот призыв». Главное здесь – быстрый отклик на знаковое общественное событие, каковым была революция. Обоснование лирического субъекта не в нем самом, а в знаковом общественном событии[5]. После 1919 года лирическая субъективность А.Мариенгофа эволюционирует в сторону ситуативной, «рождающейся каждый раз заново на основе игры случайности и необходимости»[5]. Если в первом случае субъект занимает в основном позицию реагирующую, то во втором – он больше выясняет отношения с самим собой, акцент делается на его приватном интересующем мире. В центре – эмансипированная творческая личность, не ограниченная никакими законами и правилами, ей позволено все. Поэт вне морали, он «становится по ту сторону добра и зла и заранее оправдывает все, что может совершить. Он – сверхчеловек. По Бердяеву, этика творчества превосходит как этику Закона, так и этику Искупления»[2,с.32].

Субъективность, практиковавшаяся А.Мариенгофом, как нельзя лучше подходила к выражению основных черт эпохи авангардизма: доминирование игрового начала, интертекстуальность, ирония, алогичность, смещение пропорций, фрагментарность, инновации в поисках средств художественного выражения, метафоричность, фантастичность. Художественный мир его произведений конструируется интересующим образом. Важную роль играют принципы эстетической автономии и творческой независимости от противоборствующих социальных сил.

Литература

- 1.Галушко Т.Г. Лингвистика: текст, контекст и гипертекст в свете некоторых идей постструктурализма // www.psudology/webmaster/Lingvistika.htm;
- 2.Гурин С.П. Проблемы маргинальной антропологии. М., 2013;
- 3.Иванников Сергей. Поэзия в эпоху революции // <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/poesiya-v-epohu-revolucii>;
- 4.Исаев Г.Г.Код телесности в литературно-критическом дискурсе А.Мариенгофа //Каспийский регион, 2013, № 4;
- 5.Лехциер В. Типы поэтической субъективности и новые медиа // <http://tr/livejournal.com/129238.html>;
- 6.Маквей Гордон. Поэт-имажинист Анатолий Мариенгоф: личность и творчество в зеркале современных исследований // Современное есениноведение. Научно-методический журнал Рязань, 2011, № 16;
7. Мариенгоф А.Б. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., 2013;
- 8.МестецкийМ.МариенгофА.Б.//<http://files.schoolcollection.edu.ru/dlstore/958343b9>;
- 9.Павлова И. Имажинизм в контексте модернистской и авангардистской поэзии XX века. Автореферат диссертации...кандидата филологических наук. М., 2002;
- 10.Поэты-имажинисты /Составление, подготовка текста, биографические заметки и примечания Э.М.Шнейдермана. СПб.: Пб.писатель, М., Аграф, 1997;
- 11.Руднев В.П. Словарь безумия. М.: «Класс», 2005;
- 12.Сухов В.А. Эволюция образа Москвы в творчестве А.Б.Мариенгофа // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г.Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27;
- 13.Сухов Валерий. «И демон, трепеща крылами, как птица веет в темноте...» // Сура, 2012, № 5(111);
- 14.Тернова Т.А. Семиотика безумия в литературе русского авангарда // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202);
- 15.Тернова Т.А. История и практика русского имажинизма. Автореферат диссертации...кандидата филологических наук.. Воронеж, 2000;
- 16.Хутгунен Т.Имажинист Мариенгоф. М., 2007;
- 17.Шершеневич В. Поэма имажиниста // Советская страна, 1919, 17 февр.;
- 18.Цвейг С. Борьба с демоном (Гельдерлин, Клейст, Ницше). М., 1992;
- 19.Яжембиньска И. Русский имажинизм как литературное явление. Автореферат...кандидата филологических наук. Л., 1986;
- 20.Nilsson N.A. The Russian Imaginists. Stockholm Almqvist and Wiksel, 1970;
- 21.Markov V. Russian Imagism: 1919-1927. Wilhelm Schmitz Verlag in Gissen, 1980;
- 22.Lawton A. Vadim Shershenevich: From Futurism to Imagism. Ann Arbor: Ardis, 1981;
- 23.McVay Gordon. The Tree-stump and the Horse: The Poetry of Alexander Kusikov // Oxford Slavonic Papers, Oxford, New Series, Volume XI, 1978;
- 24.McVay Gordon. Esenin: A Life. Ann Arbor: Ardis, 1976;
- 25.Piotrovski W. Imazynism rosylski. Krakow, 1997.

References

- 1.Galushko, T.G. Linguistics: text, context and hypertext in the light of some ideas of poststructuralism// www.psudology/webmaster/Lingvistika.htm
- 2.Gurin, S.P. Problems of marginal anthropology. Moscow, 2013
- 3.Ivannikov, S. Poetry in the epoch of revolution/ <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/poesiya-v-epohu-revolucii>
- 4.Isaev, G.G. Code of corporality in literature and critics discourse of A.Mariengof // Caspian region, 2013, No4
- 5.Lekhtsier, V. Types of poetic subjectivity and new media //<http://tr/livejournal.com/129238.html>

6. McVay, Gordon. Poet-imagist Anatoliy Mariengof: personality and creative work in the mirror of modern researches // Modern Esenin studies. A scholarly and methodological journal. Ryazan, 2011 No16
7. Mariengof, A.B. Collected works in three volumes. Vol 1, Moscow, 2013
8. Mestetskiy, M. Mariengof A.B. // <http://files.schoolcollection.edu.ru/dlrstore/958343b9>
9. Pavlova, I. Imaginism and avant-gardism in the context of modernist and avant-gardist poetry of the 20th century. Synopsis of thesis... of Candidate of Philology. Moscow, 2002.
10. Poets-imagists / Composing, preparation of a text, biographic notes and remarks by E.M. Sneiderman. St. Petersburg; Pb. pisatel', Moscow: Agraf, 1997
11. Rudnev, V.P. Dictionary of madness. Moscow: Klass, 2005
12. Sukhov, V.A. Evolution of image of Moscow in A.B. Mariengof's creative work // Bulletin of Penza State University named after Belinskiy. Humanitarian sciences. 2012 No 27
13. Sukhov, V. "And demon, fluttering the wings, is flying in the darkness as a bird" // Sura, 2012. No 5(11)
14. Ternova, T.A. Semiotics of madness in literature of Russian avant-garde // Bulletin of Chelyabinsk state university. 2010. No 21 (202)
15. Ternova, T.A. History and practice of Russian imagism. Synopsis of thesis... of Candidate of Philology. Voronezh, 2000
16. Huttunen, T. Imagist Mariengof. Moscow, 2007
17. Shershenevich, V. Poem of imagist // Soviet country, 1919, 17 Feb.
18. Zweig, S. The fight against the demon (Hölderlin Kleist Nietzsche) // Moscow, 1992
19. Yazhembinska I. Russian imagism as a phenomenon in literature. Synopsis of thesis... of Candidate of Philology. Leningrad, 1986
20. Nilsson, N.A. The Russian imaginists. Stockholm Almqvist and Wiksel, 1970
21. Markov, V. Russian imagism: 1919-1927. Wilhelm Schmitz Verlag in Gissen, 1980
22. Lawton, A. Vadim Shershenevich: from futurism to imagism. Ann Arbor: Ardis, 1981
23. McVay, Gordon. The tree-stump and the horse: the poetry of Alexander Kusikov // Oxford Slavonic Papers, Oxford, New Series, Volume XI, 1978;
24. McVay, Gordon. Esenin: A life. Ann Arbor: Ardis, 1976
25. Piotrovski, W. Imazynism rosyski. Krakow, 1997

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.049

Кажарова И.А.

Кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований
МОТИВ НЕПРИКАЯННОСТИ В ПОВЕСТИ З. КАНКУЛОВА «ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ»

Аннотация

В статье рассматривается повесть адыгского прозаика Заура Канкулова «Затерявшийся в городе» с точки зрения реализации в ее сюжете ряда трансформаций мотива неприкаянности. Основные положения статьи дополняют сведения об особенностях художественной философии адыгской прозы начала 90-х годов прошедшего столетия.

Ключевые слова: Заур Канкулов, мотив, герой, неприкаянность.

Kazharova I.A.

PhD in Philology, Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
MOTIVE OF THE RESTLESSNESS IN Z. KANKULOV'S STORY "LOST IN THE CITY"

Abstract

The article discusses the story of the Adyghean writer Zaur Kankulov «Lost in the city» from the point of view of realization in the story of a number of transformations of the motif of transience. The main provisions of the articles complement information about the characteristics of artistic philosophy Adyghe prose of the early 90-ies of the last century.

Keywords: Zaur Kankulov, motive, character, restlessness.

Повесть «Затерявшийся в городе», как и личность ее автора, Канкулова Заура (1967 – 1992), – исполненное трагического смысла и глубокой тайны явление адыгской литературы. Уже первые писательские опыты З. Канкулова, появлявшиеся на страницах республиканской периодики в конце 1980-х, определенно выдавали человека с неординарным мышлением, художника напряженного поиска. Однако наибольшую известность ему принесла повесть «Затерявшийся в городе», создание которой, судя по всему, пришлось на период учебы в МГУ, на факультете журналистики, куда З. Канкулов перевелся с филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета, и который успешно окончил в 1992-м. Его жизнь трагически оборвалась в том же году. Рукопись повести была обнаружена спустя несколько лет Зариной Канкуловой, и опубликована с ее послесловием в журнале «Ошшамахо» [2].

Погружаясь в проблемы и образы, порожденные эпохой экономического и культурного кризиса 1990-х, молодой автор ставил перед собой непростую задачу – в небольшом по объему полотне представить многомерное изображение современности, найти адекватные средства, чтобы передать ее деформирующую ментальность. Это была эпоха, когда размывание и смещение ценностных границ происходило с особой интенсивностью, что порождало в людях ощущение неприкаянности. Смещенность границ, ощущение собственной неприкаянности входили в литературу, обретая в ней закономерность мотива и литературного приема. В данной статье мы проследим развертывание мотива неприкаянности, воплотившегося в основных проблемных узлах повести «Затерявшийся в городе».

Состояние неприкаянности в его наиболее распространенном понимании, как душевная бесприютность и неустроенность (неприкаянный – «не находящий себе места, беспокойный, а также не имеющий постоянного места, положения в жизни, неустроенный» [4, с. 408]), присутствует в повести как лейтмотив воссоздаваемой «картины мира» и как определяющая черта обитающих в ней героев. На магистральную роль мотива неприкаянности указывает также и заглавие произведения.

3. Канкулов исследует тот аспект действительности, который ему ближе всего – реальность родного этноса, и выбирает героев, близких ему по возрасту – это молодые люди, которым предстоит вступить на дорогу новой, взрослой жизни. Вчерашние школьники Феликс, Коля, Залина и Ахмед, совершенно разные по складу характера, озабоченные столь же разными и в то же время вполне типичными для их возраста вещами. Кто-то переживает светлое чувство первой любви, с меньшей или большей степенью энтузиазма размышляет о выборе профессии (Феликс и Залина), кто-то пытается определить наиболее верный жизненный путь (Ахмед), кто-то стремится реализовать свою жажду доминирования (Коля).

Ничего из всего этого еще не свершилось, но начало и итог уже пересекаются: Феликсу только предстоит предать свое светлое чувство, оставив Залину на поругание хулиганам, Ахмеду только предстоит разочароваться в истинах Корана и отвернуться от него, но образ «затерявшегося в городе» уже курсивом проходит через пространство повести, внося в него настроение обреченности: *«Страх, необъятный страх черным дымом обволакивает его, стискивает до дрожи в ногах, гонит и не дает остановиться. Стиснуть зубы. Ни звука. Ни стоны. Снова городская улица. Лечь бы, но некуда – земля горит. Что это, помутнение рассудка? Он перестал ориентироваться во времени и пространстве...»* [1, с. 134].

Инверсивное восприятие событий задано в самом начале повести. Произведение открывает диалог уже надломленных жизнью героев, и первая из череды «неприкаянных», кого мы встречаем – это Залина, некогда кроткая девушка в белом платье, державшаяся за свою любовь как за спасительную нить, по-настоящему и, как говорит автор, не по-современному преданная ей. Начало повести показывает Залину в образе сумасшедшей, что заранее определяет вектор дальнейшего прочтения и восприятия истории ее любви, о которой лишь предстоит узнать читателю. Тихий носитель лирического начала, Залина с первых же строк изображается у своего печального итога, – навсегда утратившая смысл жизни, обреченная на беспорядочные скитания: *«Перестань шляться по улицам как полоумная!»* [1, с. 111], – раздраженно бросает ей Феликс. Мир ее опрокинут и ничего спасительного случиться в нем уже не может. Беседующий с ней Феликс, вроде бы сумевший отмежеваться от пережитого, обрести почву под ногами и благополучно существовать в потоке будней – семья, работа, друзья, – как станет ясно в дальнейшем, совершает лишь короткую остановку, перед тем как потерять дорогу и заблудиться навсегда.

К пониманию того, что в образе блуждающего в смятении по городу мужчины заложена предопределенность судьбы самого Феликса, автор подводит читателя постепенно, по мере развития событий. События выстраиваются вокруг ключевого этапа в жизни главных героев – это время их перехода из стихии школьного коллективизма во внешнюю действительность, в самостоятельную жизнь, потому их история – это история выбора пути и обретения собственной цельности. Переход подростка во взрослую жизнь сам по себе сложен. Переход, совершаемый в мире хаотических ценностей сложен вдвойне. И степень осознания данного рубежа способна многое поведать о внутреннем мире героев. Наибольшая глубина в этом смысле выделяет Ахмеда. Из всех молодых людей, представленных в повести, он единственный, в ком наиболее осязательна сила, восходящая от родных корней. Он знает отвергнутый и позабытый не только его сверстниками, но и поколением их родителей родной язык, наршу. Для него значим авторитет предков, что явствует из его привязанности к своему «наставнику», деду Бекулу. Он освоил язык, на котором нужно «разговаривать» с Кораном и теперь посвящен в его истины. Однако все это не избавляет от чувства неприкаянности. Он постиг, что Коран наделен душой. В нем образ, за которым юноша уже способен прозревать отчетливую модель жизни и поведения. Но так же ясно Ахмед видит и удручающую разобщенность истин священной книги и законов жизни. Отсюда вопросы без ответа, метания между великими истинами Корана и принципом «жить надо в свое удовольствие».

То, что мы обозначили как чувство порога, в жизни Феликса дает себя знать спонтанно, но неизбежность и драматизм его от этого не ослабевают. Здесь встает вопрос уже не о выборе наиболее верного пути, а прежде всего о желании избавиться от постоянно преследующей героя шаткости, неустойчивости собственного бытия. Внутренние метания провоцируются мировоззренческим сумбуром, который и приведет Феликса к окончательной потере самого себя. Образ пошатнувшейся, уходящей из-под ног или проваливающейся земной тверди сопровождает героя постоянно. Кошмары и видения Феликса – те ступени испытаний, которые он должен пройти. Еще в фольклоре ранних времен «инициация включает временную изоляцию от социума, контакты с иными мирами и их демоническими обитателями, мучительные испытания и даже временную смерть с последующим возрождением в новом статусе» [3, с. 21]. Так, неприкаянное прошлое народа, мечется в поисках своего медиума и, наконец, найдя его в лице Феликса, доводит его до полубезумного состояния. Выбор прошлого, судя по словам деда Бекула, также неслучаен, он кармически предопределен неприкаянностью предков Феликса: *«Оставь свои тревоги. С тобой говорит прошлое. Почему выбор пал на тебя – мне неизвестно. Возможно, в твоей родне много таких, чьи души после смерти не нашли успокоения»* [с. 173]. Однако ему так и не достает мужества пройти ступени инициации до конца. Становление его личности, нахождение собственного «я», так и не свершается. Надо заметить, здесь состояние неприкаянности впервые заявляет о своем изначальном значении, сопряженном с образом души, не обретшей покоя после смерти. К этому примыкает также образ жуткого истукана Тембала, который по ночам срывается со своего постамент. Тембал – образ неприкаянности в ее прямом смысле, как отсутствие постоянного пристанища для грешной, не покаявшейся души. Таким образом, мотив неприкаянности, пронизывая сюжет рассматриваемой повести, реализуется в своем прямом и переносном значении. Транслируемый главным образом через историю становления молодых людей, он выступает косвенным свидетельством обреченности нового поколения.

Литература

1. Заур Канкулов. Затерявшийся в городе // Цепи снеговых гор. Повести писателей Северного Кавказа. М.: Фолио, 2009. С. 109 – 188.
2. Канкулов З. Затерявшийся в городе. Повесть (на кабардинском языке) // Ошхамахо. 1995. № 1 С. 3 – 52.
3. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
5. Элиаде Мирча. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/355327-tajnie-obshestva-obryadi-initiatcii-i-posvyasheniya.html> (дата обращения: 01.02.2016).

References

1. Zaur Kankulov. Lost in the city // Chain of the snow mountains. The novel writers of the North Caucasus. M.: Folio, 2009. P. 109 – 188.
2. The kankulov C Lost in the city. Novel (in Kabardian) // Oshkhamakho. 1995. No. 1 Pp. 3 – 52.
3. Meletinsky E. M. About literary archetypes. M: RGGU, 1994. – 136 p.
4. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M.: Rus. lang., 1990. – 917 p.
5. Eliade, Mircea. Secret societies. Initiation rites and initiations [Electronic resource]. URL: <http://e-libra.ru/read/355327-tajnie-obshestva-obryadi-initiatcii-i-posvyasheniya.html> (reference date: 01.02.2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.253

Керимова Д.Ф.

Преподаватель, Дагестанский государственный университет
ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ МАЛОЙ ПРОЗЫ Т.Н. ТОЛСТОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ И ЭССЕ «НЕ КЫСЬ»)

Аннотация

В настоящей статье рассмотрена гипертекстуальность некоторых эссе Т.Н. Толстой из сборника «Не кысь», и на основе проделанного анализа обобщены представления о роли и функции интертекста в творчестве автора. Целью исследования является изучение гипертекстем на вышеуказанном материале с целью раскрытия идейно-художественного своеобразия прозы автора. К достижению поставленной цели ведет решение следующих задач:

- 1) создание типологии гипертекстем в сборнике рассказов и эссе Татьяны Толстой «Не кысь»;
- 2) описание способов и средств выражения интертекстуальных включений;
- 3) определение в ходе исследования специфики функционирования интертекстем в обозначенных текстах.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, активным изучением интертекстуальности в лингвистике, а с другой, необходимостью комплексного анализа межтекстового взаимодействия на материале прозы Татьяны Толстой как автора, в творчестве которого интертекстуальность особенно активно проявляется на различных уровнях: семантическом, фонетическом и синтаксическом.

Материал статьи может быть использован при чтении спецкурсов по литературе постмодернизма.

Ключевые слова: интертекст, цитата, гипертекст, постмодернизм.

Kerimova D.F.

Lecturer, Dagestan State University

THE HYPERTEXTUALITY OF THE SHORT PROSE BY TATYANA TOLSTAYA
(IN A COLLECTION OF TALES AND ESSAYS "NE KYS")

Abstract

This article is devoted to the exploration of the hypertextual nature of the some essays by Tatyana Tolstaya in a collection of tales and essays by T.N. Tolstaya "Ne Kys" and on the basis of this analysis views of the role and functions of the intertext in the author's works are summarized.

The aim of the article is to describe the hypertext in a collection of tales and essays by T.N. Tolstaya "Ne Kys" to demonstrate the ideological and artistic originality of the author's prose. To achieve this goal is to solve the following tasks:

- 1) the establishment of a typology of hypertext in a collection of tales and essays by Tatyana Tolstaya "Ne Kys";
- 2) the description of the methods and means of expression intertextual inclusions;
- 3) the determination in the operation of the specifics of the study intertext in the designated texts.

The relevance of this study is due, on the one hand, the active study of intertextuality in linguistics, on the other hand, the need for a comprehensive analysis of intertextual interaction on the basis of prose by Tatyana Tolstaya as a writer, whose works manifest intertextuality is particularly active at different levels: semantic, syntactic and phonetic.

Article's material can be used for reading of the special courses about postmodern literature.

Keywords: intertext, quote, hypertext, postmodernism.

Интертекст – основной способ построения текста в литературе постмодернизма. По утверждению И.И. Ильина, «всякий текст является «реакцией» на предшествующие тексты» [3, с. 204–205].

Литературовед М.Л. Малаховская понимает под интертекстуальностью «наличие в тексте элементов, которые, вследствие целенаправленной авторской стратегии или же безотносительно его интенции, активируют в сознании читателя другие, прочитанные им ранее, тексты» [4, с. 5]. Французский литературовед Жерар Женетт в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982) выделяет в качестве одного из типов взаимодействия текстов гипертекстуальность, понимаемую как осмеяние или пародирование одним текстом другого.

Одним из наиболее частых проявлений гипертекста в малой прозе Т. Толстой является наличие таких элементов, как пародия и вариация. По выражению М.М. Бахтина, «вариация свободно вносит чужезыковой

материал в современные темы, сочетает стилизуемый мир с миром современного сознания, ставит стилизуемый язык, испытывая его, в новые и невозможные для него самого ситуации» [1, с. 174–175]. Что же касается пародии, она основана на идее удвоения, т.е. введения смехового аспекта наряду с трагическим» [6, с. 400].

Наиболее примечательными в обозначенном плане инородными включениями в рассказе «Факир» из сборника «Не кысь» являются гипертексты, пародирующие детали одежды самого известного героя И.А. Гончарова Ильи Ильича Обломова. Среди них – перстень, халат и туфли. В толстовском тексте это «маленькая рука, отяжеленная перстнем», «малиновый халат с кистями» и «серебряные янычарские тапки с загнутыми носами» [5, с. 34–35], а в претексте – «большой массивный перстень с каким-то темным камнем», «халат из персидской материи, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный» и «длинные, мягкие и широкие туфли». Еще одним гипертекстуальным включением становится пародийный пересказ Филиным истории любви великого Иоганна Вольфганга Гете к юной Ульрике фон Леветцов: «Когда Гете глубоким стариком полюбил молодую, прелеестную Ульрику и имел неосторожность посвататься, – ему было грубо отказано. С порога. Вернее – из окна. Прелестница высунулась в форточку и облаяла олимпийца... старый, мол, а туда же. Фауст выискался. Рыбы больше есть надо – в ней фосфор, чтобы голова варила. Айнмаль ин дер вохе – фиш! И форточку захлопнула» [5, с. 54]. Данный фрагмент выполняет метатекстовую функцию: читатель дефинирует опознанный интертекст при помощи претекста, выступающего по отношению к нему в качестве смещенного текста-источника.

В рассказе «Поэт и муза» присутствует пародия, призванная создать у читателя комический эффект за счёт намеренного повторения уникальных черт уже известного произведения, в специально изменённой форме. Например, в исследуемом тексте автор повествует о направлении в живописи, названном «когтизм»: «Чтобы изготовить свои полотна, Лизавета, как африканский колдун, должна была привести себя в необузданную ярость, и тогда в ее тусклых глазах зажегся огонь, и с криками, хрипами, с каким-то грязным гневом она накидывалась и месила кулаками на холсте голубые, черные, желтые краски и тут же расцарапывала ногтями непросохшую масляную кашу» [5, с. 156]. Совершенно очевидно, что такого рода наименование создано по аналогии с уже имеющимися в искусстве «измами»: импрессионизмом, маринизмом, символизмом, кубизмом и т.д.

В рассказе «Ночь» обнаруживаем дважды процитированную строфу стихотворения А.С. Пушкина «Зимний вечер». Если в первом случае авторский текст не претерпевает никаких метаморфоз, будучи озвученным Мамочкой, то во втором сохраняется лишь звуковая оболочка стихотворной строфы: сознание Алексея, ребенка, страдающего слабоумием, гипертрофирует услышанные строки и воспроизводит их фонетический облик, не придавая значения семантике и синтаксису:

«Бурям, глою, небак, роет,
Вихрь, нежны, екру, тя!
Токаг, зверя, наза, воег,
Тоза, плачет, кагди, тя!» [5, с. 198].

Данный поэтический отрывок выполняет в тексте экспрессивную функцию, сообщая о культурно-семиотических ориентирах автора рассказа: «Традиции языковой игры, травестирования – это Пушкин! Но не Пушкин оды «Вольность» или «Памятника», а Пушкин – автор эпиграмм, «Гавриилиады», «Царя-Никиты...» и др.» [2, с. 49–51].

В рассказе «Любишь – не любишь» встречается вариация стихотворения А.С. Пушкина «Няня»: известная строка «Голубка дряхлая моя!» преобразуется в ироничную конструкцию «Свинюшка толстая моя!», адресованную няне ее воспитанницами. В данном контексте подобного рода интертекстема выступает как цитата-заместитель, выражая точку зрения автора с помощью чужих слов: «А про Марьиванну он (Пушкин) ничего не сочинил. А если бы и сочинил, то так: «Свинюшка толстая моя!» [5, с. 294].

В рассказе «Йорик» встречается вариация стихотворных строк «Незнакомки» А. Блока: «...бабушка благополучно вращалась, нося под грудью, или на талии, осколки морей, частички нежной серо-розовой пасты, и проходила анфиладами комнат, стройная и маленькая, декадентская Афродита с тяжелым узлом темно-золотых волос, шурша шелками и дыша французскими духами и модными норвежскими туманами» [5, с. 345].

В эссе «Русский человек на рандеву» часто встречается вариация известной строки из комедии «Горе от ума» (1824) А.С. Грибоедова, являющейся своего рода культурной мифологемой России: «Отечества и дым нам сладок и приятен» [5, с. 479; 5, с. 485]. Это слова Чацкого (действ. 1, явл. 7):

«Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранишь, воротись домой,
И дым отечества нам сладок и приятен».

Грибоедов же в своей пьесе процитировал строку из стихотворения «Арфа» (1798) Гаврилы Романовича Державина:

«Мила нам добра весть о нашей стороне.
Отечества и дым нам сладок и приятен».

В эссе «Русский человек на рандеву» присутствуют интервключения в форме вариаций строк А.П. Чехова и поговорок разных времен и народов: «...все повешенные ружья в свое время стреляют; все дороги ведут в Рим, все языки – в Киев...» [5, с. 494]. В финале эссе встречается несколько трансформированная строка из стихотворения «Цицерон» (1836) Федора Ивановича Тютчева: «Странно и интересно, – нет слов, – видеть нам, пишущим русским, нам, русским, «посетившим сей мир в его минуты роковые» (они для нас всегда неизбежно роковые), как складывается судьба одного из нас на очередном витке российской истории, на очередном витке судьбы российской словесности» [5, с. 495]. Подобные элементы придают повествованию публицистичность, внося коннотативную окраску.

Еще одна обнаруженная гипертекстема – вариация на известную поговорку, вынесенную в заглавие комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» в эссе «Битва креветки с рябчиком»: «Мне хочется, чтобы на всякую хитрую креветку нашелся рак с винтом» [5, с. 574]. Дабы подчеркнуть привязанность к исконно русской

потребительской традиции, Т. Толстая предлагает альтернативу шампиньонам в виде грибов «настоящих, лесных, с прилипшим к шляпке листочком и небритой, как подбородок Леонида Парфенова, ножкой» [5, с. 574].

Таким образом, нам удалось установить, что интертекстуальность малой прозы Т.Н. Толстой – стилистический прием, позволяющий через трансформацию придать художественную образность литературному произведению. Отметим, что чтение гипертекстового произведения представляет собой своеобразную постмодернистскую игру. Читатель по-своему формирует и переформирует сюжетные линии, в результате чего количество значений исходного текста постоянно растет.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
2. Грузберг Л. Парадокс // Филолог. – 2003. – №3.
3. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1999.
4. Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводоведческом аспекте (на материале произведений К.С. Льюиса). Автореферат. канд. фил. наук. С.-Пб., 2007.
5. Толстая Т.Н. Не кысь. – М.: Эксмо, 2011.
6. Фрейденберг О.М. Происхождение пародии // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология / Сост., вступ. ст., ст. к разд., коммент. О.Б. Кушлиной. – М., 1993.

References

1. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975.
2. Gruzberg L. Paradoks // Filolog. – 2003. – №3.
3. Il'in I.I. Intertekstual'nost' // Sovremennoe literaturovedenie (strany Zapadnoj Evropy i SShA): koncepcii, shkoly, terminy. Jenciklopedicheskij spravocchnik. – M., 1999.
4. Malahovskaja M.L. Intertekstual'nye svjazi v hudozhestvennom tekste v sopostavitel'no-perevodovedcheskom aspekte (na materiale proizvedenij K.S. L'juisa). Avtoreferat. kand. fil. nauk. S.-Pb., 2007.
5. Tolstaja T.N. Ne kys'. – M.: Jeksmo, 2011.
6. Frejdenberg O.M. Proishozhdenie parodii // Russkaja literatura XX veka v zerkale parodii: Antologija / Sost., vstup. st., st. k razd., komment. O.B. Kushlinoj. – M., 1993.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.071

Коптева Г.Г.

Кандидат филологических наук, Сибирский государственный университет путей сообщения

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ – ОДНО ЛИРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ (НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ И ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ)

Аннотация

В статье рассматривается поэтическая параллель – переключка двух конкретных произведений поэтов Николая Заболоцкого и Василия Федорова. Это стихотворения «Начало зимы» и «Говорят, что красоты не стало», соответственно. Возможность такого сопоставления реализуется благодаря одному из вариантов интертекстуального подхода, обоснованному А.К. Жолковским. Серьезные основания для сопоставления стихотворений возникают, прежде всего, благодаря единству центральной лирической ситуации. Конкретное «событие бытия» – зимняя прогулка и субъективное наблюдение процесса «умирания» реки вызвали у названных поэтов типологически сходные переживания, что и дает повод исследовать их стихотворения в указанном ракурсе.

Ключевые слова: интертекстуальный подход; типологически сходные явления; поэтическая параллель; мотивы лица и лика; лирический субъект; «зеркальный» финал; сближение двух произведений; переключка поэтических имен.

Kopteva G.G.

PhD in Philology, Siberian Transport University

TWO DIFFERENT POEMS – THE SAME LYRICAL EVENT (NIKOLAY ZABOLOTSKY AND VASILY FEDOROV)

Abstract

In the article the poetic parallel of the two concrete products of poets Nikolay Zabolotsky and Vasily Fedorov is considered. These are poems «The Beginning of winter» and «It is said that the beauty's disappeared», accordingly. The opportunity of such comparison is realized owing to one of the variants of the intertextual approach, proved by A.K. Zholkovsky. Reasonable bases for comparison of these poems arise, first of all, owing to the unity of the central lyrical situation. Concrete «event of life» - the winter walk and subjective supervision of process of "dying" of the river have caused typologically similar experiences in the named poets, and this fact makes it possible to investigate both poems in the specified foreshortening.

Keywords: intertextual approach; typologically similar phenomena; a poetic parallel; motives of a person and a face; the lyrical subject; the similar ending; rapprochement of the two products; muster of poetic names.

«Интертекстуальный подход, – пишет А. Жолковский, – далеко не сводясь к поискам непосредственных заимствований и аллюзий, открывает новый круг интересных возможностей. Среди них: сопоставление типологически сходных явлений (произведений, жанров, направлений) как вариаций на общие темы и структуры...» [1; 8]. В данной статье речь пойдет о сопоставлении «типологически сходных произведений» – стихотворений «Начало зимы» Н. Заболоцкого и «Говорят, что красоты не стало» В. Федорова. «Переключка» поэтических имен, заявленная в заглавии, едва ли может быть воспринята как вполне естественная. Данные поэты при жизни никогда не

пересекались, да и принадлежат они, в сущности, к разным эпохам, хотя и к одному веку. С большой осторожностью можно (если можно) говорить о том, что интонация стихотворения Заболоцкого «Начало зимы» могла быть выловлена и подхвачена Василием Федоровым, поэтому оговоримся сразу: речь в данном случае идет только о сравнении двух конкретных произведений, и поэтическая параллель как литературный факт носит здесь ситуативный характер. Тем более что даже даты их создания сопоставить не представляется возможным, поскольку В. Федоров не датировал своих стихов. Не предполагается доказательство того, что первый текст повлиял на второй, при всем их поразительном образно-семантическом сходстве. Однако внимательное прочтение указанных текстов дает повод для сближения этих произведений. Серьезные основания для их сопоставления возникают, прежде всего, благодаря единству центральной лирической ситуации. Здесь в обоих случаях и лирический сюжет, и композиция «зеркально» организованы одинаковыми структурно-смысловыми полюсами: лирический субъект – умирающая (замерзающая) в начале зимы река. Это «событие бытия» – зимняя прогулка и субъективное наблюдение процесса «умирания» реки вызвали, как оказалось, неким чудесным образом у двух достаточно разных поэтов типологически сходные переживания, что и дает исследователю повод рассмотреть их в плане сопоставления.

Живому сознанию автора художественного произведения бытие феноменологически представляется как предметы, события, поступки, действия, среди которых он существует и творит. А материалом является слово. Поэзия – искусство словесное, наглядно-образное притом, и оно вызывает в восприятии реципиента задаваемые «нарративом» (ведь специфика образа воздействует на восприятие читателя) образы-представления, чувства-эмоции, а также отвлеченные мысли и оценки. Одним из способов реализации наглядной образности является в поэтике Заболоцкого, как уже было отмечено нами [2; 82-88], мотив лица; прежде всего потому, что он выступает как один из организующих моментов «ценностной категории другого» (в терминологии М.М. Бахтина), без которого невозможно художественное событие, то есть произведение. В стихотворении «Начало зимы» мотивика лица, лика, образа, аллегорически связанная со стихией природы и ее души, заполняет все лирическое пространство и вызывает в воображении читателя совершенно определенные представления и, без сомнения, яркие эмоционально-душевные импульсы, связанные и с холодно-мортальным наступлением зимы, и с организацией торжественного ухода из жизни близкого существа. Как заметил в свое время М.М. Бахтин, эстетически творческое отношение автора художественного произведения к «герою» и его миру есть, как правило, отношение к нему как «имеющему умереть» [3; 165]: «И если знаешь ты, / Как смотрят люди в день своей кончины, / Ты взгляд реки поймешь» [4; 173]. Эти пронзительные строки стихотворения Заболоцкого позволяют остро ощутить обозначенное Бахтиным отношение. При этом автор – Н. Заболоцкий – подходит к герою не с точки зрения жизни, но с позиции «внежизненно активной»; не только «изнутри причастный» жизни, но, по определению М. Бахтина, «подобно богу-творцу любящий ее извне». В такой позиции отчетливо ощутим элемент объективации личного опыта, реализуемой через повествовательную структуру, иначе говоря, элемент эпики в осмыслении бытия, характерный для Заболоцкого. Ее основная установка, по определению Г. Вилперта, – повествование как посредничество между событием и слушателем; наблюдающее, дистанцированное и спокойно-уравновешенное изображение относящихся к прошлому событий внутреннего и (особенно) внешнего мира, описание состояний людей в эпически широкой форме или сжатом сообщении, в стихах или прозе, «с прочной обзирающей точки повествователя» [5; 242]. Повествователь в стихотворении «Начало зимы» выступает в Я-форме. Объективно же «герой» названного стихотворения – замерзающая в начале зимы река, описание которой персонафицировано-аллегорично: тело ее «страшно вытянулось и оцепенело», уже невозможно открыть «томных глаз», и, «еле двигая свинцовою волной», она «лежит и бьется головой». Таким художественно-эстетическим подходом поэт создает собственное видение мира, реальность его «смертной плоти». Имманентная логика творчества Заболоцкого такова, что он живо чувствует *другое сознание*, на которое направлена его творческая активность: «Я наблюдал, как речка умирала, / Не день, не два, но только в этот миг, / Когда она от боли застонала, / В ее сознание, кажется, проник. / В печальный час, когда исчезла сила, / Когда вокруг не стало никого, / Природа в речке нам изобразила / Скользящий мир сознания своего. // И уходящий трепет размышленья / Я, кажется, прочел в глухом ее томленьи, / И в выраженьи волн предсмертные черты / Вдруг уловил» [4; 173].

Поэт формирует содержание, используя для этого определенный его творческой индивидуальностью словесный материал и подчиняя этот материал своему художественному заданию – завершить определенное познавательно-этическое напряжение. Вольно и невольно он «хочет сделать идеи, которые возбуждает в нас, настолько живыми, чтобы мы воображали, будто получаем действительное чувственное представление об изображаемых предметах, и в то же время совершенно забывали об употребленном для этого средстве – слове» [6; 440]. Вместе с лирическим субъектом стихотворения Заболоцкого реципиент (читатель), стоя на берегу реки, наблюдает и обостренно-болезненно воспринимает и ее «уходящий трепет», и «глухое томленьи», и «предсмертные черты» в выраженьи волн. Центральное лирическое событие настолько драматично по своей сути, что невозможно было бы, кажется, его описать, находясь вне определенной, изначально заданной самому себе «обзирающей точки». Однако автор с помощью слова обрабатывает мир, будучи ему причастен, но и «внеаходим» одновременно. В подобной художественной объективности сказывается позиция повествователя, его предметно-направленная художественная активность. Поэт искусно воссоздает форму изображаемого, своеобразную красоту пейзажа: «Уже до середины / Смертельно почерневшая вода / Чешуйками подергивалась льда»; «И речка, вероятно, еле билась, / Затвердевая в каменном гробу» [4; 173]. Но кто стоял «у каменной глазницы»? Созерцающий автор-повествователь или еще один, помимо речки, *другой*? Равнозначен ли автор, повествующий нам о глубоко интимном лирическом переживании, – лирическому герою? М. Бахтин писал, что действительный творческий поступок автора всегда совершается на границах эстетической реальности. Его индивидуальность как творца «есть творческая индивидуальность особого, неэстетического порядка; это активная индивидуальность видения и оформления... Собственно индивидуальностью автор становится лишь там, где мы относим к нему оформленный и созданный им индивидуальный мир героев или где он частично объективирован как рассказчик» [3; 180]. Рассказчика мы здесь и видим: «Я вышел в поле. Острый, как металл, / Мне зимний воздух сердце спеленал, / Но я вздохнул и, разгибая спину, / Легко сбежал с пригорка на

равнину, / Сбежал и вздрогнул: речки страшный лик / Вдруг глянул на меня и в сердце мне проник» [4; 173]. Однако этот повествователь, хотя и близкий автору, – не он сам, но лирический субъект; автор же – суть лишь творческий принцип, точнее, совокупность принципов, которым необходимо следовать при чтении, согласно теории Бахтина. Стоит помнить об этом, читая Заболоцкого, поэта интенционально эпического. «Ситуация рассказывания в эпике – постоянное разрешение фундаментального для нее противоречия между полюсами: ограниченной причастностью к событию и безграничной от него отстраненностью, «драматической» позицией субъекта и позицией «эпической объективности» [2; 101]. В произведениях Заболоцкого, как правило, сохраняется положение говорящего на границе двух действительностей: реальности мира, где происходило событие, и реальности, в которой происходит общение с реципиентом. Такая позиция субъекта изображающего именно соотносима с эпической ситуацией [5; 247]. Автор здесь, как правило, является руководителем читателя в художественном мире произведения, а также объединяющим «фокусом целого». Индивидуация же его как человека есть уже вторичный (произвольный) творческий акт читающего: он видит «маску, указывающую на себя пальцем» (по выражению Р. Барта), и «забывает» подчас, что автор не есть реальное житейское лицо, но – «актерский лик писателя» (как справедливо определил В. Виноградов).

Подобного же характера «маску» читатель еще охотнее принимает за реальное житейское лицо автора стихотворения «Говорят, что красоты не стало», но здесь, кажется, она намного более близка автору, близка настолько, что лирический субъект стихотворения воспринимается, пожалуй, исключительно как лирический герой. Автор как будто «растворяется во внешней звучащей и внутренней живописно-скульптурной и ритмической форме, отсюда кажется, что его нет, что он сливается с героем или, наоборот, нет героя, а только автор» [7; 146]. «Говорят, что красоты не стало», – так начинается стихотворение Василия Федорова, поразительно сходное по умонастроению и семантической образности со стихотворением «Начало зимы» Заболоцкого. Здесь также «рассказчик» (лирический субъект) описывает свои впечатления от замерзающей реки (от ее еще «незастывшего лица»), находясь в холодное безоблачное утро «на крутом на белом берегу». Этот структурообразующий анафорический прием («на – на») усиливает с самого начала стихотворения возникающий эстетический эффект печально-фольклорной напевности. Здесь те же мотивы зимнего одиночества и замерзающего речного лика, проникающего своей пронзительностью в самое сердце лирического героя: «Среди белых кружев / Так прекрасно / Незастывшее лицо реки» [8; 154]. Не может, конечно, остаться незамеченным кажущееся различие в восприятии этого лица у разных авторов: у Заболоцкого – «страшный лик», у Федорова – прекрасное лицо «среди белых кружев». Но отличие это не принципиальное, ведь речь идет об умирающей. Лицо умершего, лежащего в гробу, разные люди воспринимают по-разному; впрочем, для Заболоцкого этот речной лик страшен, вероятнее всего, своей «уходящестью», печатью смерти, отметившей былую красоту. Эстетически творческое отношение В. Федорова к «герою» и его миру есть также отношение к нему как «имеющему умереть», но объективная разница объясняется, пожалуй, тем обстоятельством, что «автор подходит к герою» в большей степени с точки зрения жизни, нежели чем с позиции «внежизненно активной»; в большей степени как «изнутри причастный» жизни, – и потому в произведении, безусловно, превалирует лирический (не эпический) элемент:

Никого вокруг себя не вижу.
Только я,
Наполнив болью грудь,
Только я один сегодня вышел
Проводить ее в последний путь.

Только я один ее утрачу,
День запомнив этот и число,
Только я один стою и плачу... [8; 154]

Здесь та же мотивика похорон, что и у Заболоцкого. Но многократно повторенный анафорический зачин «только» вновь отсылает нас к фольклорной составляющей русской поэзии, к сказке, о чем еще ранее Федоров упоминает в своем стихотворении эксплицитно: «Все как в сказке...», и река «Между берегами снеговыми / Мертвою царевною лежит». Сказка о мертвой царевне известна практически любому россиянину с детства, так же как и ее финал. Но почему же «не повезло» лирическому субъекту стихотворения Федорова? Возможно, его отчаяние обусловлено тем, что какими бы горькими не были слезы, роняемые им на это «прекрасное лицо», сказочное воскрешение невозможно. – «И речка, вероятно, еле билась, / Затвердевая в каменном гробу». Возможно, покажется непростительной натяжкой прием автора статьи – закончить рассуждение об одном стихотворении строчкой из другого, но нам это представляется оправданным и с точки зрения логики рассматриваемого вопроса, и с точки зрения «зеркального» финала обоих стихотворений.

Нет оснований утверждать, что единство описанной лирической ситуации закрепляется в обоих стихотворениях сходством их метрического рисунка: у В. Федорова это – хорей, у Н. Заболоцкого, вероятнее всего, – осложненный ямб. Однако сходство мировосприятия и художественных приемов воссоздания лирического события в стихотворениях названных поэтов настолько ощутимо и настолько поразительно, что само явление может показаться импровизацией разных авторов на одну и ту же заданную тему. Кто знает, – быть может, Василий Федоров был хорошо знаком с творчеством Николая Заболоцкого?

Литература

1. Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука – Восточная литература, 1994. – 427 с.
2. Коптева Г.Г. Эпические интенции в творчестве Николая Заболоцкого. Дис. ... канд. филол. наук – Сибирский федеральный университет, Красноярск, 2011. 205 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
4. Заболоцкий Н.А. Собрание сочинений в 3-х т. Сост. Е.В. Заболоцкой, Н.Н. Заболоцкого, предисл. Н.Л. Степанова, примеч. Е.В. Заболоцкой, Л. Шубина. – М.: Худож. литература, 1983-1984. – Т. 1

5. Тмарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум. – М.: «Академия», 2004. – 400 с.
6. Лессинг Г.- Э. Избранное. Пер. с нем. – М.: Худ. лит., 1980. – 574 с.
7. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. С. 80-160
8. Федоров В.Д. На родине моей выпали снега... – Стихотворения и поэмы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. – 264 с.

References

1. Zholkovskij A.K. Bluzhdajushhie sny i drugie raboty. – М: Nauka – Vostochnaja literatura, 1994. – 427 s.
2. Kopteva G.G. Jepicheskie intencii v tvorcestve Nikolaja Zabolockogo. Dis. ... kand. filol. nauk – Sibirskij federal'nyj universitet, Krasnojarsk, 2011. 205 s.
3. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. – М.: Iskusstvo, 1979. – 423 s.
4. Zabolockij N.A. Sobranie sochinenij v 3-h t. Sost. E.V. Zabo-lockoj, N.N. Zabolockogo, predisl. N.L. Stepanova, primech. E.V. Zabo-lockoj, L. Shubina. – М.: Hudozh. literatura, 1983-1984. – Т. 1
5. Tamarchenko N.D. Teoreticheskaja pojetika: Hrestomatija-praktikum. – М.: «Akademija», 2004. – 400 s.
6. Lessing G.- Je. Izbrannoe. Per. s nem. – М.: Hud. lit., 1980. – 574 s.
7. Bahtin M.M. K filosofii postupka // Filosofija i sociologija nauki i tehniki. – М., 1986. S. 80-160
8. Fedorov V.D. Na rodine moej povypali snega... – Stihotvorenija i pojemy. – Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 264 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.042

Мухитдинова Н.М.

Преподаватель, Самаркандский государственный университет имени Алишера Навая
ТРАДИЦИИ БОБОРАХИМА МАШРАБА В ТВОРЧЕСТВЕ ХОДЖАНАЗАРА ХУВАЙДО

Аннотация

Данная статья посвящена изучению отражения традиций Боборахима Машраба в лирике видного представителя литературной среды Коканда XVIII века Ходжаназара Хувайдо. В работе анализируются близость традиции, идей, изображения, стиля и поэтического образа в стихах Хувайдо и Машраба. Освещаются вопросы суфизма и художественного мастерства в лирике поэтов, тематика их произведений раскрывается на примере ряда стихотворений. Также, создаётся художественный образ совершенной личности.

Ключевые слова: традиция, идейность, образ, стиль, тема, суфизм, художественное мастерство.

Mukhitdinova N.M.

Teacher, Samarkand State University named after Alisher Navai

TRADITIONS OF BOBORAKHIM MASHRAB IN CREATIVE ACTIVITY OF KHOZHANAZAR KHUVAYDO

Abstract

Given article is dedicated to study the reflection of Boborakhim Mashrab's traditions on poetry of visible representative literary ambience of Kokand in XVIII century Khodzhanazar Huvaydo. In work is analysed the closeness of traditions, ideas, scenes, styles and poetical images in verse of Khuvaydo and Mashrab. They are illuminated questions sufizm and artistic skill in lyric poets, themes of their product opens on example of the row of the poems. Also, creature the artistic image made to personalities.

Keywords: tradition, ideology, image, style, subject, sufism, an artistic skill.

Литературная преемственность, творческое вдохновение, приобщение к высокому таланту и следованию за ним являются своеобразным культурным, литературным явлением высокого уровня, присущим восточной классической литературе. В любой области искусства, сформированной в этой культурно-литературной среде, можно рассмотреть попытку изучения развития и “обновления” его идеи и художественного мастерства.

Ходжаназар Хувайдо считал своими идейными и духовными наставниками таких крупных мастеров и поэтов-классиков, как Ходжа Ахмад Яссави и Боборахим Машраб. Тематика, художественные образы, изящность стиля в творчестве этих поэтов послужили для Хувайдо источником вдохновения. В свою очередь, эта обновленная поэзия сформировала ряд искусных мастеров словесности, поэтов с оригинальным творчеством.

Особенное влияние на творчество Хувайдо оказала лирика Машраба. Известно, что “... Любовная лирика Машраба завораживает читателя своим жизненным содержанием и экспрессией, необычайной изысканностью и игривостью, простотой и искренностью, как народные песни. Он создал в поэзии машрабовский стиль, который отличается своей притягательной красотой, звучной рифмовкой, динамичным слогом, умелым использованием народного живого языка”. [1. с. 53]

В поэзии Хувайдо восславляется непоколебимость в плане верности, чистой любви, духовной чистоты. Он порицает гнусность и лицемерие, выражает народнические идеи, связанные с человеческой мечтой.

По убеждению Хувайдо, чистой (небесной) любви можно достичь с чувством покорности и победой над своим “я”. Если в человеке останется хоть капля гордыни, надменности, он не вступит на путь истину, даже проведя в молитвах сотни лет:

Бўлса гар тан мулкида жажлу такаббур заррае,
 Айласанг сад сол тоат кўрмагайсен рўйи хол. [5. с. 79]

Перевод:

Если в теле будут гнев и гордыня размером хоть в песчинку,
 Молись хоть сто лет, не увидишь лица истины.

Для того, чтобы обрести художественное мастерство и стать великим поэтом, молодой литератор должен пройти школу знаменитых корифеев. И эта литературная традиция встречается не только в узбекской литературе, но и в истории литературы различных народов. Следовательно, начинающий поэт, сочиняя татаббуь (следования традициям) и назире (подражание, сравнение) к произведениям известных поэтов, не пытается вступать с ним в состязание, а лишь стремится более глубоко изучить его творчество и проявить своё уважение.

Влияние творческого наследия Машраба на формирование идейной и философской составляющих лирики Хувайдо достаточно подробно освещено в узбекском литературоведении. «Один из секретов изящности и знаменитости, стихов Хувайдо состоит в том, что стилистика, эстетика и язык его произведений напоминают народность поэзии Машраба, - утверждается в академических изданиях. – За свою простоту и гладкость стихи Хувайдо стали песни» [3. с. 245].

Красивый облик возлюбленной, её стан, верность влюбленного воспеты с необычайной эстетикой. Некоторые газели свидетельствуют о том, что творчество двух поэтов гармонируют в плане художественного мастерства. Для подтверждения нашей мысли рассмотрим следующие газели.

Машраб:

Эй нигоро, ман санинг ёринг бўлай,
Бандаи ул кадди рафторинг бўлай.
Шамъи хуснунг айланиб парвонавор,
Ман фидойи шамъи рухсоринг бўлай...
Туну-кун ишкингда саргардон бўлуб,
Булбули сармасти гулзоринг бўлай. [2. с. 56]

Перевод:

О возлюбленная, позволь стать твоим другом,
Стать рабом твоего гибкого стана.
Мотыльком вокруг свечи твоей красы,
Я принесу себя в жертву во имя облика твоего...
Днём и ночью скитаясь по любви,
Стану соловьём, пьяным от твоего цветника.

Хувайдо:

Ногаҳон гулзор аро ёрим манинг,
Сайр айлаб кирса дилдорим манинг.
Десалар ёринг юзи монанди гул,
Ушбу сўздин келгуси орим манинг...
Эмди ул маҳ ишки бирла бўлди дер,
Бул Хувайдо йиғламоқ корим манинг. [5. с. 20]

Перевод:

Неожиданно в цветник красавица моя,
Прогуливаясь, войдет возлюбленная моя.
Если скажут лик твоей возлюбленной похож на цветок,
От этих слов меня прожигает ревность...
От любви к этой луноликой
Хувайдо льёт слёзы, эта работа моя.

Машрабовское влияние в лирике Хувайдо проявляется также в том, что поэзия обоих поэтов пронизана дидактикой, нравоучением. Хувайдо, воодушевлённый творчеством своего творческого наставника, расширяет его дидактические идеи.

Вопросы дидактики поднимаются в цикле газелей Машраба с редирами (слова, повторяющиеся вслед за рифмой) «ўзгинам» («я сам»), «манам» («и я»), «Машрабман» («я Машраб»):

Ишқ ўтига ўртаниб девона бўлган ўзгинам,
Куя-куя кул бўлиб бирёна бўлган ўзгинам. [2. с. 124].

Перевод:

Горя в огне любви, стал юродивым я сам,
Горя, горя, став пеплом, лишился себя я сам.

Самоуничижение достигает своего апогея в газелях поэта с редифом «ўзум» (сам). Таких газелей в диване несколько и первые строки всех этих газелей создают представление об их содержании. Они являются образцами глубокой суфийской лирики, тема любви раскрывается красноречием лирического героя. Газели начинаются следующими строками:

- Базми шамъингдан замона ичра бир гирён ўзум; [2. с. 119]
- Гулшани боғи даҳр аро булбули нағмагар ўзум; [2. с. 120]
- Ҳажри фирокинг ўтида ошики бекарор ўзум; [2. с. 121]
- Дунёни пушту по уруб Адҳами бенаво ўзум; [2. с. 122]
- Англа бу сўзни, эй санам, ошики муддао ўзум; [2. с. 123]

Перевод:

- В пиршестве твоём плачу лишь один я сам;
 - Среди сада цветов игривый соловей я сам;
 - В муках разлуки с тобой несчастный возлюбленный я сам;
 - Ударив мир по спине и ногам восхваляющий нищий я сам;
 - Услышь мои слова, о красавица, твой влюблённый я сам.

В этой тематике Хувайдо подражает знаменитому поэту. В его газели с редифом «ўзум» (сам) самоуничижение усиливается ещё больше, простой народный язык проявляется ярче:

Туну кун айлабон гунох, килмағон ҳеч савоб ўзум,
 Парвариш айлабон бадан, қилғучи хўрду хоб ўзум...
 Элни кўзича зухд этиб, еб-ичибон канорада,
 Зарра ҳарому шубҳадин қилмағон ижтиноб ўзум...
 Бўлсанг Хувайдо одаме, фаҳму фаросатинг қани,
 Яхши-ёмонни билмағон таънаи пиру шоб ўзум. [5. с. 43]

Перевод:

Днём и ночью совершая грех, ни одного блага не сделал я сам,
 Раствив свое тело, лишь пью и сплю я сам...
 На глазах у народа молился, ел-пил на стороне,
 Ни на йоту не отстранился от запрещённого и сомнительного я сам.
 Если ты человек, Хувайдо, где твое разумение,
 Не знающий добра и зла претенциозный старик и молодой я сам.

Вдохновение Хувайдо от творчества Машраба, продолжение его традиций можно увидеть ещё в одной газели «тазмин» (внесение фрагмента другого произведения). Это газель Машраба, которая начинается словами «Арзимни айтай боди сабоға» («Поведаю свою жалобу красавице»), впоследствии многие узбекские поэты написали назире к этому произведению. На газель Машраба, состоящей из семнадцати бейтов (двустихий), Хувайдо написал тазмин из десяти бейтов. При сохранении содержания произведения, его суфийской идеи, характера художественных образов Хувайдо вносит новые чувства и по иному интерпретирует жалобу на разлуку с любимой и страдания. Рассмотрим не близкие, взаимодополняющие друг друга бейты газелей, а тазмин бейты (рефренты). В данном сравнении выступают два календера – бесшабашный аскет Машраб и сдержанный отшельник Хувайдо.

Машраб:

Арзимни айтай боди сабоға,
 Биздин дуо деб ул дилрабоға. [2. с. 41]

Перевод:

Поведаю свою жалобу утреннему ветру,
 Сказав, что это молитва от нас к возлюбленной.

Хувайдо:

Арзимни айдим боди сабоға,
 Еткурса холим ул дилрабоға. [5. с. 7]

Перевод:

Поведаю свою жалобу красавице,
 Чтоб донесла моё душевное состояние возлюбленной.

Машраб:

Учти кўзумдин ул пари янғлиғ,
 Ташлади кетти турли балоға. [2. с. 41]

Перевод:

Улетела из глаз моих словно пери,
 Ушла, бросила на множество бед.

Хувайдо:

Ёрсиз кишининг парвоси йўқдур,
 Суйдим санамни қолдим балоға. [5. с. 7]

Перевод:

У человека без возлюбленной, нет внимания,
 Полубил красавицу, остался в беде.

Также образы дервишей Машраба и Хувайдо проявляются в бейтах:

- Дилхаста Машраб қилмасму фарёд,
 Кўзлари жаллод олса ароға; [2. с. 41]

Перевод:

- Несчастный Машраб не поднимет ли плач,
 Если его глаза возьмёт палач.
 - Мискин Хувайдо сабру таҳаммул,
 Айлаб хамиша йиғлар худоға. [4.с. 41]

Перевод:

Плача всегда, богу.
 Нищий Хувайдо терпеливо молится,

Таким образом, Ходжаназар Хувайдо следуя традициям пламенной поэзии Машраба, открыл для себя широкий и своеобразный философско-художественный мир. Он продолжил и расширил идейные воззрения и тематику своего наставника с большой ответственностью и любовью. В результате этого плодотворного влияния Хувайдо поднял свое поэтическое мастерство и народность своей лирики на высокий уровень. Прогрессивные идеи и эстетическое наследие Хувайдо стали источником вдохновения для многих последующих поэтов.

Литература

- Машраб, Бабарахим. Сияние сердечной зари. – Ташкент: Творческое издание имени Гафура Гуляма. 2004. – 53 с.
Машраб. Диван. Ташкент: Творческое издание имени Гафура Гуляма “Литература и творчество”. 1980. – 360 с.
История узбекской литературы. V томник, 3-том. Ташкент: Издательство «Наука». 1978. – 245 с.
Хувайда. Страдание души. Ташкент: “Meriyus”, 2009. – 52 с.
Хувайда. Избранное. Ташкент: «Художественный литература», 1961 . – 100 с.

References

1. Mashrab, Babarakhim. The Glow warmhearted shine. - Tashkent: Creative publishing of the name Gafur Gulyam. 2004. - 53 p.
2. Mashrab. Divan. Tashkent: Creative publishing of the name Gafur Gulyam "Literature and creative activity". 1980. - 360 p.
3. The History of the uzbek literature. V tome, 3-volume. Tashkent: the Publishers "Science". 1978. - 245 p.
4. Khuvayda. The heartache. Tashkent: "Meriyus", 2009. - 52 p.
5. Khuvayda. Elected. Tashkent: "Creative literature", 1961 . - 100 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.154

Носова Е.П.

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ДЕТСКИМ ЧТЕНИЕМ,
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация

Статья посвящена проблеме восприятия универсальных прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением при столкновении национальных языковых картин мира в процессе межкультурной коммуникации. В статье выявляется роль детского чтения в формировании универсальных феноменов. На примере переводов романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» на английский и испанский языки, романов Г. Мелвилла «Моби Дик» и Р. Дж. Паласио «Чудо» на русский язык рассматривается проблема перевода национально-прецедентных и универсальных прецедентных феноменов.

Ключевые слова: детское чтение, национальное лингвокультурное сообщество, национально-прецедентные феномены, универсальные прецедентные феномены.

Nosova E.P.

Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University
**UNIVERSAL PRECEDENT PHENOMENA MOTIVATED BY CHILDSHOOD READING
IN INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Abstract

The article dedicated to the perception of universal precedent phenomena in the process of intercultural communication. It discovered the role of childhood reading in the process of formation universal precedent phenomena. Being based on the English and Spanish translation of the B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago", Russian translations of H. Melville's novel "Moby Dick" and R.J. Palacio's novel "Wonder" it shows the problem of translation national and universal precedent phenomena.

Keywords: childhood reading, intercultural communication, national linguo-cultural community, national precedent phenomena, universal precedent phenomena.

Текст – есть точка встречи языковых личностей, встречи языковых способностей [Караулов 2015: 15]. В межкультурной коммуникации происходит столкновение языковых картин мира, представлений и ценностей, характерных для тех лингвокультурных сообществ, к которым принадлежат коммуниканты. Языковыми проекциями таких представлений и ценностей выступают в том числе прецедентные феномены.

Среди прецедентных феноменов традиционно выделяются социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсальные прецедентные феномены [Красных 2002: 50-51]. К универсально-прецедентным относятся «ценностные феномены, известные широкому кругу людей разных культур и воспроизводимые неоднократно в устных и письменных текстах» [Кулакова 2010: 106]. Целесообразно разграничивать термины универсально-прецедентные и транснациональные прецедентные феномены. Под последними понимаются «феномены, известные представителям разных национальных культур. Иными словами, когда представители разных национальных культур обладают знаниями о других лингвокультурах, то такие феномены несут в себе общий для нескольких лингвокультурных общностей инвариант восприятия» [Латышева 2010: 115]. Таким образом, транснациональные прецедентные феномены, созданные в рамках одной культуры, понятны носителю другого языка и культуры, могут использоваться им, однако в его сознании они неразрывно связаны с иностранной культурой. К примеру, прецедентное имя *Дядя Том* понятен представителю русской лингвокультуры, однако осознается им как «чужой», принадлежащий другой культуре. Универсальные прецедентные феномены обычно не связываются в сознании человека с определенной лингвокультурой. Так, мы не осознаем, что *Золушка*, является персонажем сказки, созданной

французским писателем, принадлежит французской лингвокультуре, также как *гадкий утенок* не связывается с датской культурой. Универсальные прецедентные феномены «известны среднему представителю homo sapiens и входят в универсальное когнитивное пространство» [Красных 2002 : 51].

Среди основных источников универсальных прецедентных феноменов выделяются: 1) Библия и другие христианские религиозные тексты; 2) античная мифология и литература; 3) классическая европейская художественная литература, в том числе произведения, входящие в круг детского чтения. Сказки, рассказы и стихи, созданные для детей, безусловно, несут отпечаток той национальной культуры, на языке которой они были написаны, но в то же время они передают ребенку общечеловеческие ценности и становятся достоянием разных культур. Многие фольклорные сказочные сюжеты имеют национальные варианты.

Ребенок на этапе формирования тезауруса, воспринимает многие тесты детской литературы, являющейся частью мировой литературы. К произведениям детского чтения, послужившим базой для универсальных прецедентных феноменов, относятся классические сказки Ш. Перро, Г.-Х. Андерсена, братьев Гримм, В. Гауфа, некоторые арабские сказки, произведения Марка Твена, Льюиса Кэрролла, Астрид Линдгрен, Памелы Трэверс и др.

При изучении прецедентных феноменов в межкультурной коммуникации актуальной является проблема перевода: любой прецедентный феномен существует в рамках определенной культуры, однако его интерпретация должна осуществляться с учётом параметров воспринимающей культурной среды [Латышева 2010: 111]. Сравним несколько переводов фразы из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: ... и в одно время в Москве можно было крикнуть извозчику «к Живаго!», совершенно как «к черту на кулички!», и он уносил вас на санках в тридцатое царство, в тридешатое государство [Пастернак 2015: 8]. Прецедентный феномен *тридешатое царство, тридешатое государство* в русской культуре имеет значение «очень далеко». В интерпретируемом тексте появляется также значение сказочности, загадочности и богатства, характеризующее дом Живаго. В разных переводах романа этот прецедентный феномен передается по-разному. В переводе на испанский язык данному феномену дается перевод «*lugar de ensueno*» (край/страна мечты) [Pasternak 2015: 16], что лишь приблизительно передает значение данного выражения. В переводе на английский язык, сделанном Р. Пивером и Л. Волоконской, дается эквивалент «*fairy-tail kingdom*» [Pasternak 2015: 5], который сохраняет значение сказочности, однако теряет значение «очень далеко». В другом варианте перевода на английский, выполненном М. Хейвордом и М. Харари, прецедентные феномен переведен как «*an enchanted kingdom at the end of the world*» [Pasternak 2015: 15], что переводится как «зачарованное место на краю земли/в конце мира» и более соответствует значению прецедентного феномена *тридешатое царство, тридешатое государство*.

Универсальные прецедентные феномены обычно не представляют трудности для перевода, поскольку инвариант восприятия, который стоит за ними, имеет соответствующее языковое воплощение в любой культуре. Например, в оригинальном издании романа Г. Мелвилла «Моби Дик» для описания быта матроса на китобойном судне используется прецедентный феномен *лампа Аладдина*: *...the wheelman, as he seeks the food of light, so he lives in light. He makes his berth an Aladdin's lamp, and lays him down in it* [Melville 2006: 466] На русский язык эта фраза переведена так: *...китобой, гоняясь за пищей для света, сам живет, купаясь в свете. Койка его – это лампа Аладдина, и в нее он укладывается спать* [Мелвилл 1962: 608]. Прецедентный феномен из арабских сказок «Тысячи и одной ночи» дословно переводится с английского языка на русский, сохраняя при переводе значение, актуальное для данного текста: что-то наполненное ярким, возможно, сказочным светом.

В романе Р. Дж. Паласио «Чудо» в диалоге героев используется прецедентный феномен *Beauty and the Beast*, который также дословно переводится на русский язык как *Красавица и Чудовище*: *"She seems very nice." "Yeah, she is." "She's very pretty," Mom said. "Yeah, I know," I answered. "We're kind of like Beauty and the Beast."* [Palacio 2012]; в русском переводе: – Кажется, она очень милая, – сказала мама. – Да. – И очень хорошенькая. – Да, знаю. Мы как *Красавица и Чудовище*. [Паласио 2013: 77]. Прецедентные феномены в романе на языке оригинала и в переводе на русский языка отсылают к сказке Ш. Перро «Красавица и чудовище» и характеризуют персонажей, один из которых герой уродлив, а другая – внешне прекрасна. Этот прецедентный феномен в книге «Чудо» служит для внутренней характеристики персонажей: Джун – добрая и отзывчивая девочка, Август – мужественный мальчик, на которого «наложила проклятие» генетическая болезнь.

Прецедентные ситуации относятся к невербальным, но вербализируемым прецедентным феноменам, поскольку хранятся в сознании носителя в виде инварианта восприятия, который может быть вербализирован в речи (подробнее об этом см. [Захаренко, Красных, Багаева, Гудков 1997: 85]. В упомянутом выше тексте Р. Дж. Паласио для вербализации прецедентной ситуации превращения гадкого утенка в лебедя, мотивированной сказкой «Гадкий утенок» Г.-Х. Андерсена, в русском переводе используется фраза *история про утенка, который превращается в лебедя*:

Я хотел спросить тебя с тех самых пор, как повесил этот рисунок на стену... – продолжал он. – Почему ты нарисовал себя в виде утки?

– Как почему? – не понял я. – Такое было задание.

– Да, но почему именно утка? Это как-то связано... э-э... с историей про утенка, который превращается в лебедя? [Паласио 2013: 387-388]

В оригинале романа символом прецедентной ситуации является фраза *story of the the duckling that turns into a swan*:

I've been meaning to ask you since I hung this up . . . ," he said, looking at it. *"Why did you choose to represent yourself as a duck?"*

"What do you mean?" I answered. "That was the assignment."

"Yes, but why a duck?" he said. "Is it safe to assume that it was because of the story of the . . . um, the duckling that turns into a swan?" [Palacio 2012]

Таким образом, и в английском тексте, и в русском переводе для актуализации значения прецедентной ситуации используются полностью соотносимые фразы.

В рассмотренных примерах используются универсальные прецедентные феномены, инварианты восприятия которых в разных культурах совпадают. Однако существуют универсальные прецедентные феномены, восприятие которых у представителей различных народов может отличаться. Так, в работе К.В. Завьяловой описан лингвистический эксперимент, который показал, что «интерпретация сказочного сюжета (сказки Ш. Перро «Золушка». – Е.Н.) в лингвокультурных сообществах различается, в связи с чем в сознании коммуникантов – представителей разных культурных сообществ, существуют различные образы и представления о сказочном сюжете» [Завьялова 2007: 19]: у русских респондентов основная идея сказки связана с ожиданием принца и чудесным обретением счастья; у американцев и венгров – чудесные метаморфозы являются наградой хорошим людям; у испанцев и венгров подчеркнуты тяжелая жизнь героини, классовые различия Золушки и принца. Можно говорить о том, что инвариант восприятия прецедентного текста «Золушка» у представителей русского, венгерского, испанского и американского лингвокультурных сообществ пересекается, но не совпадает полностью, соответственно значения символов прецедентного текста – прецедентных феноменов *Золушка*, *Добрая Фея (Фея-Крестная)*, *Злая Мачеха*, *хрустальный башмачок (хрустальная туфелька)*, *каjeta, превращающаяся в тыкву* и др. имеют различия, обусловленные национально детерминированным инвариантом восприятия.

Таким образом, детское чтение выступает в качестве одного из основных источников универсальных прецедентных феноменов, входящих в универсальную когнитивную базу. Значение прецедентных феноменов, мотивированных всемирно известными произведениями для детей, понятны коммуникантам вне зависимости от их принадлежности к определенному лингвокультурному сообществу и имеют соответствия в разных языках, не создавая трудностей при переводе.

Литература

1. Кулакова О.К. Дракон как универсальный прецедентный феномен в авторской картине мира // Вестник Иркутского гос. ун-та. 2010. Вып. 4 (12). С. 105-110
2. Латышева В.Л. Национальные прецедентные феномены как элементы ассоциативного тезауруса русского и французского языков // Вестник Иркутского гос. ун-та. 2010. Вып. 4 (12). С. 110-118
3. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание коммуникация: сб. статей. М.: «Филология». 1997. Вып.1. С. 82–103.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М. Гнозис. 2002. 284 с.
6. Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый кит / пер. с англ. И.М. Берштейн. М.: гос. изд-во географической литературы, 1962. 839 с.
7. Паласио Р. Дж. Чудо/Р. Дж. Паласио; пер. с английского Анны Красниковой. М.: Розовый жираф, 2013. – 432 с.
8. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: Издательство «Э», 2015. 704 с.
9. Melville H. Moby Dick or the Whale. М.: АСТ Астель, 2006. 630 с.
10. Palacio R. J. Wonder. – 2012 <http://goo.gl/OcLy2w>
11. Pasternak B. El doctor Zhivago / traucion de Fernando Gutierrez. Catedra, 2015.
12. Pasternak B. Doctor Zhivago / translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London: VINTAGE BOOKS, 2015
13. Pasternak B. Doctor Zhivago / translated by Max Hayward and Manya Harari. – London: VINTAGE BOOKS, 2015.

Referenses

1. Kulakova O.K. Drakon kak universal'nyj precedentnyj fenomen v avtorskoj kartine mira // Vestnik Irkutskogo gos. un-ta. 2010. Vyp. 4 (12). S. 105-110
2. Latysheva V.L. Nacional'nye precedentnye fenomeny kak jelementy associativnogo tezaurlusa russkogo i francuzskogo jazykov // Vestnik Irkutskogo gos. un-ta. 2010. Vyp. 4 (12). S. 110-118
3. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvolj precedentnyh fenomenov // Jazyk, soznanie kommunikacija: sb. statej. M.: «Filologija». 1997. Vyp.1. S. 82–103.
4. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd. 6-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 264 s.
5. Krasnyh V.V. Jelnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij. M. Gnozis. 2002. 284 s.
6. Melvill G. Moby Dick, ili Belyj kit / per. s angl. I.M. Bershtejn. M.: gos. izd-vo geograficheskoj literatury, 1962. 839 s.
7. Palasio R. Dzh. Chudo/R. Dzh. Palasio; per. s anglijskogo Anny Krasnikovoj. M.: Rozovyj zhiraf, 2013. – 432 s.
8. Pasternak B. L. Doktor Zhivago. – M.: Izdatel'stvo «Je», 2015. 704 s.
9. Melville H. Moby Dick or the Whale. M.: AST Astel', 2006. 630 s.
10. Palacio R. J. Wonder. – 2012 <http://goo.gl/OcLy2w>
11. Pasternak V. El doctor Zhivago / traucion de Fernando Gutierrez. Catedra, 2015.
12. Pasternak B. Doctor Zhivago / translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London: VINTAGE BOOKS, 2015
13. Pasternak B. Doctor Zhivago / translated by Max Hayward and Manya Harari. – London: VINTAGE BOOKS, 2015.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.110

Оганесова И.С.

ORCID: 0000-0001-5376-6251, кандидат филологических наук,

Кубанский государственный университет, филиал в г. Армавире

СОВОКУПНОСТЬ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ОПИСАНИИ ЭКСПЛИЦИТНЫХ МАКРОПРОПОЗИЦИЙ

Аннотация

В ходе анализа лингвистического материала был определен ряд когнитивно-семантических операций, на основе которых были выведены эксплицитные макропропозиции. При работе с эксплицитными макроструктурами мы получаем возможность оперировать не гипотетическими когнитивно-семантическими единицами, но единицами эксплицитными, облеченными в синтаксические структуры. В этом отношении обращают на себя внимание художественные тексты, в которых каждая из глав, помимо названия или номера, предваряется последовательностью высказываний, отображающих тематический репертуар главы и являющихся не чем иным, как проспективными эксплицитными макропропозициями основного текста, поскольку каждое из таких высказываний является результатом семантических операций основного текста. Материалом нашего исследования послужил художественный текст английского писателя Джерома К. Джерома «*Three Men in a Boat: To Say Nothing of the Dog!*» («Трое в лодке, не считая собаки»).

Ключевые слова: дискурс, макропропозиции, констатация объекта, квалификация объекта, квалификация состояния, констатация действия, квалификация действия, констатация события, квалификация события, комбинированные семантические операции.

Oganesova I.S.

ORCID: 0000-0001-5376-6251, PhD in Philology,

Kuban State University, branch in Armavir

THE COMPLEX OF COGNITIVE-SEMANTIC OPERATIONS IN THE DESCRIPTION OF EXPLICIT MAKROPROPOSITIONS

Abstract

The analysis of linguistic material identified the number of cognitive-semantic operations and realized them in explicit makropropositions. Working with explicit makropropositions we get opportunity to describe them not only theoretically, but also realize them in syntactic structures. In this way attention is drawn to the literary texts, in which each of the chapter, in spite of the titles or numbers, preceded by a sequence of statements, which reflect the thematic repertoire of the chapter and is not more, than a prospective explicit makropropositions of the main text, because each of these statements are the results of the semantic operations of the main text. The basic material of our research is the story «*Three men in a boat: to say nothing of the dog*» by English writer Jerome K. Jerome.

Keywords: discourse, makropropositions, statement of the object, qualification of the object, qualification of the status, statement of the action, qualification of the action, statement of the event, qualification of the event, combined semantic operations.

The given article deals with the number of cognitive-semantic operations such as: statement of the object, qualification of the object, qualification of the status, statement of the action, qualification of the actions, statement of the events, qualification of the events, combined semantic operations [1, 42-43]. Describe them into details: the statement of the object is the semantic operation, where the name of the object is predicated in the appropriate segment of the text; qualification of the object is the semantic operation, where the object is predicated particular feature; qualification of the status is the semantic operation, where the state of the object is predicated with specific characteristics; statement of the action is the semantic operation, where the action is predicated its implementation; qualification of the action is the semantic operation, where the action is predicated with certain characteristics; statement of the event is the semantic operation, where the event is predicated its implementation; qualification of the event is the semantic operation, where the event is predicated with its certain characteristics; combined semantic operations are combinations of two different semantic operations, which are creating one makroproposition.

Describe the macrostructure of the first chapter of the novel «*Three Men in a Boat: To Say Nothing of the Dog*» by Jerome K. Jerome:

(1) *Three invalids*. – (2) *Sufferings of George and Harris*. – (3) *A victim to one hundred and seven fatal maladies*. – (4) *Useful prescriptions*. – (5) *Cure for liver complaint in children*. – (6) *We agree that we are overworked, and need rest*. – (7) *A week on the rolling deep?* – (8) *George suggests the river*. – (9) *Montmorency lodges an objection*. – (10) *Original motion carried by majority of three to one*.

Макропропозиция (1) *Three invalids*, means the state of group of persons, and describes the conversation of three friends. Nomination *invalids* does not appear in the text, so it should be qualified as the result of semantic processing of text by the author with the explication of this operation as makroproposition. The essence of this operation can be defined with the qualification of the object (objects), which is based on building of macrorules [1, 42-43].

Макропропозиция (2) *Sufferings of George and Harris* is derived from the segment, consisting of one of complex sentence (four lines), and means the state of group of persons. Nomination *sufferings* does not appear in the text, so it can be also qualified as the result of semantic processing of text by the author with the explication of this operation as makroproposition. So makroproposition (1) *Three invalids* describes the relation of these persons and makroproposition (2) *Sufferings of George and Harris* the sign *sufferings* describes the condition of these persons, so in this case, the essence of makropropositions can be defined as the qualification of the state (object) [1, 42-44].

Harris said he felt such extraordinary fits of giddiness come over him at times, that he hardly knew what he was doing - Sufferings of Harris.

George said that HE had fits of giddiness too, and hardly knew what HE was doing - Sufferings of George.

It should be also noted, that the author displays makroproposition (2) *Sufferings of George and Harris* and qualifies the state of these characters not as the narrative of their illnesses, but as the basis of the characters' stories about their illnesses.

Makroproposition (3) *A victim to one hundred and seven fatal maladies* is derived from extended segment (two pages), where the narrator tells the story about one of the character had read the medical book and found practically all signs of his diseases, and it means the state of this person. Nomination *victim* does not appear in the text, so it should be qualified as the result of semantic processing of text by the author. In this case, the semantic essence of this operation can be qualified as the qualification of the object.

Makroproposition (4) *Useful prescriptions* is derived from the segment of length one page, where the narrator tells the story of how, following the prescriptions of his doctor, he got of imaginary diseases, and means the quality of the action (actions). Noun *prescription* has the meaning of prescription (instructions) and prescription (recipe) uses twice in the text; to indicate the doctor's actions, uses the noun *directions*. However, in the explicit makroproposition the noun *prescription* uses in the plural form, which gives the reason to translate it as a prescription (although the Russian translation of makroproposition *Useful prescriptions* is a saving recipe).

Makroproposition (5) *Cure for liver complaint in children* is derived from the segment (half a page), where the narrator tells the story, how the cuff could successfully treat this man from imaginary liver disease, it expresses the quality of actions, because in this case, the nomination *Cure for liver complaint in children* uses as the qualification of successful actions of adults (cuffs). Nomination *Cure for liver complaint in children* does not present in the text, so it should be seen as the result of semantic processing of text by the author. In this case, the essence of semantic operations can be also defined as the qualification of the action (actions), which is based on the construction of macrorules.

Makroproposition (6) *We agree that we are overworked, and need rest* is derived from the segment of the length of one page in which the narrator tells the story of how the main characters, had supper, came to the conclusion, that they need in relaxation, it means the actions of characters, in this case - verbal. Makroproposition *We agree that we are overworked, and need rest* in this form absents in the appropriate segment of the text, and displays as the result of the operation, which can be defined as the statement of the events, which is based on the construction of macrorules.

As for makropropositions (8) *George suggests the river*, (9) *Montmorency lodges an objection*, (10) *Original motion carried by majority of three to one* - are the operations, which we defines as the statement of the events.

Makroproposition (7) *A week on the rolling deep?* Has the form of an elliptic interrogative sentence and is derived from the segment (two pages), in which Harris offers a journey by sea, as the narrator leads its sharply negative associations with the boat trips. Obviously, the proposition (7) describes a hypothetical situation, so the semantic makroproposition can be defined as the statement of a hypothetical event.

Also describe the macrostructure of the fourteenth chapter of the novel «Three Men in a Boat: To Say Nothing of the Dog» by Jerome K. Jerome:

(1) *Wargrave*. - (2) *Waxworks*. - (3) *Sonning*. - (4) *Our stew*. - (5) *Montmorency is sarcastic*. - (6) *Fight between Montmorency and the tea-kettle*. - (7) *George's banjo studies*. - (8) *Meet with discouragement*. - (9) *Difficulties in the way of the musical amateur*. - (10) *Learning to play the bagpipes*. - (11) *Harris feels sad after supper*. - (12) *George and I go for a walk*. - (13) *Return hungry and wet*. - (14) *There is a strangeness about Harris*. - (15) *Harris and the swans, a remarkable story*. - (16) *Harris has a troubled night*.

First, pay attention to the makropropositions (1) *Wargrave*, (2) *Waxworks*, (3) *Sonning*, (4) *Our stew* - in which the object are predicated its existence without any qualifications, so the semantic operations can be defined as the statement of the object; these operations are based on the semantic makrorule.

Further identifies the following semantic operations, underlying the derivation of makropropositions of the chapter:

qualification of the object: (5) *Montmorency is sarcastic*, (14) *There is a strangeness about Harris*; describes the existence of some oddities, but actually performs the predication of trait object – *Harris*;

qualification of the status: (11) *Harris feels sad after supper*, (16) *Harris has a troubled night*; makroproposition (16) actually describes the state of the object - *Harris after a restless night*;

statement of the event: (6) *Fight between Montmorency and the tea-kettle*, (8) *(George) Meet with discouragement*;

statement of the action: (7) *George's banjo studies*, (10) *Learning to play the bagpipes*, (12) *George and I go for a walk*. Makropropositions (7) and (10) describe the actions, as appear in the unfinished form and therefore have not become the events; makropropositions describe the onset of action, which in conjunction with other actions will become an event (walk);

qualification of the event: (9) *Difficulties in the way of the musical amateur*. In this case, the sequence of events occurred on *the way an amateur musician* and is characterized with series of difficulties;

combined semantic operations: (13) *Return hungry and wet*, in this case we see the combinations of statement action and qualification of the object within a single proposition; (15) *Harris and the swans, a remarkable story*, in this case –the combination of two makropropositions, one of which is derived as the result of statement of the object, the other one, as the result of the qualification of the object.

To sum our comparison up, the realization of explicit makroproposition depends on a certain set of semantic operations and the differences between the analyzing macrostructure depends on not only individual, cognitive and ideostilistic features of the author, but also on genre-stylistic differences of the plot.

References

1. Dejk T.A. van, V. Kinch. Makrostrategii // Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. – M.: Progress, 1989. – p. 41-67.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.229

Ревякина Н.П.

ORCID: 0000-0001-5158-6118, старший преподаватель кафедры иностранных языков,

Ростовский филиал Российской таможенной академии

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается текст эпитафии как сложное коммуникативное явление с точки зрения реализации в нем основных прагматических функций. Анализ семиотических компонентов эпитафии - одна из целей статьи. Семантические, синтаксические, прагмалингвистические аспекты надгробной надписи важны для ее понимания. Индексальность, иконизм, эмблематизм и символизм ярко проявляются в надгробной надписи. В статье также приводится анализ эпитафий с позиции иллюкутивной силы речевого акта.

Ключевые слова: надгробная надпись, эпитафия, знаковые характеристики, семиотика, индексальность, символизм, прагмалингвистика, речевой акт.

Revyakina N.P.

ORCID: 0000-0001-5158-6118, Senior Lecturer, Rostov-on-Don branch of the Russian Customs Academy

SEMIOTIC PECULIARITIES OF EPITAPH

Abstract

The article considers the verbal and nonverbal features of the engraving and the epitaph as its part. The description of the epitaph semiotics is one of the aims of the article. Semantic, syntactic, pragmalinguistic aspects of epitaph are also very important. Indexicality, iconism, emblematicism and symbolism support the hylic expression of epitaph and are directed to initiation of background knowledge of the reader.

Keywords: engraving; epitaph; sign characteristics; semiotics; indexicality; iconism ; emblematicism; symbolism; pragmalinguistics; speech act theory.

Gravestone inscriptions research can be considered as an unconventional source of information about the life, culture, national identity and religious beliefs of the people. These inscriptions are laconic, but succinctly informative. Raising important questions of life and death, objective and virtual reality, they make it possible to trace their interpretation in the national consciousness.

Epitaph reveals axiological foundations of the world outlook, telling about ideals, ethics, customs and manners of people. So epitaph can be presented directly on the tombstones, as well as being a kind of speech genre, included into respective anthological collection. Epitaph has a special place as a tombstone inscription [7, 331] among modular memorial texts.

We can distinguish such kinds of epitaphs as military, religious, ordinary (directed to a stranger), innocent (devoted to kids or virtual women), professional, humorous, ironical and satirical. Tombstone engravings have verbal and nonverbal properties that perform specific functions. It's of interest to note, that these features are in constant communicative interrelation.

The purpose of the article is to describe the epitaph's semiotics: its iconic features, semantic, syntactic and pragmalinguistic aspects. From the point of view of semiotics we should mention such properties as a non-verbal indexicality, iconism symbolism and emblematicism that support the hylic expression of the epitaph.

Let's start with indexicality (from the Latin "index" – "sign") [7, 211], which is implemented in the presentation of factual information: full name of the deceased person, his dates of birth and death, degrees, titles. A characteristic feature is the precise indication of dates, which are usually complemented by poetic or prosaic expression of grief. We can also witness the mention of the impermanence of life. An example of what a sign can be expressed in figures is an inscription on the pedestal of the monument to Peter I in St. Petersburg: "To Grandfather – Grandson, 1800". One of the inscriptions belonging to the era of Peter the Great, dated 1789, is accompanied by the maxima "Blossom having blown fades, a man having lived dies" [6, 117]. These signs immersing us in a certain historical period, help to feel color, stylistic features, and the connection of times and generations.

Let us consider iconism, which manifests itself in a meaningful representation of the deceased: some photos, drawings, attributes of the profession engaged in speech; the main business of life: propellers, aircraft, boats, musical instruments, etc. These designations due to their unequivocal interpretation no longer require verbal explanations. Symbolic art gravestones, usually (especially from the XVIII century) is expressed in simple, "readable" images. These are "cognitive communication mechanisms by which people retain, interpret and use the information" [3, 128].

More focus on the symbolism is expressed in socially important components with an abstract value (for example, the words "hero", "glorious son of the fatherland", "patriot", etc.). Sculptural embodiment of ancient symbols: broken or faded flowers (interrupted life), anchors (faith), bees (hard work and the transformation of the soul leaving the body), phoenix (rebirth), crow (family caring) - also receive development or explanation in the imagery epitaphs. Symbolic expression of monuments of St. Petersburg and Moscow necropolis turns them into something between an individual way and universal symbol (an example is a mourning image of grief in the monument to E. S. Kurakina, embodied in the figure of a crying woman and a bas-relief, where the sons of the deceased are depicted) [2, 83]. It should, however, be recognized that religious tombstones' semiotics plays a subordinate, but not a dominant role in relation to the name of the person being in the center of the tombstone. Wailers mourn the dead, but not the Christ. Cross symbolism in epitaphs is represented by three values: cross - a symbol of eternal life, Christ's victory over death, something like an award to a Christian: "Oh Cross! This is the first joy for an eternal sepulchral tenant. So let friends, it will be an award from you" [8, 138]. In this epitaph the cross is represented as a "reward". We can also reveal its other value - "sepulchral tenant joy". Here the reader in the words "resident" and "joy" can feel connection with life, the desire to have eternal life, which means victory over Death.

Finally, let's consider emblematicism, which is used in the epitaph primarily as a heraldic symbol and an allegorical manifestation of the image of death and glory. Following V. I. Karasik, we understand emblematicism as the use of simplified

images duplicating or replacing the verbal expression of information [4, 142]. Such property of the emblem as the uniqueness of its interpretation for the representatives of the same society (due to the presence of the social and cultural background information in each member) should also be mentioned. The emblem is different from the point of view of its characteristic features, too, having the sign nature and requiring multiple interpretations.

The logo describes the existing text or speech in the form of a simplified notation emotionally experienced image, being, in fact, just sign-index (deictic sign). Let's also pay attention to such property of the emblem as imagery, allowing even considering it as a kind of linguacultural concept. Epitaph is seen in the context with other semantic elements of the monument - primarily with heraldry (approval of family honor and continuity kind: for example, a family of the Mines in Russia) and allegorical emblems of death ("memento mori") and glory (laurel and palm branches, trumpeting angels, etc.). In a number of monuments of the end of the XVIII century, for example, you can see the ornate, decorated with volutes and crowned, high sarcophagus (e. g, the Fonvizin spouses in the necropolis of the Donskoy Monastery in Moscow) [2, 85]. The theme of sorrow and interrupted life is embodied in the images of the mourning women, babies with fading torches, broken trees, etc. Figures of ancient goddesses embody citizenship, wisdom, valor and other military virtues. Allegories of time, eternity and oblivion are represented in the form of an hourglass with wings.

Decoration, forms, images are also very important for the gravestone inscriptions. They perform symbolic function. All iconic elements of non-verbal epitaphs are aimed at inciting background associative connections with the reader. This is the power of non-verbal acting fragments of the epitaph.

The second verbal epitaph feature also has the effect of acting and is considered here from the perspective of three aspects: semantic, syntactic and pragmalinguistics.

In semantic terms the selection of tokens implemented in a cemetery genre is noteworthy. Here such epitaph features as solemnity, sublimity, rigor, seriousness, soulfulness, expressiveness, documentalism of praise can be mentioned. Vividly these properties are manifested in the epitaphs to famous people. Here is the text on the gravestone of a famous physicist Newton: "Here lies Sir Isaac Newton, whose unparalleled power of mind for the first time explained the motion of the planets, the paths of comets, the tides of the ocean." [8, 139] There are just two words on the gravestone of great mathematician Leibniz: "To the Genius of Leibniz." [8, 139] "He snatched the lightning sky and then the tyrant's scepters" - can be read on the bust of Benjamin Franklin [8, 140]. In these epitaphs along with their linguistic elements: the use of adjectives, words of high pathos ("the unparalleled power of "mind", "genius", "tyrant", etc.), metaphors ("snatched lightning", "stopped the sun"), and extralinguistic factors can be traced: appreciation offspring admiration for the talent of the dead, pride for their outstanding service to the community, the desire to follow them in the affairs. Gala style epitaphs, their penetration and expression can be felt and read in the graves inscriptions of common people as well: "The pain is immortal, sadness is infinite. Memory will remain forever," "More, cannot be lost. Sorrow has no boundaries. Grief cannot be expressed" [8, 140]. Love of friends, bitterness of loss, grief and sorrow, eternal memory is felt in these epitaphs.

In terms of the syntactic meaning we can mention: compositional originality, conciseness, brevity, and narrative rhythm, the presentation of the situation, its poetic form. "Finally happy" - this short phrase is placed on the grave of one of the creators of the theory of electricity - Amper [8, 140]. The monument to the legendary Moscow doctor Theodor Haas represents his famous motto: "Hasten to do good!" [8, 140] The epitaph to V. Bagritsky written by Marina Tsvetayeva expresses astonishment: "I am an eternal object. Why I was buried? I did not like to disappear from my beloved land!" [8, 140].

The analysis of these and similar epitaphs show that their syntactical features are shown in the following: a) the epitaph usually consists of simple sentences, which allow internal expansion; b) the transition of simple sentences into complex does not exceed 25 per cent; c) a model of declarative sentence is prevailing in the epitaph (78 per cent); g) interrogative sentences are widely used in the epitaph, including a rhetorical question. Through rhetorical device the author "invites" the reader to reflect and come to the joint decision of the vital issue, for example, about the transition of life and the need to do something useful before the departure.

From the point of view of pragmalinguistics we should dwell on two sides of the epitaph: its internal and external significance and communicative relationship. The speech acts of the epitaph are considered from the standpoint of their locution, illocution and perlocution.

In terms of locution epitaph reflects the composition of the reference information described above.

The illocutionary plan in the epitaph addresses a number of parameters: positive (in rare cases, negative, ironic and satirical) estimation of the deceased and their deeds, usually for the benefit of the humanity, gratitude, preservation of grief and sadness, sincerity and love.

Finally, one more important characteristic of the engraving is its perlocution effect. Of course, the epitaph is focused on the impact on the recipient. It is interesting to note, that the implementation of this action is based on guessing. This is so-called "simultaneous application", i. e. the imposition of different semiotic signs of nature [1, 100].

References

1. Byikov E. V. Multi-channel modular memorial text. University RGPU. AI Herzen, 2011, – № 130 – P. 96 - 101
2. Firsov B.. Allegory and symbolism of the necropolis // Problems. – S. Pb., - 2012. – P. 78 - 104.
3. Kamochkin G. A. Semiotics base study of architectural activity // the Yaroslavl Pedagogical Gazette. – 2012. - № 4. – P. 128.
4. Karasik V. I. Language crystallization sense. Volgograd: Paradigm, 2010. – P. 422.
5. Matveeva G.G. Category of pragmalinguistic estimation // Personality, speech and practice of law. Rostov-on-the Don, 2010. 7– P. 169 - 173.
6. Morshyn A., Lobachyov V. Azbuka of the Last Ritual. M. Nauka. – 2010. – P.120 - 122.
7. Ushakov D.N. Dictionary of the Russian language. - Moscow State foreign and national publishing dictionaries, 1990. – P. 556.
8. Verse real epitaph // Problems of poetry and poetics. Alma-Ata. 2001. – P. 138-140.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.092

Редкина Е.С.

Аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А.И.Герцена

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЗАИЗАЦИИ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ**Аннотация**

Статья посвящена специфике понимания феномена прозаизации в новейшей русской поэзии. Выделяются различные подходы в понимании термина «прозаизация», обозначаются некоторые составляющие данного явления в современной русской поэзии. Предпринимается попытка анализа тенденции к прозаизации в лексико-семантическом аспекте на материале некоторых текстов современных русских поэтов, опубликованных в период с 2012 по 2015г в литературных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Урал». В качестве составляющих тенденции к прозаизации в статье рассматриваются особенности использования бытовой лексики, прецедентных феноменов в сниженных контекстах и снижающей метафоры.

Ключевые слова: новейшая русская поэзия, прозаизация, бытовая лексика, прецедентные феномены, снижающая метафора.

Redkina E.S.

Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia

SOME ASPECTS OF PROSAIZATION IN NEWER RUSSIAN POETRY**Abstract**

The article is devoted to a prosaization phenomenon in newer Russian poetry. Different approaches to the definition of «prosaization» and some components of this phenomenon in lexical-semantic aspect are marked out. The poems of modern authors published in literary magazines «Noviy mir», «Oktiabr», «Zvezda», «Ural» in 2012-2015 years are analyzed. The analysis is addressed to everyday lexis, case phenomena in lowered contexts and lowering metaphors as elements of prosaization tendency in newer Russian poetry.

Keywords: newer Russian poetry, prosaization, everyday lexis, case phenomena, lowering metaphor.

В исследованиях по новейшей русской поэзии, обращенных к изучению творчества различных авторов, можно выделить некоторые общие тенденции в организации текстов: стилистическую неоднородность, смещение стилистических регистров, особый тип интертекстуальных связей, оборачивающийся игрой с оригиналом, отказ от романтических образов и пр. Ю.Б.Орлицкий одним из важнейших процессов в современной поэзии называет тенденцию к прозаизации: «Можно сказать, что прозаизация постепенно захватывает все уровни формальной и содержательной структуры языка. Но наиболее заметна она в области лексики, где неуклонно идет вытеснение поэтизм» [1, с. 303].

Очевидно, что обращение к понятию прозаизации является одним из перспективных направлений в изучении новейшей русской поэзии. Однако существуют некоторые сложности в определении данного термина, связанные с тем, что уподобление поэзии прозе может проявлять себя на разных уровнях текста. В первую очередь, прозаизацию следует понимать как отступление от ритмической и метрической формы, рифмы. Вместе с тем, сложный многосторонний процесс прозаизации не исчерпывается формальным пониманием. По замечанию Н.С.Валгиной, «прозаизация стихотворных текстов и поэтизация прозаических – явление, связанное не столько с формальными показателями (например, ритмизация прозы), сколько с внутренним смыслом текста, с особой эстетической установкой автора, его эмоциональной и мировоззренческой сущностью» [2]. Таким образом, существуют некоторые характеристики поэтической речи, не связанные непосредственно ни с рифмой, ни с метром, то есть с формальной организацией, но присущие только поэзии, традиционно ее определяющие, организующие такое свойство стихотворного произведения как «поэтичность».

Среди современных исследователей, обращающихся к феномену прозаизации, следует назвать имена Ю.Б.Орлицкого, Т.М.Двинятиной, А.Э.Скворцова, М.В.Моисеевой, Е.Абдуллаева Е.Г.Иващенко, И.А.Дябкина, О.И.Северской. В работах указанных авторов обозначаются различные подходы к определению явления прозаизации: как комплексный, затрагивающий особенности сюжетности стиха, жанровых форм, строфики, рифмики, лексики, синтаксиса, объёма текста, так и связанный с одним или несколькими уровнями текста.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа тенденции к прозаизации в лексико-семантическом аспекте на материале некоторых текстов современных русских поэтов, опубликованных в период с 2012 по 2015г в литературных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Урал».

Говоря о прозаизации поэзии на лексическом уровне, прежде всего, следует обратиться к бытовой лексике, описывающей повседневные, обыденные, бытовые ситуации, предметы и явления. М.В.Моисеева обращает внимание на «существенную роль бытовой детали, ее типизирующую функцию в тексте» [3]. Бытовая лексика в поэтическом тексте явно различима и имеет специфичное назначение. Зачастую описываемая в новейшей поэзии бытовая обстановка характеризуется отрицательно, связана с состоянием разрухи, упадка, социальным и личным неблагополучием.

Стихотворение Александра Вергелиса «Зверь из бездны выйдет на нас урча» посвящено теме апокалипсиса, содержит аллюзии на Откровение Иоанна Богослова и Ветхий Завет:

Зверь из бездны выйдет на нас, урча —
не поможет мальчик с пращой.
Нас пожрет железная саранча,
будет мор, и что там еще?

Под обобщенным «мы» далее с в контексте аллюзий из библии следует понимать все человечество, которое характеризуется в тексте через введение бытовой лексики:

Только мы не поняли ничего -
смотрим телек и пьем вино.

В данном случае такие бытовые детали, как телевизор и вино, обрисовывают суженный обыденный мир, поглощающий героев. В стихотворении апокалипсис номинирован бытовым «шоу»: «пропустили шоу, сойдя во мрак». Такое представление отчасти навеяно массовой культурой, где конец света становится удачной темой для создания боевиков, фантастических книг и фильмов, компьютерных игр с захватывающим сюжетом. Так, слова из бытовой сферы становятся детерминантами состояния всего человечества.

В стихотворении «Царство мертвых денег» Григория Петухова происходит одушевление предметов и явлений бытовой сферы:

Должно быть, есть какой-то Радамант,
который правит царством мертвых денег,
цифр неприкаянных — там мучается дебет,
кредит страдает, плачет банкомат...

Устройство Аида в тексте практически не отличается от устройства реального мира, где господствуют рыночные отношения, описанные в тексте следующим образом:

Неспешно мелют Мельницы Господни
братву из Люберец и пацанов с Капотни,
Не отличая наших, русских, от татар,
мордвы, хачей, жидов и косорылых-
Что тут поделаешь, свободный рынок.

В тексте используется грубо-просторечная лексика, содержащая ярко выраженную отрицательную оценочность (*хачи, жида, косорылые*) как средство речевой агрессии, жаргонизм *братва*, а также топонимы, символизирующие социальное неблагополучие. Соединение субстандарта и лексем с денотативным значением «религия», «сверхъестественное» размывает границы между обыденным и божественным, потусторонним.

В стихотворении Валерия Сосновского «Вторчермет» описание обыденного мира с включением бытовой лексики связано с ощущением общего социального неблагополучия, показанного через личный опыт лирического героя:

Сумрак ночи на фоне дымящей трубы,
Три скамейки, разбитых качелей столбы,
И подъезд, обветшавший, как древняя ложь,
Подоконник в окурках, соседский дебош,
Звон разбитых бутылок, с ухмылкой шмон
И тлетворная сладость чужих похорон.

Действительность, которая окружает героя, составлена из бытовых предметов, пришедших в негодность: разбитые качели, обветшавший подъезд, разбитые бутылки. Текст обращен к некой героине, которая близка лирическому герою и находится в той же обстановке, что и он, вместе с ним переживает ее. «Приватная история...показана как часть социального опыта», «негативного», «опыта бытовой неустроенности и сословного неравенства» [4, с. 182].

Смысл многих слов из бытовой сферы, использующихся в приведенных фрагментах текстов, отстоит от значения указанных лексем в языке: не имея экспрессивно-оценочных, сниженных или отрицательных коннотаций, в поэтическом контексте они, тем не менее, приобретают эмотивную семантику.

Интересно также функционирование в новейшей поэзии различного рода прецедентных феноменов (имен, текстов, высказываний), приобретающих в текстах особый статус.

Тексты Анатолия Наймана содержат множество интертекстуальных связей, где используются как прецедентные имена, связанные с античной культурой, так и прецедентные феномены современной массовой культуры:

В конце концов, о времени и месте
сказать или о девственности *Сафо*
есть то же что о пламени и вести...;
Раз е равно эмцэквадрат, неужто
е не равно чему другому? Бима
Бом не глупей — и мудрости не чуждо
ни «Очи черные», ни «Чао бамбино».

Упоминание имени древнегреческой поэтессы семантически не поддерживается в последующих строфах: ее имя нужно для обозначения некоторой темы, отдаленной от современной эпохи и актуальных проблем. В последней строфе появляются прецедентные имена клоунов Бима и Бома и названия популярных песен «Очи черные» и «Чао бамбино», возникновение которых поддерживает мысль о ценностном единстве любых явлений жизни, обозначенной в тексте.

Первая строка стихотворения Андрея Василевского «кудри — кольца! кудри — змейки!» является редуцированной цитатой из стихотворения В.Г.Бенедиктова, не атрибутированной в данном тексте. Внутритекстовые отношения лирического героя с Бенедиктовым представляются приятельскими или дружескими, что находит свое отражение в фамильярных обращениях: «бенедиктов! бенедиктов!», «не смирайся, бенедиктов!», «просыпайся, бенедиктов». Реплика, обращенная к Бенедиктову, «а белинский был не прав» предполагает либо знание читателем прецедентных текстов (критических статей Белинского о Бенедиктове), либо знание прецедентной ситуации, то есть сам факт отрицательной оценки Белинским творчества Бенедиктова. Стихотворение носит шуточный характер, что поддерживается общей ритмической организацией, напоминающей детские стишки. Обращение к прецедентным феноменам становится для автора способом создания некоего игрового пространства и средством диалога с читателем.

Стихотворение Григория Петухова «Сам я не видел, но есть, говорят, равнины» строится, в основном, на обращении к прецедентным именам и высказываниям:

...сверху все чинно: филактерии, борода,
а под ними Хоркаймер и Деррида;
Педерастия в духе Уайльда в армии — сплин, истома,
духоборчество развито, культ Толстого;
Среди людей, жизнь на алтарь искусства
взложивших, — «Так говорил Заратустра» —
популярнейший труд: «падающего толкни,
а лучше распни», — повторяют друг другу они;
Мерзостно как-то глядеть в старшекласниц лица,
в них призыв Достоевского заголиться...

Интересно, что в стихотворении упомянуто имя Жака Деррида и название прецедентного текста, принадлежащего Фридриху Ницше: по замечанию Н.М. Азаровой, в конце XX — начале XXI в. определенные философские тексты в поэтическом творчестве начинают восприниматься как обязательные, наиболее частотными из упоминаемых современными поэтами философов являются Ж.Деррида, М.Хайдеггер, А.Бергсон, С.Кьеркегор, Р.Барт и Ф.Ницше [5]. Прецедентные имена и высказывания оказываются в контексте негативно маркированы, становятся сигнификаторами лицемерия, разврата, узости взглядов, ограниченности, пошлости — упадка. Истолковать значение творчества великих деятелей культуры таким образом позволяет контекст, в который помещены их имена, бытовой (армия, гастарбайтеры в подсобке и пр.), обыденный, низкий, вызывающий отторжение.

Новейшей поэзии свойственен общий отказ от романтической картины мира, «нарочитая деромантизация» действительности [6, с.133], «анти-пафос» [7]. Н.А.Фатеева отмечает «повышенную физическую телесность» [8, с. 33] в области метафоры, Л.В. Зубова – «агрессию» в выборе метафоры для «поэтического освоения действительности» [7].

Крайне заметной является тенденция к технической метафоре, представляющей компьютер «высшим разумом, организующим не только жизнь, но и посмертную судьбу человека», заменяющим Бога [9].

Можно выделять единичные метафоры, связанные с техническими процессами и развернутые метафоры, составляющие основу целого текста.

Евгений Коновалов в стихотворении «На смерть Стива Джобса» использует техническую метафору в описании действительности: «мир изменен и *дефрагментирован*». Поскольку дефрагментация является процессом оптимизации жесткого диска, становится понятно, что мир в тексте уподобляется единому большому компьютеру, таким образом утверждается развернутая метафора технического прогресса как процесса порабощения мира.

Вадим Дулепов в стихотворении «какая-то сегодня древнегречия» использует техническую метафору в отношении внутреннего, душевного состояния лирического героя:

какая-то сегодня древнегречия
сама собой, без повода-предлога
произошла в душе цветокоррекция:
деревья зеленой и неба много!

Смена эмоционального состояния сопоставляется с процессом обработки графической информации на компьютере. Метафорический образ человека как технического устройства можно считать нейтральным с точки зрения оценочности, однако уподобление человека предмету техники упрощает внутреннюю организацию первого, что несколько снижает статус человека, обладающего разумом и разнообразными душевными переживаниями.

В стихотворении «Все то, что мне еще не спелось» Константин Комаров использует техническую метафору для характеристики пейзажа:

Все то, что мне еще не спелось,
все, что на языке горчит,
я вижу на пустом дисплее
апрельской пиксельной ночи.

В основе метафоры лежит сопоставление картин природы с изображением на экране компьютера (*пустой дисплей пиксельной ночи*), которое привносит снижающий компонент в оценку окружающего мира, поскольку изображение на экране является вторичным по отношению к действительности: представляет не сам предмет, а его копию. Таким образом, мир явлен в стихотворении как копия мира. Крайне интересна внутритекстовая авторефлексия относительно использованных в стихотворении метафор:

...а что метафоры затёрты,
мне с января еще плевать.

Сходным образом представлена языковая рефлексия, связанная с банальностью поэтического языка, в стихотворении «Грех пустоты» Владимира Козлова:

А там без тебя — никак,
там, что ни возьми, — не готово.
И нигде не впитают так
твое стертое до дыр слово.

Характеристика «стертый до дыр» предполагает представление слова (в данном случае поэтического языка) как некоего бытового предмета, вещи, пришедшей в негодность, языку присваиваются предметные характеристики — возможность изнашиваться и выходить из употребления по причине частого использования.

Стихотворение Александра Авербуха предваряется рефлексией о тексте, о его материале:

веришь ли это опять слова
мятой памяти карусель

голос растерянно-угловатый
одно за другим просеивает

Повторяемость, круговое движение речи и мысли подчеркивается сопоставлением слов с каруселью, что описывает процесс говорения как аттракцион, так в контексте актуализируется не только сема повторяемости, но и сема развлечения (игры).

Важно упомянуть и использование снижающей метафоры, основанной на обращении к области физиологических и биологических процессов, чаще всего, негативно маркированных.

Так, например, стихотворении Григория Петухова «Царство мертвых денег», где денежные отношения выступают как разрушительная сила, поработящая человека, содержится метафора, относящаяся к физиологической сфере:

Я не расчесываю денежных корост,
но только мучает меня один вопрос:
куда истраченный девается ликвид,
с купюр нули и президентов рожи,
на что в итоге все это похоже,
быть перестав, какой имеет вид?

В данном тексте под денежными коростами можно понимать как непосредственно материальное, вещественное (купюры), так и более отвлеченное (денежные отношения, операции, махинации и др.). В любом случае, данная метафора содержит негативную оценку: короста — гнойные струпья на коже. Релевантной для указанной метафоры является сема болезненности, предполагающей естественное желание избавления, излечения и ощущение отвращения или брезгливости к описываемому.

Таким образом, существуют основания для выделения в новейшей русской поэзии следующих прозаизирующих элементов: бытовой лексики, лексики субстандартных подсистем, снижающей метафоры и обращение к прецедентным феноменам в сниженных контекстах.

Однако термин *прозаизация* не содержит оценочного компонента, в связи с чем и само явление не следует понимать как утрату собственно поэтического начала. Новейшая поэзия обращена к осмыслению сложных абстрактных категорий через описание новых жизненных реалий, как в бытовой, социальной-политической, экономической, так и в культурной сферах. Формируется особый тип художественности, расширяющий границы того, что может явиться предметом изображения и рефлексии в поэтическом произведении. По мнению М.Эпштейна, «поэзия выходит из своей ранней...формы», «вооружается энергией науки и техники, инструментами всех знаний и профессий, чтобы так же магически преобразовать мир» [10].

Литература

1. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002. – 685 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие [Электронный ресурс]. – М., 2003. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-021.htm> (дата обращения: 09.03.2016)
3. Моисеева М.В. Динамика взаимодействия поэзии и прозы в творческой эволюции М. Ю. Лермонтова: автореферат дис. ... канд.филол.наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/5VehTm> (дата обращения: 11.03.2016)
4. Голынкин-Вольфсон Д. Прикладная социальная поэзия: изобретение политического субъекта (манифест) // Транслит. – 2012. – №10/11. – С. 180-182.
5. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии: движение навстречу (грамматика, лексика, текст). – М.: Логос-Гнозис, 2010. – 496 с.
6. Казначеев С.М. Современные русские поэты.– М.: Институт бизнеса и политики, 2006. – 304 с.
7. Зубова Л.В. Критика и защита языка современной поэзии [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/478/38478/files/spr0000051.pdf> (дата обращения: 11.03.2016)
8. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 282 с.
9. Зубова Л.В. Языки современной поэзии – М., 2010. – [Электронный ресурс]. URL: <http://romanbook.ru/book/8749605/?page=19> (дата обращения: 11.03.2016)
10. Эпштейн М. Сверхпоэзия и сверхчеловек. [Электронный ресурс] // Знамя . – 2015. – №1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/1/11e.html> (дата обращения: 10.03.2016)

References

1. Orlickij Ju.B. Stih i proza v russkoj literature. – М.: RGGU, 2002. – 685 s.
2. Valgina N.S. Teorija teksta: uchebnoe posobie [Jelektronnyj resurs]. – М., 2003. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-021.htm> (data obrashhenija: 09.03.2016)
3. Moiseeva M.V. Dinamika vzaimodejstvija poezii i prozy v tvorcheskoi jevoljucii M. Ju. Lermontova: avtoreferat dis. ... kand.filol.nauk. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://goo.gl/5VehTm> (data obrashhenija: 11.03.2016)
4. Golyenko-Vol'fson D. Prikladnaja social'naja poezija: izobretenie politicheskogo sub'ekta (manifest) // Translit. – 2012. – №10/11. – С. 180-182.
5. Azarova N.M. Jazyk filosofii i jazyk poezii: dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst). – М.: Logos-Gnozis, 2010. – 496 s.
6. Kaznacheev S.M. Sovremennye russkie poety.– М.: Institut biznesa i politiki, 2006. – 304 s.
7. Zubova L.V. Kritika i zashhita jazyka sovremennoj poezii [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://window.edu.ru/resource/478/38478/files/spr0000051.pdf> (data obrashhenija: 11.03.2016)
8. Fateeva N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti ili intertekst v mire tekstov. – М.: Agar, 2000. – 282 s.
9. Zubova L.V. Jazyki sovremennoj poezii – М., 2010. – [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://romanbook.ru/book/8749605/?page=19> (data obrashhenija: 11.03.2016)
10. Jepshtejn M. Sverhpoezija i sverhchelovek. [Jelektronnyj resurs] // Znamja . – 2015. – №1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/1/11e.html> (data obrashhenija: 10.03.2016)

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.029

Смерчинская А.А.

ORCID: 0000-0001-7792-6061, соискатель, Военный университет

ЭЛЕМЕНТЫ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ ОБЩЕНИЯ КАК ЗНАКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена имплицитных теорий речевого общения в рамках функционирования языкового сознания в процессе общения. Особое внимание уделяется семантическому анализу речевых сообщений – элементов имплицитной теории общения – в диалогическом дискурсе. Раскрываются механизм речевого воздействия говорящего на коммуникативное поведение реципиента. Выполнен обзор научных изысканий выдающихся отечественных и зарубежных ученых, отражающих современный взгляд на исследуемую проблему. На основании полученных результатов устанавливается, что знаковая репрезентация образов языкового сознания непосредственным образом соотносится с феноменом имплицитных теорий общения, так как словесная представленность этих сообщений подразумевает скрытое влияние на речевое общение и поведение коммуникантов, что позволяет составить более полное представление о функциональной значимости языкового сознания в организации диалога.

Ключевые слова: имплицитные теории речевого общения, языковое сознание, диалогический дискурс, речевое поведение, речевое воздействие.

Smerchinskaya A.A.

ORCID: 0000-0001-7792-6061, Postgraduate Student, Military University

ELEMENTS OF IMPLICIT THEORIES OF COMMUNICATION AS A SIGN REPRESENTATION OF IMAGES OF LANGUAGE AWARENESS

Abstract

The article is devoted to the research of the phenomenon of the implicit theories of verbal communication within the framework of language awareness functioning and its verbal contents representation in the process of communication. Special attention is paid to the semantic analysis of speech messages, i.e. elements the implicit theories of verbal communication, in a dialogue discourse. The article examines the principle of the speaker's verbal influence on the recipient's communicative behaviour. The recent research in this field made by outstanding scientists is analyzed in detail. It is stated that a signc representation of images of language awareness is closely correlated with the phenomenon of the implicit theories of verbal communication, as verbal representation of the speaker's ideas is meant by the implicit influence on communicants' verbal communication and behavior. It allows us to form a more accurate view of the functional significance of language awareness in a dialogue organization.

Keywords: implicit theories of verbal communication, language awareness, dialogue discourse, verbal behavior, verbal influence.

Исследование языка и сознания в лингвистической науке всегда было актуальным, у истоков которого стояли такие выдающиеся лингвисты как А. А. Потебня, Э. Сепир, В. Гумбольдт, В. Вундт и др. На современном этапе развития языкознания оно представляет не меньший интерес. Специальное системное изучение языкового сознания представлено в работах Е. Ф. Тарасова, Ю. Н. Караулова, Н. В. Уфимцевой, А.А. Залевской и др.

Прикладной аспект нашей работы во многом обусловлен исследованием феномена вербализации элементов имплицитных теорий общения в диалогическом дискурсе с функционированием языкового сознания коммуниканта. Наше видение проблемы основывается на том, что на данном этапе развития психолингвистики область, связанная с изучением взаимодействия этих двух явлений остается недостаточно раскрытой, что определяет актуальность темы исследования. Цель предложенной статьи – семантический анализ содержания высказываний диалогического дискурса – элементов имплицитных теорий речевого общения – относительно функционирования языкового сознания человека.

В настоящее время концепт «языковое сознание» наиболее продуктивно используется в психолингвистике в исследовании принципов речевого общения, онтогенеза языка и актов производства и восприятия речи. Языковое сознание вызывает особый интерес относительно двух аспектов. Во-первых, оно укореняет связь языка как лингвистического явления с сознанием как явлением психологическим. В психологии сознание рассматривается как свойство мозга, а мышление – активность мозга, наделенного сознанием. Это наиболее очевидно просматривается при попытке разграничения внутренних психологических процессов наряду с семантикой высказываний, с одной стороны, и языковых инструментов и средств выражения мысли и представлений человека, с другой. Во-вторых, понятие языкового сознания требуется для уточнения психологического определения самого сознания, поскольку эти два понятия близки по своему значению и часто употребляются как синонимы. Но при этом они обладают своими уникальными чертами и спецификой. Этот факт подтверждается еще на начальном этапе специальных исследований, посвященных языковому сознанию, в работе Е. Ф. Тарасова, где понятия «языковое сознание» и «сознание» используются для описания одного и того же феномена – сознания человека [8, 45].

Психолингвистический феномен языкового сознания прошел значительный этап эволюции, результатом которого стало разграничение понятий «сознание» и «языковое сознание». Для более фундаментального понимания концепта сознания рассмотрим его разные значения из толкового словаря С. А. Кузнецова: 1. Человеческая способность воспроизведения действительности в мышлении. 2. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственные человеку... Способность осмысленно воспринимать действительность. 3. Понимание, осознание человеком общественной жизни; взгляды людей как представителей общественных классов, слоев. 4. Ясное понимание, осознание чего-либо... [1, 1230].

Анализируя приведенные определения, можно прийти к выводу, что сознание является отражением действительности, а все эти значения лишь помогают раскрыть его разные грани. Из этого следует, что языковое сознание – это неотъемлемый компонент сознания, тесно связанный с речевой деятельностью человека, а именно процессами порождения, восприятия и понимания речи, а также хранением ресурсов языка в сознании.

Приведем мнения других лингвистов о проблеме определения понятия языкового сознания. Как полагает Е. Ф. Тарасов, появление этой проблемы возникло в связи с тем, что в лингвистике для описания содержательной стороны языковых знаков используется понятие «значение». По его мнению, оно не совсем применимо для описания содержания языковых единиц в речевом процессе, поскольку применение лингвистического подхода не позволяет достаточно полно описать содержание речевых высказываний [8, 41]. По мнению А.Н. Леонтьева, «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [4, 167], т. е. в структуру сознания входят значения, личностный смысл и чувственная ткань, причем последний компонент придает «реальность сознательной картине мира» [4, 134]. Функция сознания состоит в способности субъекта действовать на основе возникающего образа. В связи с этим, нельзя не согласиться с умозаключением Е. Ф. Тарасова, что «для анализа содержательной стороны речевых высказываний в рамках психолингвистики целесообразно использовать понятия языкового сознания и образа языкового сознания, так как образ сознания, соотношенный с определенным словом, рассматривается как способ описания знаний, используемых коммуникантами во время речевого взаимодействия» [8, 41].

Согласно определению, предложенному Е.Ф. Тарасовым, «языковое сознание – это совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [8, 26]. Это означает, что рассматриваемое понятие определяется возможностью вербализации речевых сообщений в процессе восприятия и переработки информации. Более того, необходимо отметить направленность исследований, имеющих отношение к феномену языкового сознания, на фиксирование, описание и анализ содержания речемыслительных процессов в контексте неречевой деятельности коммуникантов. При помощи вербального выражения мысли, передавая содержательную сторону образа языкового сознания, участники диалога управляют внутренним и внешним поведением друг друга в ходе речевого общения и после него [11, 301]. Следовательно, такого рода сообщения имеют определенные цели и мотивы. Е. В. Сидоров полагает, что активность и ментальные ресурсы языкового сознания способствуют осуществлению цели речевой деятельности, удовлетворению речевой потребности, осмыслению языковой и неязыковой действительности. Они направлены на совершаемые внутренние и внешние речесихические действия, на ресурсы языка, речевую способность, речевой опыт и опыт житейский в соотношении с языком [7, 125]. Таким образом, можно прийти к заключению, что вербализация содержания языкового сознания непосредственным образом соотносится с феноменом имплицитных теорий общения, т. к. словесная представленность этих сообщений подразумевает скрытое влияние на речевое общение и поведение коммуникантов посредством соответствующих целей и мотивов.

Интересное направление получило изучение «моделирования ситуативного взаимодействия человека и мира» в трудах А.А. Леонтьева, где он констатирует, что «психолингвистика давно уже идет в направлении построения “психолингвистики деятельного взаимодействия”» [3, 276]. Из этого следует, что говорящий оказывает речевое воздействие на собеседника, управляя его внутренней активностью посредством предъявления речевых сообщений, которые должны способствовать пониманию того, что именно хочет до него донести говорящий, и созданию в сознании реципиента соответствующих мыслей. Разделяя точку зрения Е.Ф. Тарасова, мы полагаем, что общение можно понимать как знаковую «активность сотрудничающих личностей», целью которой является взаимное речевое воздействие участников коммуникации для организации совместной деятельности с помощью речи» [10, 20].

Как уже было отмечено, немаловажным компонентом речевого общения является понимание содержания производимых высказываний – элементов имплицитных теорий общения – и, соответственно, содержания мыслей или образа языкового сознания каждого коммуниканта. К примеру, видный отечественный лингвист А.А. Потебня заметил, что мысли общающихся людей в большинстве своем не совпадают. В своей работе ученый писал: «...при понимании мысль говорящего не передается слушающему; но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего. Думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу коей мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [5, 138]. Из этого следует, что истолкование проблемы понимания / непонимания уже долгие годы занимает не последнее место в исследованиях вопросов общения.

Исследуя проблему соотносённости языка и сознания, Э. Сепир утверждал, что «язык как таковой однозначным образом не локализуется и не может быть локализован, так как он сводится к особым символическим отношениям, с физиологической точки зрения произвольным, между всевозможными элементами сознания, с одной стороны, и некоторыми определенными элементами, локализуемыми в слуховых, моторных или иных мозговых и нервных областях, с другой» [6, 33]. Ученый полагает, что «границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают. В лучшем случае язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического воображения» [6, 36].

Анализируя труды А.А.Потебни и Э.Сепира, можно прийти к умозаключению, что внешняя форма языка и его внутреннее содержание не всегда равнозначны, что может привести к недопониманию и, следовательно, являться причиной несостоявшегося акта коммуникации. Наши наблюдения, в свою очередь, показали, что, изучая каждый компонент речевого потока, наделенный скрытым или потенциальным содержанием языкового сознания коммуникантов, свидетельствует об особой концептуальной значимости элементов имплицитных теорий общения для употребления языка в речи. На фоне сказанного особенно понятна роль элементов имплицитных теорий общения в сознании и в употреблении языка.

Для нашего исследования необходимо не только изучить языковое сознание наряду с механизмами производства и восприятия речи, но и истолковать процесс понимания как неотъемлемую составляющую речевого воздействия. Исследуя проблемы сознания, отношения между сознанием и осознанием, мышлением и речью, Н. В. Уфимцева пришла к выводу, что вопросы о роли бессознательного, а также о том взаимодействии, которое существует между бессознательным, речью и сознанием все еще остаются актуальными и требуют дальнейших научных разработок [13, 210]. Добавим, что понимание – это не просто пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а часть интерактивного процесса, в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего [2, 161]. Поэтому можно предположить, что сознание функционирует, оперируя инструментами понимания, прежде всего, языковыми знаками, а при помощи мышления и речи достигается понимание природы сознания коммуниканта. Попробуем реконструировать связь языковых знаков в сознании и выявить способ воздействия в процессе понимания на примере высказываний – элементов имплицитных теорий общения:

– Нет, в Сети я никогда и ни с кем не знакоилась. По-моему, это слишком опасно. Мне было бы страшно встретиться с сетевым знакомым наяву. Неизвестно, какой он на самом деле [12, 70].

Приведенный фрагмент диалога представляет собой вербализацию образа языкового сознания говорящего. Мы выполняем исследование языкового сознания при помощи семантического анализа совокупности языковых знаков (образов языкового сознания), реализация которого происходит в процессе речевой коммуникации. Рассматривая данное высказывание с применением имплицитной теории общения, второй участник коммуникации, воспринимающий эту информацию, характеризует говорящего как приверженца консервативных взглядов на знакомство с людьми противоположного пола. Следовательно, он предпочитает знакомиться через друзей и знакомых, считая этот способ намного безопаснее, чем интернет-знакомства. Говорящий осознает, что мнение (образ языкового сознания) собеседника о его жизненных принципах не совпадает, следовательно, при помощи речи, представленной языковыми знаками, пытается его переубедить. Актуализация имплицитной теории общения позволяет продемонстрировать способ речевого воздействия для достижения взаимного понимания между коммуникантами при помощи создания необходимых представлений и образов в языковом сознании.

Наиболее ясно проблему понимания в общении можно проследить на примере речевого взаимодействия носителей разных языков и культур. Формирование языкового сознания у человека осуществляется в процессе усвоения иностранного языка, правил и норм языка, а также совершенствования навыков коммуникации в различных сферах на протяжении всей жизни. Для того, чтобы коммуникация между ними состоялась, необходимо обладать общностью сознаний, которая достоверно позволяет прогнозировать создаваемые носителем одного языка речевые произведения в виде языковых знаков и ассоциировать знания о культуре, правилах и нормах языка собеседника в сознании воспринимающего информацию носителя другого языка.

Владея иностранными языками, человек обладает совокупностью сведений об этих языках, которые тоже принадлежат его языковому сознанию. Общность сознаний коммуникантов, состоит и в общности знаний о мире и общности знаний о языке в форме образов сознания. Эта общность формируется при присвоении идентичной этнической культуры и при овладении одним и тем же национальным языком [9, 14]. Например, ключом к пониманию между носителями английского и русского языков будут образы их сознаний обладают общностью, несовпадению этих образов будет служить причиной неизбежного недопонимания при межкультурном общении. Также целесообразно отметить, что мы не можем назвать такой мыслительный процесс односторонним, так как роли говорящего и слушающего постоянно меняются. В ходе общения между коммуникантами происходит непрерывное взаимодействие в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений, которые позволяют судить об индивидуальных особенностях коммуникативной компетенции их создателей, о скрытых (имплицитных) процессах их языкового сознания, составляющих своеобразие дискурсивного мышления.

Учитывая опыт выдающихся ученых-лингвистов, можно прийти к следующему умозаключению: анализ содержания языкового сознания сводится к анализу форм его внешнего выражения с необходимостью актуализации имплицитных теорий общения, одной из которых является язык. Иными словами, элементы имплицитной теории общения выступают отражением (и выражением) особенностей языкового сознания, речевого поведения каждого носителя языка, участвующего в диалоге.

Итак, на сегодняшний день в языковедении накоплено значительное количество трудов, в которых отразился поэтапный путь развития исследований, причем последовательная эволюция сознания в равной мере отражается на отдельном индивиде и человечестве в целом, а языковое сознание понимается как внешне представленное при помощи языковых средств сознание человека.

Думается, что задачи выявления и анализа элементов имплицитных теорий общения можно считать перспективными для изучения в рамках функционирования языкового сознания. На основании полученных результатов устанавливается, что вербализация содержания языкового сознания непосредственным образом соотносится с феноменом имплицитных теорий общения, так как словесная представленность этих сообщений подразумевает скрытое воздействие на речевое общение и поведение коммуникантов, что позволяет составить более полное представление о функциональной значимости языкового сознания в организации диалога. Те знания, которые ассоциированы с тем или иным предметом, общие для носителей данного языка, культуры, составляют его значение. Благодаря общности знаний люди понимают друг друга, а понимание способствует осуществлению процесса коммуникации, который представляет собой знаковую координацию образов языкового сознания. Однако предметы могут иметь для человека индивидуальное значение, занимать определенное место в его жизнедеятельности, тогда несовпадение этих значений будет служить причиной неизбежного недопонимания в процессе общения. Речевое поведение коммуниканта меняется под воздействием представления о соотношении имплицитных теорий общения обоих участников диалога. Именно в этой области локализуются общие семантические основания для элементов имплицитных теорий общения как феномена языкового сознания.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.
3. Леонтьев А.А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
5. Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев, 1993. – 192 с.
6. Сепир Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 543 с.
7. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. Изд. 2-е – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 232 с.
8. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. – №2. – с. 34-47.
9. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 3-14.
10. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания// Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996, с. 7-22.
11. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – М., 2001. – С. 301-311.
12. Стил, Д. Чарльз-стрит, 44 / [пер. с англ. У. В. Сапциной]. –М.: АСТ, 2015. – 352 с.
13. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. Ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 207-219.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 s.
2. Dejk T.A. van, Kinch V. Strategii ponimaniya svjaznogo teksta // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. XXXIII. – Kognitivnye aspekty jazyka. –M.: Progress, 1988. – S. 153-211.
3. Leont'ev A.A. Psihologija obshhenija. – 3-e izd. – M.: Smysl, 1999. – 365 s.
4. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – M.: Politizdat, 1975. – 304 s.
5. Potebnja A. A. Mysl' i jazyk. – Kiev, 1993. – 192 s.
6. Sepir Je. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i kul'turologi. – M.: Progress, 1993. – 543 s.
7. Sidorov E.V. Ontologija diskursa. Izd. 2-e – M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009. – 232 s.
8. Tarasov E.F. Jazykovoe soznanie // Voprosy psiholingvistiki. 2004. – №2. – s. 34-47.
9. Tarasov E.F. Rechevoe vozdejstvie kak problema rechevogo obshhenija // Rechevoe vozdejstvie v sfere massovoj kommunikacii. M.: Nauka, 1990. S. 3-14.
10. Tarasov E.F. Mezhkul'turnoe obshhenie - novaja ontologija analiza jazykovogo soznanija// Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija. – M.: Institut jazykoznanija RAN, 1996, s. 7-22.
11. Tarasov E.F. Jazykovoe soznanie i ego poznavatel'nyj status // Problemy psiholingvistiki: teorija i jeksperiment. – M., 2001. – S.301-311.
12. Stil, D. Charl'z-strit, 44 / [per. s angl. U. V. Sapcinov]. –M.: AST, 2015. – 352 s.
13. Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie i obraz mira slavjan // Jazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej / Otв. Red. N.V. Ufimceva. – M., 2000. – S. 207-219.

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.128

Ступина Т.Н.¹, Леонова Е.В.²

¹ORCID: 0000-0003-0203-9462, кандидат филологических наук, доцент,

²ORCID: 0000-0001-6512-4491, старший преподаватель,

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности реализации стратегии самоидентификации в дневниковом дискурсе. Доказывается, что когнитивно-дискурсивные тактики самокатегоризации, самоатрибуции, интериоризации и социального сравнения являются универсальными в текстах дневников разноструктурных языков. На основании анализа личных дневников А. Шницлера, С. Цвейга и К. И. Чуковского делается вывод, что указанные тактики имеют различную степень распространённости в немецкоязычном и русскоязычном дневниковом дискурсе.

Ключевые слова: дневниковый дискурс, идентичность, самоидентификация, стратегия, тактика.

Stupina T.N.¹, Leonova E.V.²

¹ORCID: 0000-0003-0203-9462, PhD in Philology, associate professor,

²ORCID: 0000-0001-6512-4491, senior lecturer,

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

IDENTITY AS A LINGUO-COGNITIVE PHENOMENON IN GERMAN AND RUSSIAN DIARY DISCOURSE: GENERAL AND SPECIFIC

Abstract

The article discusses the features of implementation of the self-identification strategy in the diary discourse. It is proved that cognitive-discursive tactics of self-categorization, self-attribution, internalization and social comparisons are universal in the diaries in different languages. Based on the analysis of personal diaries of A. Schnitzler, S. Zweig and K. I. Chukovsky it is concluded that these tactics have varying degrees of prevalence in the diary discourse of German-speaking and Russian-speaking people.

Keywords: diary discourse, identity, self-identification, strategy, tactics.

Как известно, современные лингвистические исследования дискурсивного плана обращены к идеям так называемой внешней лингвистики в духе Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой и др. Среди принципов внешней лингвистики для целей данного исследования ведущую роль играют экспансионизм, антропоцентризм и экспланаторность [1, с. 5]. Данный вектор исследований в лингвистике нового времени определяет подход к изучению сложных гуманитарных систем, сущность которых объяснима через призму указанных выше принципов. В этом ряду своё место занимает феномен идентичности языковой личности, которому отводится ведущая, регулирующая роль во всей жизнедеятельности человека. Язык, бесспорно, представляет собой источник неопценимых сведений, на основе которых может быть определена структура идентичности его носителей, и в обратном порядке: ментальное явление идентичности как сложный социально-психологический конструкт определяет вектор его лингвистического изучения в дискурсивном пространстве.

Основополагающим моментом в современных лингвистических исследованиях идентичности является понимание данного феномена как конструкта, формирование которого происходит под воздействием различных когнитивных механизмов самоидентификации и коммуникативных стратегий самопознания. В работах подобного толка идентичность изучается, помимо прочего, через выявление и описание речевых стратегий и составляющих их тактик [2], [3].

Несомненно, что исследование когнитивной деятельности становится возможным лишь благодаря анализу результатов речемыслительной деятельности, опредмеченной в текстах. Тесная связь мышления и языка особенно отчётливо представлена в личных, интроспективных текстах, наиболее ярким примером которых может служить личный дневник. Основным посылом в исследовании является понимание дневникового дискурса как стратегического процесса, предполагающего выбор diarистом оптимальных языковых средств для реализации своей интенции. В соответствии с этим, основной движущей силой при создании дневникового (как и любого другого) текста являются когнитивно-дискурсивные стратегии и тактики.

Самоидентификация языковой личности в дневниковом дискурсивном пространстве признается в рамках обозначенного подхода как основная векторная стратегическая единица исследования. В работах, опубликованных нами ранее, доказывается, что феномен идентичности целесообразно исследовать с помощью анализа языкового оформления когнитивно-дискурсивных тактик, реализуемых языковой личностью в рамках стратегии самоидентификации [4], [5].

Как нами было указано в предварительных исследованиях, когнитивно-дискурсивный подход является наиболее целесообразным при изучении идентичности [6]. Сущность когнитивно-дискурсивного подхода заключается, на наш взгляд, в равноценном учёте как когнитивных механизмов самоидентификации индивида (механизмов самокатегоризации, самоатрибуции, интериоризации и социального сравнения), так и дискурсивных условий порождения самоидентифицирующего высказывания в их взаимосвязи.

На предварительном витке исследования нами были проанализированы в качестве материала личные дневники А. Шницлера и С. Цвейга на немецком языке. Выбор дневников данных авторов обусловлен макроконтэкстом создания исследуемых речевых произведений. Немаловажную роль сыграл тот факт, что взрыв интереса к самопознанию, саморефлексии, самораскрытию приходится на конец 19-го – начало 20-го вв., в период популярности научных теорий идентичности, в частности психоаналитических теорий Зигмунда Фрейда. Как Артур Шницлер, так и

Стефан Цвейг являлись восторженными поклонниками идей фрейдизма, что повлияло на содержание их личных дневников, которые указанные авторы определяли как инструмент самопознания.

Другим фактором, определившим выбор материала исследования, явилось учение о кризисе идентичности, согласно которому идентичность проявляется только в момент переживания индивидом определённых кризисных, конфликтных состояний. По мнению психологов, одарённые люди переживают постоянный кризис идентичности в связи со стремлением и невозможностью достичь идеального Я.

Целью данной работы является попытка выявить универсальное и специфичное в реализации стратегии самоидентификации и её четырех тактик в различных дневниковых лингвокультурах: немецко- и русскоязычной. Для этих целей для верификации полученных ранее данных на немецкоязычном материале привлекались дневники К. И. Чуковского, исследования жизни и творчества которого свидетельствуют о его постоянном стремлении к самопознанию, сомнениях, склонности к самоанализу [7]. Это хорошо согласуется с особенностями характера и склонностью к саморефлексии А. Шницлера и С. Цвейга, о чём шла речь выше.

Ведущей тактикой стратегии самоидентификации на материале немецкого языка нами была признана тактика самокатегоризации, сущность которой можно описать при помощи простого релятивного суждения «*Я есть представитель группы Мы*». Содержательный круг Мы-группы определяется через семантическую дихотомию «Мы – Они».

По своей распространенности в русскоязычном материале дневникового дискурса данная тактика является также доминирующей. Это можно объяснить приоритетом социального перед индивидуальным во всей жизнедеятельности человека. Так, по мнению Ю. В. Ставропольского, наше представление о себе как о личности в большой степени основывается на нашем членстве в определённой группе [8, с. 42]. Ср.:

Ich setze meine Ansichten auseinander – als oesterr. Staatsbürger jüdischer Race zur deutschen Kultur mich bekennd [9, с.196].

А то выходит, что я не столько писатель, сколько редактор [10, с. 480].

В отличие от немецкоязычного материала на условное второе место в дневниках К. И. Чуковского выдвигается тактика самоатрибуции, а таковая интериоризации, которая не столь характерна для дневников А. Шницлера и С. Цвейга. Это, на наш взгляд, не случайно. К. И. Чуковский всегда прислушивался к мнению окружающих, анализировал суждения других, даже начинающих писателей, поэтов, а также своих близких и знакомых. Сущность же тактики интериоризации и заключается в привлечении к самоанализу высказываний других и может быть описана при помощи сложного суждения, в состав которого входят два связанных с помощью конъюнкции простых суждения: «*Некто У считает, что я обладаю качеством X, и я с этим согласен / не согласен*». При выявлении компонентов идентичности диариста в рамках тактики интериоризации существенную роль играет фигура «значимого Другого». Ср. соответственно:

Mein Papa ärgert sich auch über mich, eigentlich ganz ohne Grund, da ich eigentlich fleißiger bin (medizinisch) als je. [11, с. 217].

Мне Сологуб неожиданно сделал такой комплимент: «Никто в России так не знает детей, как вы». Верно ли это? Не думаю [10, с. 227].

Менее четко обозначена в русскоязычном материале, в отличие от немецкоязычного, тактика самоатрибуции, сущность которой определяется через опосредованное умозаключение «*Я поступил / обычно поступаю определённым образом. Все люди, поступающие подобным образом, обладают качеством X. => Я обладаю качеством X*». Ср. соответственно:

Meine Unfähigkeit mit Menschen an einem großen Tisch zu sprechen wird immer größer, ich habe nicht Talent und nicht Lust [12, с. 374].

Я удивительно, бесконечно невпечатлителен. Нет такой вещи, которую я не мог бы позабыть через час... [13, с. 58].

Тактика же социального сравнения представлена лишь фрагментарно как в немецкоязычном, так и в русскоязычном дневниковом дискурсе. Содержание тактики социального сравнения определяется через простое релятивное суждение «*Я более/менее X, чем У; так же X, как и У*». Сравнительно небольшое количество самоидентифицирующих высказываний в рамках данной тактики может объясняться тем, что она чаще всего выступает не изолированно, а как составляющая в рамках других тактик. Большое значение при реализации тактики социального сравнения в обеих лингвокультурах имеет описание свойств личности Другого в его сопоставлении с собой. Ср. соответственно:

Ich bin heute unklarer noch als er [12, с.189].

Она не солидна – почти как я [10, с. 226].

Таким образом, можно констатировать, что в обеих лингвокультурах в дневниковом дискурсе при реализации стратегии самоидентификации используются аналогичные тактики, что свидетельствует об их универсальности. Однако имеет место и проявление специфичного. Это касается перегруппировки тактик по степени их распространения в текстах дневников разноструктурных языков. Для немецкоязычного материала имеет место следующая последовательность: доминирующими оказываются тактики самокатегоризации и самоатрибуции, менее выраженными являются тактики интериоризации и социального сравнения. В русскоязычном же материале доминируют тактики самокатегоризации и интериоризации, периферийными являются таковые самоатрибуции и социального сравнения.

Сказанное объяснимо, на наш взгляд, через призму теории языковой личности диариста, её принадлежности к определенной этнокультуре, с её ценностями, установками, менталитетом, что определяет пути самопознания.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М., 1994. – Т. 53. – No2. – С. 3–15.

2. Ступина Т. Н. Уровни самопрезентации языковой личности в чат-дискурсе / Т. Н. Ступина, К. С. Цибизов // Языковые и культурные контакты: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – Вып. 3. – С. 85–89.
3. Громова В. М. Конструирование идентичности в Интернет-дискурсе персональных объявлений: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 18 с.
4. Леонова, Е. В. Некоторые лингвокогнитивные стратегии репрезентации идентичности языковой личности // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2011. – Вып. 2. – С. 86–91.
5. Ступина Т. Н. Реализация тактики самоатрибуции в дневниковом дискурсе / Е. В. Леонова, Т. Н. Ступина // Вестник Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления: науч.-техн. журнал. – 2014. – № 1 (46). – С. 146–151.
6. Ступина Т. Н. Феномен идентичности в свете когнитивно-дискурсивного подхода / Е. В. Леонова, Т. Н. Ступина // Труды Междун. дистанц. науч. конф. «Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения»: сб. науч. стат. – Липецк: ООО «Максимал информационные технологии», 2014. – С. 140–143.
7. Лукьянова И. В. Корней Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 989 с.
8. Ставропольский Ю. В. Идентичность: принципы психологической модели. – Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – 336 с.
9. Schnitzler A. Tagebuch 1917-1919. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. – 428 S.
10. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12: Дневник 1922 – 1935. – 2-е изд., электрон., испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – 656 с.
11. Schnitzler A. Tagebuch 1879-1892 / A. Schnitzler. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987. – 488 S.
12. Zweig, S. Gesammelte Werke in Einzelbänden: Tagebücher. – Frankfurt am Main: S. Fischer-Verlag GmbH, 1984. – 659 S.
13. Чуковский, К. И. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 11 : Дневник 1901 – 1921. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013а. – 592 с.

References

1. Kubrjakova E.S. Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i ee sovremennyy status // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i jazyka. – М., 1994. – Т. 53. – No2. – С. 3–15.
2. Stupina T. N. Urovni samoprezentacii jazykovoj lichnosti v chat-diskurse / T. N. Stupina, K. S. Cibizov // Jazykovye i kul'turnye kontakty: sb. nauch. tr. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2009. – Вып. 3. – С. 85–89.
3. Gromova V. M. Konstruirovaniye identichnosti v Internet-diskurse personal'nyh ob#javlenij: Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Izhevsk, 2007. – 18 s.
4. Leonova, E. V. Nekotorye lingvokognitivnye strategii reprezentacii identichnosti jazykovoj lichnosti // Jazyk i mir izuchaemogo jazyka: sb. nauch. tr. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo in-ta RGTJeU, 2011. – Вып. 2. – С. 86–91.
5. Stupina T. N. Realizacija taktiki samoatribucii v dnevnikovom diskurse / E. V. Leonova, T. N. Stupina // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gos. un-ta tehnologij i upravlenija: nauch.-tehn. zhurnal. – 2014. – № 1 (46). – С. 146–151.
6. Stupina T. N. Fenomen identichnosti v svete kognitivno-diskursivnogo podhoda / E. V. Leonova, T. N. Stupina // Trudy Mezhdun. distanc. nauch. konf. «Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy i puti ih reshenija»: sb. nauch. stat. – Lipeck: ООО «Максимал информационные технологии», 2014. – С. 140–143.
7. Luk'janova I. V. Kornej Chukovskij. – М.: Molodaja gvardija, 2006. – 989 s.
8. Stavropol'skij Ju. V. Identichnost': principy psihologicheskoy modeli. – Saratov: IC «Наука», 2007. – 336 s.
9. Schnitzler A. Tagebuch 1917-1919. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. – 428 S.
10. Chukovskij K. I. Sobranie sochinenij: v 15 t. Т. 12: Dnevnik 1922 – 1935. – 2-е изд., jelektron., ispr. – М.: Agentstvo FTM, Ltd, 2013. – 656 s.
11. Schnitzler A. Tagebuch 1879-1892 / A. Schnitzler. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987. – 488 S.
12. Zweig, S. Gesammelte Werke in Einzelbänden: Tagebücher. – Frankfurt am Main: S. Fischer-Verlag GmbH, 1984. – 659 S.
13. Chukovskij, K. I. Sobranie sochinenij : v 15 t. Т. 11 : Dnevnik 1901 – 1921. – 2-е изд., jelektronnoe, ispr. – М.: Agentstvo FTM, Ltd, 2013а. – 592 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.024

Филь В.А.

Аспирант, Балтийский Федеральный Университет имени Иммануила Канта
**герменевтический метод Альфреда Лоренцера в контексте изучения
 автобиографического романа**

Аннотация

В статье частично рассмотрен метод герменевтического анализа автобиографического повествовательного дискурса, предложенный Альфредом Лоренцером в рамках его концепции «сценического понимания», и описана возможность применения данного метода в процессе познания автобиографического романного текста.

Ключевые слова: герменевтический круг, психоаналитическая герменевтика, культурный диалект, диалог.

Fil V.A.

Postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University

**HERMENEUTICAL METHOD OF ALFRED LORENZER IN TERMS OF UNDERSTANDING
 OF AUTOBIOGRAPHICAL NOVELS**

Abstract

The article describes the method of hermeneutical analysis of the autobiographical narrative discourse proposed by Alfred Lorenzer as a part of his concept of "scenic understanding" and considers the possibility of applying this method to the process of understanding of the autobiographical novel.

Keywords: hermeneutic circle, psychoanalytic hermeneutics, cultural dialect, dialogue.

Герменевтика, как любая комплексная наука, берущая начало во времена упадка античности и раннего средневековья, разветвляется на несколько смежных, взаимодополняющих, подвижных дисциплин. Так принято выделять общую герменевтику, когнитивную герменевтику [1], феноменологическую герменевтику, берущую начало в идеях Э. Гуссерля, литературную герменевтику и психоаналитическую герменевтику, конституированную во второй половине 20 века Альфредом Лоренцером [2]. При этом важно учитывать, что процесс познания, механизмы и принципы, по которым происходит понимание, зависят от специфики конкретной эпохи и специфики гуманитарной дисциплины, а не наоборот. Здесь важно всё: исторический фон, социальный строй, настроения в обществе, уровень развития и суверенитет культуры, психологическое развитие человека и т.д. Эти факторы формируют познание и определяют его средства.

Альфред Лоренцер является для нас одной из знаковых и наиболее интересных фигур на стыке герменевтики и психоанализа второй половины двадцатого века. Его труды во многом послужили основанием для так называемой *психоаналитической герменевтики* или *глубинной герменевтики*. При этом важно отмечать преемственность в развитии теории Лоренцера, поскольку он был далеко не первым мыслителем, задававшимся вопросами синтеза герменевтики и психоанализа, в чём мы могли убедиться в предыдущей главе. Несмотря на то, что Лоренцер отдавал должное трудам Рикёра и был учеником Фрейда, его герменевтика задавалась если не иными, то более конкретными вопросами: больше прочего исследователя занимали вопросы взаимодействия лингвистических и внелингвистических форм. Другими словами, Альфред Лоренцер занимался непосредственно разработкой тех элементов взаимодействия лингвистики и *культурного языка*, о которых говорилось ранее. Здесь мы найдём прямое указание на использование в процессе интерпретации культурно-исторического и социального-психологического анализа. В некотором смысле, такой подход к герменевтике генетически связан с идеями Шлейермахера о объективной и субъективной интерпретации. При этом нельзя говорить, что Лоренцер отвергал идеи Фрейда. Подходя к психоанализу с позиции герменевтики, Лоренцер предпринял попытку истолкования ключевых позиций в теории Фрейда, т.е. *понял* идеи своего учителя *лучше, чем сам автор*.

Следует отметить, что Лоренцер пришёл к синтезу психоанализа не путём долгих размышлений (как Рикёр), а ощущал это единство изначально на уровне предпонимания. Другими словами, Альфред Лоренцер всегда считал психоанализ специфической разновидностью герменевтики, науки о *понимании*, стремящейся к *верной интерпретации*, основанной на принципе диалогичности. При этом, согласно Лоренцеру, диалог ведёт интерпретируемого и интерпретатора к свободе и *истине*. Если диалог стесняет интерпретируемого или интерпретатора, то он не имеет ничего общего с герменевтическими принципами.

Важным для нашего исследования является идея свободного диалога, где индивид волен самостоятельно выбирать форму и тему диалога, и эта форма и тема сама по себе является первичным выражением специфики внутреннего мира говорящего, и опытный аналитик уже только исходя из предложенных темы и формы способен сделать основные выводы относительно специфики функционирования внутреннего мира говорящего, и сделать определённые предположения относительно внешних факторов, оказавших влияние на формирование личности говорящего, первично диагностировать проблему и причину её возникновения. Под проблемой мы здесь понимаем отклонение от нормы, некоторую патологию. Такой принцип является одним из фундаментальных методологических принципов нашего исследования. В данной работе рассматриваются, понимаются автобиографические романы с явной нарративной деривацией, выраженной на грамматическом уровне посредством изменения лица повествующей инстанции с первого на третье, что означает отстранение повествующего я от повествуемого. Это говорит нам в первую очередь о проблеме личностной идентичности (о чём буде говориться далее в этой главе), о нарушении внутреннего тождества между настоящим нарратора и его прошлого. То же, что суть и функция таких произведений есть рефлексия, наводит нас на мысль о попытке пересмотра, переоценки собственного опыта автора, ценностной переориентации. Безусловно, подобный метод психоанализа не мог уже носить настолько универсальный характер, как предшествующие теоретически классифицирующие практики. В данном случае речь уже шла о понимании конкретных ситуаций как чисто нарративных, так и *культурных, ситуационных*. Есть в идеях Лоренцера и предпосылки к использованию

психоаналитического метода применительно к литературным текстам, поскольку он предлагает рассматривать повествование *пациента* как если бы это была театральная постановка, пьеса, рассказ. [3, 140-148]

Интерпретируемый в процессе диалога представляет интерпретатору в своей исповеди собственные субъективные переживания, и рассказ этот в большей степени сформирован процессами, происходящими в подсознании говорящего, нежели задуманными идеями и функциями. Так и автобиографический роман, имея чётко обозначенную функцию рефлексии и припоминания, отражает в своей структуре специфику подсознательного автора. Важно, место в этой методике вымысла, фиктивного мира, поскольку во время беседы пациента и психоаналитика, степень *правдивости* высказываний интерпретируемого, т.е. соответствие их *объективной* исторической реальности не имеет большого значения. Ключевое значение имеет здесь *действительность* в её исконном философском субъективном понимании. Это воспринимаемость, осязаемость, миропонимание говорящего, его картина мира, и важно соотношение высказываний интерпретируемого именно с этой действительностью. Здесь для интерпретатора важны структура, категория нарратива, лексические, стилистические и интонационные особенности, невербализованная информация, тот индивидуальный культурный дискурс, в котором находится интерпретируемый. При попытке верного истолкования автобиографического романа, в котором наблюдаются некоторые нарративные аберрации, мы так же изначально уделяем внимание архитектонике произведения – соотношению фактического и фиктивного интересуется нас лишь в тот момент, когда мы пытаемся уяснить для себя, какие события в процессе припоминания претерпели художественное изменение, какие были замещены и почему. Автобиографический роман в контексте теории Лоренцера можно рассматривать как поиск, имитацию данного *герменевтического диалога*, требующего интерпретации, а значит, роман такого свойства является попыткой осознать внутриличностные конфликты автора, т.е. вывести их сначала в сферу сознательного, а затем имитировать их выход за пределы рефлексирующей личности. Безусловно, такое заявление требует опоры на конкретную коммуникативную теорию текста. Мы в качестве такой теории выбрали коммуникативную модель, представленную Вольфом Шмидом в его труде «Нарратология» [4], согласно которой нарративная структура романа предполагает наличие адресата, реципиента, следовательно, роман интенционален. В этом интенционале романного автобиографического повествования мы и видим предпосылку рассмотрения его в контексте методики Лоренцера.

Мы считаем целесообразным заострить внимание на идее выражения в процессе диалога внутренних переживания не только на лексическом уровне, но и через действие. В отношении анализа автобиографического художественного текста под *действием* мы понимаем коммуникативную структуру текста. При этом, непосредственно языковое выражение переживаний не является по отношению к такому *действенному* выражению вторичным. Следует отметить, что именно на лексическом уровне формируются жизненные ассоциации индивида, т.е. персональная языковая реальность является тем пространством, в условиях которого происходит *встреча* абстрактной невербализованной мысли с чувственно-образным планом выражения. Здесь же оба эти феномена принимают необходимую коммуникативную форму, служащую основой для *диалога* и *понимания*. Облачение в такую форму собственных переживаний обеспечивает, согласно идеям Лоренцера, снятие внутреннего *напряжения*. Другими словами, это такая терапия, способность и потребность в которой является ключевой особенностью внутреннего нарратива западноевропейского сознания.

Важно отметить, что Лоренцер не считает излагаемые в процессе диалога переживания бессвязными высказываниями, а напротив, усматривает в них определённую систему, архитектурную целостность. Эта целостность согласно Лоренцеру имеет следующую трёхсоставную структуру.

- 1) переживание, вписанное в контекст жизненного опыта
- 2) сопутствующие переживанию настроения, их имманентное их восприятие, и эмпирическое выражение
- 3) лексическое выражение данных настроений, формирующих текст повествования.

Все перечисленные элементы объясняют, каким образом текст, выражающий те или иные переживания, зарождается, т.е. показывают путь от *причинного* смысла к результату, с которым сталкивается интерпретатор на первых стадиях понимания. Из этого следует, что путь верной интерпретации такого текста должен иметь обратный порядок, согласно которому понимающий должен пройти от лексического выражения к настроению, и затем к собственно переживанию, и следуя принципу круга, понимая один эпизод рассказывания за другим, *наращивая* понимаемые смыслы, прийти к пониманию целого. Эти элементы в риторике Лоренцера уместно называть *сценами*, т.е. фрагментами текста действие в которых имеет пространственно-временное ограничение. В качестве примера можно привести первую *сцену* Салмана Рушди:

«Afterwards, when the world was exploding around him and the lethal blackbirds were massing on the climbing frame in the school playground, he felt annoyed with himself for forgetting the name of the BBC reporter, a woman, who had told him that his old life was over and a new, darker existence was about to begin. She had called him at home on his private line without explaining how she got the number. 'How does it feel,' she asked him, 'to know that you have just been sentenced to death by the Ayatollah Khomeini?' It was a sunny Tuesday in London but the question shut out the light. This is what he said, without really knowing what he was saying: *I'm a dead man*. He wondered how many days he had left to live and thought the answer was probably a single-digit number. He put down the telephone and ran down the stairs from his workroom at the top of the narrow Islington terraced house where he lived. The living-room windows had wooden shutters and, absurdly, he closed and barred them. Then he locked the front door» [5, 3] – «Потом, когда вокруг него взрывался мир, когда гибельные черные дрозды облепляли каркас для лазанья на школьном дворе, он досадовал на себя, что забыл фамилию репортерши Би-би-си, которая сообщила ему, что старая его жизнь кончена и впереди новое, мрачное существование. Она позвонила ему домой и не стала объяснять, кто ей дал телефонный номер. «Каково вам, — спросила она, — узнать, что аятолла Хомейни только что приговорил вас к смерти?» Лондон, вторник, солнце — но вопрос заставил утренний свет померкнуть. Он ответил, не понимая толком, что говорит: «Приятного мало». А подумалось: я мертвец. Он задался вопросом, сколько еще дней ему отпущено, и ответом, казалось, должно было послужить однозначное число. Он положил трубку и бросился из своего кабинета на первый этаж узкого дома в Излингтоне, стоявшего

впритык к таким же узким домам. Окна гостиной закрывались деревянными ставнями, и он, хоть в этом не было никакого смысла, запахнул их и запер. Потом запер и входную дверь» [6, 11]. В процессе анализа мы наблюдаем как идея разрушения проявляется на лексическом уровне через употребление бинарных оппозиций, а точнее, через разделение, расщепление повествуемого мира на две эксплицитные инстанции и одну имплицитную, предполагаемую. Среди имплицитных инстанций: мир света и мир тьмы, мир верха и низа; имплицитная инстанция – некоторая неявленная в данной *сцене* пугающая будущность. В дальнейшем эти три категории мира в произведении оформляются в три нарративные инстанции, расщепление повествующей личности автора на три неравнозначные части: Рушди-повествующего, Рушди-повествуемого, оказавшегося в *темноте* и Рушди-цитируемого, с которым будут связаны наиболее неприятные воспоминания конкретного автора, т.е. повествование романа начинается с момента *кризиса личностной идентичности* и отрицания собственного прошлого. Это разделение уже в этой сцене приобретает графическую детерминанту. Реплики различных нарративных инстанций не одинаково выделены в тексте графически: речь повествуемого персонажа выделяется курсивом. О принадлежности различного выделения в тексте повествуемых речей мы уже говорили в нашей работе ранее. Первое лексически осознанное чувство в данной сцене – чувство раздражения, злости на самого себя (*annoyed with himself*), что является предпосылкой к последующему раскрытию личностного кризиса. Учитывая бинарную структуру предьявляемых текстом настроений, оставленный в прошлом *солнечный лондонский вторник* (*sunny Tuesday in London*) говорит об отсутствии в *тёмном* послераспадном повествуемом мире солнца, обозначающего не только свет, но тепло и жизнь. Это значит, что повествуемый мир по ощущению говорящего лишён не только света, но тепла и жизни. Отсутствие жизни здесь выражено и другими лексемами: *life was over* (жизнь кончена), *existence* (существование), *lethal* (гибельный), *death sentence* (смертный приговор), *dead* (мёртвый), глагол *жить* (*live*) в форме прошедшего времени (*lived*), концепция запертых на засов ставень в *гостиной* (*living-room*). Важна в данной сцене и оппозиция верх-низ (*top-down*), поскольку повествуемый герой здесь движется сверху вниз, спускается. Безусловно, в западноевропейском сознании *пусть вниз* есть *путь во тьму*, однако индийские *культурные коды* добавляют этому нисходящему движению коннотации спуска по социальной лестнице от значимой касты до слоёв общества практически не имеющих права голоса, что не так важно в данном случае, в контексте других смыслов: *смерть*, *узкий*, *душный* (*narrow*), *лишённый света и тепла*, *деревянный* (*wooden*), *запираемый* (*barred*), *опускаемый в темноту* – в этом состоянии находит себя на уровне внутреннего настроения повествующая рефлексивная личность, состоянии *погребения*. Это и есть то *переживание*, которое раскрывается в тексте.

Возвращаясь к идеям Лоренцера, отметим, что выражение своих переживаний, особенно патогенных, в форме высказывания, связанного осмысленного повествования помогает человеческой психике сохранять стабильность, контролируя воспоминания, расставляя их в необходимом приоритетном порядке, трансформируя вредные для собственной целостности факты прошлого, замещая негативные настроения прошлого. Другими словами – автобиографическое повествование, художественное, т.е. дающее возможность легко видоизменять повествуемые события, представляет собой наиболее конструктивный путь, по которому защитные механизмы психики достигают сознания.

Необходимость *вживания в текст* также занимает в теории Лоренцера значимую позицию. Обретение общего с интерпретируемым языком невозможно без последовательного *сопереживания*, *эмпатии*, *перцепции*, *дивинации*. Безусловно, Лоренцер говорит о необходимости дивинации более специфично, чем Шлейермахер. Бессознательное не постижимо в рамках лингвистической, семиотической коммуникации, а лишь находят своё выражение в определённых значимых для говорящего лексемах, так что для постижения истинного смысла *сцены* герменевту необходимо *вчувствоваться* в такие лексемы, чтобы достичь из бессознательной причинности. Сложность этого процесса состоит в разнице индивидуальных *культурных диалектов*, которые требуют отдельной интерпретации совокупности культурных кодов повествующей личности, основанных на *символах*, рождаемых, по Лоренцеру, в сознании и формируемых, если использовать риторику Дильтея, формами выражения объективного духа.

Литература

1. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. – М., 2002. – 235 с.
2. Die Wahrheit der psychoanalytischen Erkenntnis. Ein historisch-materialistischer Entwurf. Suhrkamp, Frankfurt am Main, Imago-Druck, 1974 – 319 S.
3. Лоренцер А. Археология психоанализа: Интимность и социальное страдание / Пер. с нем. - Сер.: Библиотека психоанализа. - М.: Прогресс-Академия, 1996. – 304 с.
4. Шмид В. Нарратология. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Языки славянской культуры, 2008 – 304 с.
5. Rushdie S. Joseph Anton: A Memoir // Vintage Books. London – 636 p.
6. Рушди, С. Джозеф Антон / Салман Рушди; пер. с англ. Л. Мотылёва, Д. Карельского. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 859 с.

References

1. Shul'ga E.N. Kognitivnaja germenevtika. – М., 2002. – 235 s.
2. Die Wahrheit der psychoanalytischen Erkenntnis. Ein historisch-materialistischer Entwurf. Suhrkamp, Frankfurt am Main, Imago-Druck, 1974 – 319 S.
3. Lorencer A. Arheologija psihoanaliza: Intimnost' i social'noe stradanie / Per. s nem. - Ser.: Biblioteka psihoanaliza. - М.: Progress-Akademija, 1996. – 304 s.
4. Shmid V. Narratologija. – 2-e izd., ispr. I dop. – М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2008 – 304 s.
5. Rushdie S. Joseph Anton: A Memoir // Vintage Books. London – 636 p.
6. Rushdi, S. Dzhozef Anton / Salman Rushdi; per. s angl. L. Motyl'jova, D. Karel'skogo. – М.: Astrel': CORPUS, 2012. – 859 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.148

Фомина Ж.В.

Кандидат филологических наук, доцент

Волгоградская государственная академия физической культуры

ВОЗРАСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ЮНОСТЬ» И «ADOLESCENCE» В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ*Аннотация*

В данной статье рассматриваются возрастные концепты «юность» и «adolescence», реализующие концептосферу «возраст» в русской и американской молодежных лингвокультурах. Приводится сравнительный анализ концептов с точки зрения метафорической диффузности, как неотъемлемой характеристики любого концепта. Данная характеристика рассматривается на материале текстов российских и американских молодежных журналов и Интернет-форумов. Исследуя метафорическую диффузность концептов, входящих в концептосферу «возраст», были выявлены такие стилистические приёмы как сравнение, метафора, и др.

Ключевые слова: метафорическая диффузность, концептосфера «возраст», возрастной концепт, молодежная лингвокультура.

Fomina Zh.V.

PhD in Philology, associate professor, Volgograd State Physical Education Academy

AGE CONCEPTS «ЮНОСТЬ» AND «ADOLESCENCE» IN TEXTS OF RUSSIAN AND AMERICAN YOUTH MAGAZINES AND INTERNET-FORUMS*Abstract*

The article considers age concepts «юность» and «adolescence», realizing concept sphere «age» in Russian and American youth linguistic cultures. There is a comparison study of concepts in the metaphoric indefiniteness as integral characteristic of any concept. This characteristic is regarded as exemplified in texts of Russian and American youth magazines and Internet-forums. Studying the metaphoric indefiniteness of concepts (occurring in concept sphere «age») we emphasized such stylistic devices as metaphoric expressions, comparison and etc.

Keywords: metaphoric indefiniteness; concept sphere «age»; age concept; youth linguistic culture.

В русской и американской молодежных лингвокультурах концептосфера «возраст» реализуется посредством таких наиболее существенных возрастных концептов, как «детство» - «childhood», «юность» - «adolescence», «молодость» - «youth», «зрелость» - «maturity» и «старость» - «old age».

Необходимой характеристикой любого концепта является не только номинативная плотность [1], но также и метафорическая диффузность, поскольку в ней также воплощаются ценностные приоритеты лингвокультуры [2]. В данной статье мы проанализируем метафорическую диффузность таких возрастных концептов, как «юность» и «adolescence», посредством текстовой реализации.

Источниками материалов послужили 1500 российских и 1500 американских текстов различных молодежных журналов и Интернет-форумов [3].

Из общего объёма российских молодежных журналов в 230 текстовых фрагментах было обнаружено 283 единицы, содержащие апелляции к концептосфере «возраст» в виде лексических, фразеологических единиц и устойчивых выражений. Из них только 4 текстовых употребления апеллируют непосредственно к концепту «юность».

Из общего объёма американских источников в 230 текстовых фрагментах было выявлено 395 единиц, содержащих апелляции к концептосфере «возраст», из которых всего 32 текстовых употребления апеллируют к концепту «adolescence» [3].

Сравним метафорическую диффузность возрастных концептов «юность» и «adolescence», входящих в концептосферу «возраст» в обеих лингвокультурах.

В русской молодежной лингвокультуре метафорическая диффузность концепта «юность» составляет 1,7%, а в американской – 13,9% (от общего количества текстовых употреблений, апеллирующих к концептосфере «возраст»). Концепт «юность» ассоциативно связан с концептом «незрелое поведение», средства апелляции к которому основаны на таких чертах характера, как простота и наивность [3].

1.1. Юность → незрелое поведение. В русской лингвокультуре данная ассоциативная связь выражена посредством сравнений как *14-летний* (2), как *прыщавый подросток*, *недоросль* (4 текстовых употребления):

- *А с ОБЖистом все ваще общаются на ты, а он ещё спрашивает чёй-то все его не уважают, ему 30, а ведёт себя как 14-летний или даже младше! Сюсюкалка, так мы его зовём!!!* [4];

- *Вообще-та я не очень люблю ходить в клубы тусаваться, а давече девченки уговорили составить им компанию, ну я и пошла. Поначалу все было даже прилично, даже весело, пока не подвалил ко мне один хмырь лет около 30, который выглядел как прыщавый подросток, такая неуверенная в себе недоросль?! Тихий ужас, мужик та переводится в стране!!!!* [5].

В американской лингвокультуре связь юность → незрелое поведение выражена также через сравнение *like a teenager's giggle*, например,

- *...I loved the way my mom laughed, at first like a teenager's giggle & then, if something were really funny, a full-blown laugh that consumed my mind & made me happy... (...Я обожала мамину привычку смеяться – сначала, хихикая, как подросток, а потом, если что-то действительно было смешно, она смеялась в полный голос, который врзался в мою память и до сих пор наполняет меня ощущением счастья...)* [7].

В текстах американских молодежных журналов и Интернет-форумов нами была выделена многочисленная группа ассоциаций, связанных с данным возрастным периодом и апеллирующих к концепту «незрелое поведение» – ‘устойчивые выражения со словами *teen, teenage*’. Данная группа была разделена на следующие подгруппы:

- устойчивые словосочетания, выражающие противозаконные действия подростков, связанные с возрастными ограничениями (14 текстовых употреблений) → *teen drinking* (8), *teenage driving* (3), *underage drinking* (3).

Отметим, что юношеское незрелое поведение отличается от детской незрелости появлением вредных привычек. На форумах американские подростки очень часто обсуждают проблемы подросткового алкоголизма и вождения автомобиля в нетрезвом виде, выражая своё негативное отношение к сверстникам за неразумное поведение, стремление казаться взрослыми, которое может привести к печальным последствиям. Например,

- - *I think **teen drinking** is wrong. If the age limit is 21 it's 21 for a reason (Я считаю, что подростковый алкоголизм ужасен. Если возрастное ограничение – 21 год, то только по этой причине)* [6];

- - *I think that **underage drinking** is a big problem in teens & young adults (Я думаю, что употребление алкоголя несовершеннолетними является существенной проблемой среди подростков и молодёжи в возрасте от 18 до 21 года)* [6].

Кроме проблем алкоголизма и вождения в нетрезвом виде, частой темой американских молодёжных форумов также становится любовь, ранние сексуальные отношения и как следствие, незапланированная беременность:

- устойчивые словосочетания, выражающие психосексуальные отношения подростков (13 текстовых употреблений) → *teen pregnancy* (8), *teenage mother* (3), *teenage dating*, *teenage marriages*, например,

- *I think **teen pregnancy** is outrageous...my cousin is 13 & she jus had her baby... nd I dnt think it's a good idea to be having a baby so soon it seems all fine wen the baby iz inside you but... wen it comes out u have to feed it ery 2 hours nd sumtyes it wont stop cryin... (Я считаю, что подростковая беременность возмутительна...моей двоюродной сестре 13 лет, у неё уже есть ребёнок...но я не думаю, что это хорошо иметь ребёнка так рано. Всё кажется прекрасным, когда ребёнок внутри тебя, но...когда он появляется на свет, тебе приходится кормить его каждые 2 часа и иногда просто невозможно его успокоить...)* [6];

- *My own mother was a **teen mom** she had me at 16 it's sad...girls shoulnd't play around with stuff like that I'm just 13 & I know so many **teens** that are soon 2 be moms...but if that happened I think it's better to have a baby then not have it...I can't wait to see it (Моя собственная мамочка родила меня в 16 лет, это печально...девочкам не следует шутить таким образом. Мне только 13 лет, но я знаю много девочек моего возраста, которые тоже вскоре станут мамами...но если такое произойдет со мной, то я считаю, что лучше иметь ребенка, чем не иметь...не могу дождаться этого момента)* [6].

На наш взгляд, следующий текстовый фрагмент интересен тем, что представляет собой рассуждения юноши на тему первых свиданий и ранних браков:

- *...I say to you, my 'peers' **SLOW DOWN!**.. Every day that I go to school, I have to deal with the subject of "**teenage dating**." I'm not calling teenager who date evil, immoral or irreligious, but I'm calling them stupid. Are they ready for marriage? To work at being 'together forever'? I'm pretty sure most do not, since most **teenage marriages** fail. The fact that teenagers are fickle is no help either (...Я обращаюсь к вам, мои 'сверстники' **ОСТАНОВИТЕСЬ!**.. Каждый день я хожу в школу, и мне приходится сталкиваться с таким явлением, как «свидание подростков». Я не называю подростков, которые ходят на свидания, порочными, аморальными или неверующими, я называю их глупыми. Готовы ли они к браку? К работе над тем, чтобы быть 'вместе навсегда'? Я абсолютно уверен, что большинство ответит «нет», поскольку браки несовершеннолетних распадаются. Не спасает даже тот факт, что подростки очень непостоянны)* [7].

2.1. Юность → сильные эмоции. Для американской молодёжной лингвокультуры характерна связь концепта «юность» с концептом «сильные эмоции», представленная устойчивыми словосочетаниями, выражающими психосексуальные отношения подростков (4 текстовых употребления). К сильным эмоциям относятся такие понятия, как *teenage love* – *подростковая (первая) любовь* и *teenage angst* – *юношеская тревога*, поскольку в этот возрастной период все ощущения обострены до предела, одновременно появляются физическое желание любви и максимальное чувство неуверенности в себе из-за своего внешнего вида. Например,

- *...However, I'm annoyed by atmosphere, & that of "**teenage love**" is always in my face... (...Тем не менее, меня раздражает атмосфера, и то что «эта подростковая любовь» всегда происходит в моём присутствии...)* [7];

- *I truly think **teenage love** exists. Adults that didn't fall in love till they were, in fact, adults, will most likely dismiss it. However, some – like my mother, for instance, – don't dismiss **teenage love** (Я действительно думаю, что подростковая любовь существует. Кстати, те взрослые, которые не влюблялись в этом возрасте, никогда и не признают этого явления. Тем не менее, некоторые, как например, моя мама, не отвергают понятие подростковой любви)* [7];

- *...Your body is a / Naked canvas, / Governed by rivers of hormones / Pitching into lakes of / Rebellion / Quarried by **teenage angst**... (...Твоё тело, / подобно чистому листу, / управляется потоками гормонов, / впадающих в озёра протеста и неповиновения, / бьющихся в берегах юношеской тревоги...)* [7].

В текстах российских молодёжных журналов и Интернет-форумов подобные ассоциативные связи с эмоциональными концептами не выявлены.

Таким образом, для концепта «юность» характерна, прежде всего, ассоциативная связь с концептом «незрелое поведение». Юношеское незрелое поведение отличается от детской незрелости появлением таких вредных привычек, как употребление алкоголя, вождение автомобиля в нетрезвом виде и ранние сексуальные отношения. В американской молодёжной лингвокультуре метафорическая диффузность концепта «юность» выражена большим количеством ассоциативных связей, чем в русской лингвокультуре. Ассоциации с концептом «незрелое поведение» осуществляются посредством устойчивых выражений со словами *teen* и *teenage*, обозначающих действия, противозаконные в силу возрастных ограничений, или неодобряемые для данной возрастной группы психосексуальные отношения. В русском молодежном дискурсе подобных устойчивых выражений не обнаружено, а незрелость юности проявляется в инфантилизме и несоответствии принятым нормам поведения.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – С. 131-134.
2. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с. – С. 53-56.
3. Фомина Ж. В. Концептосфера «возраст» в русской и американской молодежных лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / ВГПУ, Волгоград, 2011. – 227 с.
4. Форум журнала «Yes» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yes.ru/forum> (дата обращения: 02.12.2009).
5. Форум журнала «Joy» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.joy.ru/forum> (дата обращения: 25.02.2010).
6. Форум журнала «J-14» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.j14.com/forum> (дата обращения: 13.02.2010).
7. Форум журнала «Teen Ink» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teenink.com/forum> (дата обращения: 25.02.2010).

References

1. Karasik V.I. Jazykovoï krug: lichnost', koncepty, discurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s. – S. 131-134.
2. Slyshkin G.G. Lingvoculturnye koncepty i metakoncepty: monografija. – Volgograd: Peremena, 2004. – 340 s. – S. 53-56.
3. Fomina Zh.V. Konceptosfera "vozzrast" v russkoi i amerikanskoi molodezhnyh lingvokulturah: dis. ... kand. filol. nauk / VGPU, Volgograd, 2011. – 227 s.
4. Forum zhurnala «Yes» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.yes.ru/forum> (data obrashhenija: 02.12.2009).
5. Forum zhurnala «Joy» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.joy.ru/forum> (data obrashhenija: 25.02.2010).
6. Forum zhurnala «J-14» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.j14.com/forum> (data obrashhenija: 13.02.2010).
7. Forum zhurnala «Teen Ink» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.teenink.com/forum> (data obrashhenija: 25.02.2010).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.060

Хадынская А.А.

Кандидат филологических наук, Сургутский государственный университет

ЭКФРАСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗА ЦАРСКОГО СЕЛА В ПОЭМЕ Н. ОЦУПА «ВСТРЕЧА»

Аннотация

В статье рассматривается специфика образа Царского Села в поэме Н. Оцупа «Встреча» в контексте традиций акмеизма в эмигрантском творчестве поэта. Выявляется экфрастическая природа образа, связанная с живописными и литературными аллюзиями. Живописный подтекст обращен к картинам художников «Мира искусства», родственных акмеизму установкой на синтез искусств. Отмечается своеобразие экфрасиса как способа изображения динамического пространства, анализируются литературный и исторический контексты образа в рамках ориентации поэтов-акмеистов на синтез слова и пластических искусств.

Ключевые слова: Н. Оцуп, традиции акмеизма, поэзия русской эмиграции, экфрасис, динамическое пространство, синтез искусств.

Khadynskaya A.A.

PhD in Philology, Surgut State University

ECPHRASIC NATURE OF IMAGE OF TSARSKOE SELO IN THE POEM OF N. OTSUP "MEETING"

Abstract

The article considers the specifics of the image of Tsarskoye Selo in the poem of N. Otsup "Meeting" in the context of traditions of acmeism in émigré work of the poet. Ecphrastic nature of the image, which is related to figurative and literary allusions, is revealed. Figurative subtext is addressed to the paintings of artists of "World of Art", which are related by settings to synthesis of the arts to the acmeism. Originality of ecphrasis as a method of depiction of dynamic space is noted, the literary and historical contexts of the image are analyzed as a part of the orientation of Acmeists poets in the synthesis of word and the plastic arts.

Keywords: N. Otsup, acmeism traditions, poetry of the Russian emigration, ecphrasis, dynamic space, arts synthesis.

Поэзия Николая Оцупа (1894-1958), одного из ярких представителей русского литературного зарубежья первой половины, во многом ориентирована на акмеистическую поэтику, особенно этим отличаются его первые эмигрантские произведения (сборник «В дыму» (1926) и поэма «Встреча», 1928)). Известно, что Н. Оцуп был близким другом и соратником Н. Гумилева, активным участником «Цеха поэтов». Его первый и единственный петербургский сборник «Град» (1921) имеет много перекличек с гумилевским творчеством и является ярким воплощением принципов «русской семантической поэтики» [1]. На акмеистическую природу и тесную в этом смысле связь сборника и первых эмигрантских опытов указывает, например, Е.А. Сафонова, отмечая при этом трансформацию основных акмеистических мотивов в творчестве Н. Оцупа 1920-30-х гг. [2]. Экфрастические пейзажи Н. Оцупа еще не были предметом отдельного литературоведческого изучения. С нашей точки зрения, эта особенность поэзии рассматриваемого автора нуждается в особом внимании, так как в своем зрелом творчестве поэт откажется от принципов «петербургской поэтики» и разработает свою концепцию персонализма, лежащую в религиозно-философской плоскости; тем ценнее для исследователя обнаружение акмеистических черт в его первых эмигрантских сборниках, когда еще была сильна «инерция» гумилевской установки на поэзию как на акт сотворения мира Словом и, следовательно, на способность этого слова «живописать» действительность.

Описание природы у акмеистов динамично, пейзаж сам словно пребывает в непрерывном движении благодаря изменению «фокуса», точки зрения лирического субъекта. Таким образом, пейзаж в контексте акмеистической

поэтики неразрывно связан с мотивом пути, путешествия. Путешествие как эстетический акт оказывается способом освоения и «присвоения» этого пространства. Для акмеистов важно, чтобы мир вокруг лирического героя из чужого стал родным, это реализуется через заполнение пустоты реалиями, близкими сердцу, отвечающими глубинным душевным ощущениям. Они, в свою очередь, должны быть связаны в памяти героя многочисленными ассоциативными нитями с прошлым и устремлены в будущее; таким образом, сознание лирического героя является своеобразной «точкой соединения времен» в одном пространстве.

Акмеистическая вера в созидательную силу Слова реализуется в описаниях статических объектов как динамических: «окаменелый» в своей зафиксированности пейзаж неожиданно обретает подвижность благодаря семантическим «проециям» в прошлое. Образно говоря, через картину, визуально ощущаемую лирическим героем, «просвечивает» целая галерея образов из минувших эпох, они наслаиваются друг на друга, причудливо перемежаются и дают удивительный оптический эффект стереоскопичности, когда картинка меняется в зависимости от угла зрения.

Словесная фиксация картин природы у акмеистов двойственной природы: с одной стороны, это попытка выразить словом объективную реальность, «данную нам в ощущениях», с другой – это поиски в собственной памяти родственных образов, выстраивающихся в сознании лирического героя в определенную культурную парадигму. Таким образом, акмеистическое путешествие являет собой перемещение по пространству памяти, воплощенное в экфрастических описаниях.

Склонность к подобному рода словесным картинам не раз отмечалась исследователями. На связь мотива путешествия и экфрастических картин в акмеистических текстах указывает, в частности Е.Ю. Куликова, исследовавшая динамические аспекты пространства в лирике представителей этого течения: «акмеистическая любовь к пространству, к его насыщенности, акмеистическая экфрастичность сродни жажде путешественника любоваться новыми картинами и описывать их» [3].

Экфрасис как издавна известный словесный способ описания произведений искусства активно используется акмеистами, реализуя тем самым идею синтеза искусств, общую для всей культуры модернизма. Экфрастический пейзаж становится у акмеистов особым видом словесного изображения, у которого, по сравнению с живописным «прототипом», качественно меняются основные параметры: из плоского оно становится объемным, из статичного динамичным, из зафиксированного во времени хронологически подвижным, из ограниченного рамой и выделенного из окружающего пространства практически безграничным и, наоборот, вписанным в него, ибо запечатленный образ является одновременно и принадлежностью сознания лирического героя, для которого, следуя известному поэтическому завету, «жизнь и поэзия – одно».

Один из ярких примеров обращения Н. Оцупа к экфрастическим описаниям мы найдем в поэме «Встреча» (1928). Она представляет собой цикл из шести стихотворений, каждое из которых имеет название, при этом четыре из них сами представляют собой микроциклы из текстов разного объема. Первая часть называется «Царское Село», она может быть воспринята как смысловой камертон к остальным частям, так как в ней отмечена отправная точка путешествия лирического героя и обозначены семантические доминанты. Это сакральное для русской культуры пространство акмеисты начали «обживать» с Н. Гумилева, учившегося в знаменитом царскосельском лицее и продолжившего в своей лирике царскосельские традиции своего учителя, признанного предтечу акмеистов И. Анненского. В этого момента описание петербургского пригорода стало общим местом акмеистической поэтики, и Н. Оцуп, таким образом, декларирует свою кровную связь с ней, органично вливаясь вместе с Ахматовой и Мандельштамом в общий строй «поэтов-царскоселов».

«Гений места» определил литературный аллюзивный ряд, от Пушкина до акмеистов, возникающий у читателя сразу при прочтении названия; к нему необходимо подключить и весь «петербургский текст», в рамках которого и сформировалась акмеистическая поэтика. В этом обширном контексте Н. Оцуп рисует свое полотно, постоянно апеллируя к известным литературным кодам. Первые строки представляют собой словно штрихами набросанный пейзаж, в мазках которого угадываются поэтические отсылки к разным авторам:

В невнятном свете фонаря,
Стекло и воздух серебра,
Снежинки вьются. Очень чисто
Дорожка убрана. Скамья
И бледный профиль гимназиста.

Odi profanum... Это я. [4]

«Фонарь», данный в снежном обрамлении и холоде (далее в тексте)

- явный намек на Блока, лирический герой в облике гимназиста и дорожка – ахматовский «смуглый отрок» на аллеях, зимняя тема поддерживается аллюзией на стихотворение Мандельштама «Поедем в Царское Село!», 1912-1927: у которого «на деревьях – клочья ваты»; а также блоковской «ледяной рябью канала» из знаменитого «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» и ахматовской строчкой о холодном и белом «мраморном двойнике» из цикла «В Царском Селе» (1911).

Латинское начало шестой строки – первые слова фразы «Odi profanum vulgus et arceo» («Я ненавижу непосвященную чернь и держу себя вдали от неё») – отсылает к большому аллюзивному пласту. Строки из оды Горация коррелируются с пушкинским контекстом через его «Памятник» – поэтическое переложение самой известной оды римского поэта, эпитафией к которому, как известно, служит другая горацианская строка; в это же смысловое поле можно внести стихотворение Пушкина «Поэт и толпа» (1828 – ему ровно сто лет на момент написания поэмы Оцупа в 1928!) с эпитафией «Procul este, profani! Прочь, непосвященные!» (цитата из Вергилия, восклицание жреца из 6-ой песни «Энеиды») [5]. Пушкинская тема подчеркнута в поэме и экфрастическим описанием памятника поэту в Царском Селе, что является излюбленным приемом у акмеистов (Ахматова, ранний Г. Иванов и пр.):

Стоит скамья на пьедестале, –
 Лучи не тронули кудрей
 И отдыхающей ладони
 Поэта...

Как известно, Пушкин изображен лицеистом, и одним из активных инициаторов сбора денег на памятник по подписке был И. Анненский, преподававший в Царскосельском лицее; его имя Оцуп упомянет в последнем стихотворении микроцикла.

С «гимназистом» в стихотворении также связана тема ученичества (в акмеистическом преломлении – ремесла, отсылка к гумилевским «штудиям»). Здесь становится актуальным автобиографический момент: Оцуп учился в этом же царскосельском лицее («...Это я»), обязательной частью в программе которого, несомненно, были римские поэты и Пушкин. Позже его учеба продолжилась в «Цехе поэтов» у мэтра (упоминание о нем появится в четвертом стихотворении – «Ты слушаешь советы метра», но в другом контексте: героиня учится кататься на лыжах).

При создании экфрасических описаний Оцуп пользуется блоковским номинативным приемом, «останавливающим время»: фонарь, дорожка, скамья, гимназист – этим подчеркивается статичность изображения. Но, по принципу акмеистического экфрасиса, статичное неожиданно приходит в движение: «стекло и воздух серебра, / Снежинки выются...»). Далее динамизм нарастает, появляется «летающий час», «времени поспешный бег», «бесшумно пролетает снег». В первом стихотворении цикла дана «точка отсчета», откуда время начало свое движение («первый холод мирозданья»). Это и начало мира («пробуждение в плену» – весна, сменяющая зиму), и начало жизненного пути (гимназист, ученичество), и начало истории («все до конца и до истока»).

Пейзаж у Оцупа синтетического свойства: слово выступает в сложном единстве с живописью, к вербальному воплощению добавляются визуальные проекции к картинам различных художников. Из акмеистического контекста его творчества мы можем предположить, что живописным «прототипом» экфрасических картин послужило творчество художников объединения «Мир искусства», очень близких по эстетическим установкам этому поэтическому течению. Программным журналом этого направления стал «Мир искусства», издававшийся на деньги С. Мамонтова и М. Тенишевой с 1898 по 1904 г. После окончания его деятельности традиции продолжил «Аполлон», издававшийся С. Маковским; журнал давал на своих страницах слово не только художникам, но и поэтам-акмеистам, Н. Гумилев вел там постоянную рубрику «Письма о русской поэзии». Предпочитая всем живописным техникам графику, художники «Мира искусства» исходили из ее возможности контуром подчеркнуть заданность узора и усилить декоративный характера рисунка, тем самым актуализируя его синтетичность. В творческую задачу мирискусников входило объединение всех видов пластических искусств, их синтез давал большие возможности для расширения языка живописи. Установка на нарочитую декоративность объясняет в творчестве художников этого объединения «тяготение к синтезу различных видов и жанров искусства: соединению в одной композиции пейзажа, натюрморта, портрета или «исторического этюда»; включение живописи, скульптуры, рельефа в архитектуру, стремление использовать новые материалы, «выход» в книжную графику и музыкальный театр» [6]. Ориентация на западное искусство принципиально противопоставляет их творчество отечественной академической школе и реалистическому искусству передвижников, этим продиктован поиск западных идей в русской истории. Историческая стилизация становится в их творчестве доминирующим приемом, отсюда возникает тема Петербурга, деяний Петра и его потомков, что вводит живопись мирискусников в так называемый «петербургский текст» русской культуры. Главный идеолог художников А. Бенуа в своем большом исследовании «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» (1910) вводит в культурный оборот эстетику русского XVIII века, дворцовые сценки из которого стали частыми сюжетами на полотнах художников. Русская же тема возникает в связи с поисками «национального стиля», отсюда обращение мирискусников к фольклору (творчество представителей абрамцевского кружка И. Билибина, В. Васнецова, С. Малютина, М. Врубеля). Таким образом, поэты-акмеисты и мирискусники входили в общий культурный круг, были знакомы друг с другом, тесно общались и имели одинаковые эстетические установки.

В экфрасических картинах Оцупа литературные и живописные аллюзии находятся в причудливом переплетении. Второе стихотворение в первом микроцикле рисует перед нами картину прихода весны:

Чуть зрима ранняя весна.
 Сады готовы к новоселью
 Летящих издали грачей.
 В снегу дорогой потаенной
 К вокзалу крадется ручей... [Оцуп, с. 79]

Живописные «цитаты» отсылают нас к распространенному пейзажному сюжету ранней весны у мирискусников и близких к ним художников: В. Пурвит «Последний снег» (1898); К. Коровин «Весна» (1915); Л. Туржанский «Весна» (1917); К. Юон «Весенний вечер. Ростов Великий» (1906), «Весна в Троицкой лавре» (1911), «Мартовское солнце» (1915); И. Грабарь «Мартовский снег» (1904) и пр. Картины и стихотворный пейзаж сближают общие детали (протаявшая сквозь снег дорога, ручьи, безлистные деревья, графично выделяющиеся на фоне прозрачного неба), общее настроение радостного пробуждения природы. Мирискусники, хотя и декларировали иную эстетическую позицию, в пейзажной живописи во многом ориентировались на картины своих предшественников-реалистов, и в зарисовке Оцупа грачи явно такого происхождения: обнаруживается четкая проекция на серию весенних картин А. К. Саврасова («Грачи прилетели» (1871). «Весенний день» (1873), «Ранняя весна. Оттепель» (1880-е).

Далее у Оцупа следует фраза «Карета золотой короной / Блеснула вдоль оранжерей», отсылающая нас к исторической теме Царского Села как резиденции русских императоров, к интерпретации ее в картинах К. Сомова (серия «галантных» картин на русскую и версальскую темы), Е. Лансере («Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе», 1905), А. Бенуа («Русская серия», 1907-1910). (К слову, А. Бенуа, как и Оцуп, в 1926 году стал парижским эмигрантом). Императорская тема поддержана казачьей в третьем стихотворении первого микроцикла и

перекликается с картинами А. Бенуа «Парад при Павле I» (1907) и «Выход Екатерины II в Царскосельском дворце» (1907) из упомянутой «Русской серии»:

И вновь казак, как кошка ловкий,
Летит с веселием в лице,
И панорама джигитовки
Все оживленной. На крыльце
За императором движенье
Плюмажей, шапок, эполет... [Оцуп, с. 80]

Этот эпизод как весьма удачный отметил Ю. Терапиано в рецензии на поэму Оцупа: «С большим формальным мастерством сделана джигитовка в «Царском Селе» [7]. За формальность, как теперь становится понятно, была принята экфрастичность, желание автора запечатлеть в слове динамичную картинку, это подчеркивается употреблением глаголов в настоящем времени, перечислительным рядом, словом «панорама» как предложенным «кинематографическим» способом обзора.

В следующей строфе изображение резко меняется: в памяти лирического героя возникают образы, заслонившие золотой век русского дворянства: «Ночь. Ветер. Немана теченье, / И часового силуэт. / И повелительней, и глуше, / Чем трубы мирных трубачей, / Гортанный грохот батарей...». Тревожное военное время охватывает родину пламенем, в образах ночи и ветра отчетливо прослеживается блоковская тональность гибели мира, и вот уже «Сквозь тягостный и плотный дым / Все тягостней и бесполезней / Мерцает Царское Село». Дорогую сердцу лирического героя картину из воспоминаний заволакивает дымом (частый образ у Оцупа, «В дыму» – так он назвал свой первый эмигрантский сборник, насыщенный образами ушедшей петербургской жизни), изображение, некогда цельное и прекрасное в своей цельности, раскалывается, дробится и тем самым оказывается обречено на гибель: «Лежат в покое неживом / Дворец, аллеи, изваянья, / И дым, растущий день за днем». «Конец прекрасной эпохи» видится Оцупу акмеистически-архитектурно, как разрушение здания искусства, замирание движения. У Г. Иванова есть сходные строки из «Дневника»: «На осколки жизнь разбивается». В этом же сборнике у поэта есть вторящие Оцупу стихи на царскосельскую тему, с этой же идеей гибели великой императорской России, решенные в сходном экфрастическом ключе, только написаны они в 1956 году, и увеличенная временная дистанция добавляет в контекст темы горькую иронию:

Кавалергардский или Конный полк –
Литавры, трубы, боевая слава,
Простреленных штандартов дряхлый шелк,
Ура... Ура!.. Равнение направо!..
И Государь, в сияньи, на коне...
Кругом ни шороха, ни дуновенья...

...Так издали рисуются - не мне! –
Империи последние мгновенья [8].

В последнем стихотворении микроцикла лирический герой ощущает себя последним поэтом ушедшей великой эпохи, репрезентированной в образе Царского Села. Классическая тема поэта в кабинете решена у Оцупа в элегических тонах. Письменный стол и рукопись становятся средоточием истории, откуда поэт обращается и к предкам, и к потомкам:

Предчувствуя еще в прихожей
Свои же строки, в кабинет,
На сумрак Рембрандта похожий,
О, не последний ли поэт
Вносил с собой и шорох сада
Екатерина, и страх
Бесцветной жизни...

Сравнение кабинетного полумрака с изображением сумерек у великого Рембрандта еще раз подчеркивает экфрастическую природу культурных образов у Оцупа, их акмеистическое происхождение.

Таким образом, тема Царского Села решена у Н. Оцупа в экфрастическом ключе и апеллирует к живописному контексту мирискусников, демонстрируя свойственную поэтам акмеистической направленности ориентацию на синтез слова и пластических искусств. Пейзажная зарисовка приобретает у Оцупа динамичность благодаря своей исторической и литературной проекции, в них поэт реализует генеральную акмеистическую идею жизни культуры в Слове.

Литература

1. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. Russian Literature. – Vol. 7/8. – 1974. – p.47-82.
2. Сафонова Е.А. Поэзия Н.А. Оцупа 1918–1930-х годов в культурно-историческом контексте: темы, мотивы, образы. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2015. – 22 с.
3. Куликова Е.Ю. Динамические аспекты пространства в лирике акмеистов: лейтмотивная поэтика: дис. докт. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – С. 20.
4. Оцуп Н.А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. 616 с. (здесь и далее цитаты по указанному источнику, С. 78-81).
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 тт. – Т. III. – Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1977. – С. 443.

6. Мир Марины Цветаевой. Серебряный век [Электронный ресурс] URL: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/silverage/painter/miriskusstva.html> (дата обращения 29.03.2016).

7. Терапиано Ю. Рецензия на поэму Н.Оцупа «Встреча». Париж, 1928. // Терапиано Юрий. Встречи. 1926-1971. – Москва: Intrada, 2002. – С. 269-271.

8. Иванов Г.В. Собрание сочинений в 3-х тт. – Т. 1. – М.: «Согласие», 1994. – С.545.

References

1. Levin Y. I. Segal D. M. Timenchik R. D. Toporov V. N. Tsivyan T. V. Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsialnaya kulturnaya paradigm. – Russian Literature. – Vol. 7/8. – 1974. – p.47-82.

2. Safonova E. A. Poeziya N. A. Otsupa 1918-930-h godov v kulturno-istoricheskom kontekste temy motivy obrazy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Tomsk, 2015. – 22 s.

3 Kulikova E. Y. Dinamicheskie aspekty prostranstva v lirikeakmeistov leytmotivnaya poetika: dis. dokt. filol. nauk. – Novosibirsk, 2011. – S. 20.

4 Otsup N. A. Okean vremeni: Stihotvoreniya; Dnevnik v stihah; Statii vospominaniya. – SPb, Izdatelstvo “Logos”; Dyusseldorf “Goluboy vsadnik”, 1993.– 616 s. (zdes i dalee tsitaty po ukazannomu istochniku S. 78-81)

5 Pushkin A. S. Sobranie sochineniy v 10 tt. – Т. III. – Izdatelstvo “Nauka”, Leningradskoe otdelenie, Leningrad, 1977. – S. 443.

6 Mir Mariny TSvetaevoy Serebryanyy vek [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/silverage/painter/miriskusstva.html> (data obrashcheniya 29.03.2016)

7 Terapiano Y.U. Retsenziya na poemu N. Otsupa “Vstrecha”. – Parizh, 1928. / Terapiano Yuriy, Vstrechi. 1926-1971. – Moskva: Intrada 2002. – S 269-271.

8 Ivanov G. V. Sobranie sochineniy v 3-h tt. – Т. 1. – М.: “Soglasie”, 1994. – S. 545.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.057

Халина Н.В.¹, Валюлина Е.В.²

¹ ORCID: 0000-0002-1825-0097, Доктор филологических наук, ² ORCID: 0000-0002-1825-0023,

Кандидат филологических наук, Алтайский государственный университет

СПАЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И СПАЦИАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ШОС

Аннотация

В статье рассматриваются основания когнитивной интеграции стран, образующих системы взаимодействия в рамках конгломерации азиатских территорий ШОС. В качестве среды общительности рассматривается медиакультурная среда, единицей организации и функционирования которой признается когнитивная архитектура, сопоставимая с языковым ансамблем, – единица нормативно-организованного языка, основанного на целостном выборе и комбинировании элементов когнитивных семантик стран ШОС.

Ключевые слова: спациальная когниция, спациальное знание, языковые ансамбли, когнитивная семантика, медиакультурная среда.

Khalina N.V.¹, Valulina E.V.²

¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, PhD in Philology,

²ORCID: 0000-0002-1825-0023, PhD in Philology, Altai State University

SPATIAL KNOWLEDGE AND SPATIAL COGNITION AS FOUNDATION OF LINGUISTIC INTEGRATION OF SCO COUNTRIES

Abstract

The article discusses the foundations of cognitive integration of the countries forming the system of interaction within a conglomeration of Asian territories of the SCO. As communication environment is considered mediaculture environment, the unit of organization and functioning which recognizes cognitive architecture, comparable with the language piece, is the unit of normative-organized language based on holistic select and combine elements of cognitive semantics of the SCO countries.

Keywords: spatial cognition, spatial knowledge, language groups, cognitive semantics, mediaculture environment.

Создание союзов различных государств, обусловленное требованиями существования в современном информационно-коммуникативном пространстве, предполагает интеграцию культурных семантик этносов, аксиологических систем и языковых компетенций. Объектом нашего рассмотрения в качестве комплексного интегрированного единства является ШОС – Шанхайская организация сотрудничества, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

Главными задачами этой организации были провозглашены: укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия и пр. Плодотворное и результативное сотрудничество государств, на наш взгляд, возможно лишь при условии синтеза когнитивных семантик этносов, интегрированных в «союзную» систему. Основным средством интеграции когнитивных семантик этнических систем ШОС мы полагаем медиатексты, формирующие интегративную евразийскую медиакультуру и особую спациальную когницию.

Параметры интегративной медиакультурной среды ШОС определяются, в том числе, правительственными газетами стран ШОС «Женьмин Жибао» (Китай), «Российской газетой» (Россия), «Егемен Казакстан» (Казахстан, на казахском языке), «Казахстанской правдой» (Казахстан), «Народной газетой» (Таджикистан), «Джумхурият», «Садои мардум» (Таджикистан, на таджикском), «Словом Кыргызстана» (Киргизия), «Кыргыз туусу» (Киргизия, на киргизском языке), «Правдой Востока» (Узбекистан).

Существование в виртуальной среде, к которой следует отнести медиакультурную среду, Ф. Тёрнер и С. Тёрнер связывают с особенностями навигации, определяемыми специальной когницией [1] в системе лексических единиц и синтаксических конструкций. Лексические единицы и синтаксические конструкции являются основой для «языковых ансамблей», являющихся носителями ценностной информации. Подобные языковые ансамбли, по определению М.П. Брандес, в совокупности образуют «употребленный язык», представляющий собой нормативно-организованный язык, основанный на целостном выборе и комбинировании языковых средств с целью кодирования ценностной информации [2].

Исследование медиакультурной среды ШОС свидетельствует о наличии в правительственных газетах стран ШОС особых языковых ансамблей, которые могут стать базой для создания особой аксиологической системы, синтезирующей когнитивные культурные семантики стран ШОС и масштабирующей семантическую, виртуальную, среду этих стран.

Масштаб среды, как считают авторы монографии «Коннективистика», задается правилами размещения лингвистического знака в сообщении и информационном потоке, что влияет на принципы преобразования информационного потока в тексты, а затем события, факты и обстоятельства жизни [3]. Одна и та же информация может получить различное синтаксическое и лексическое оформление, что обусловлена дифференциальными признаками когнитивных семантик. Медiateкст в информационно-коммуникационном обществе обладает признаками технологического артефакта и качествами произведения искусства, синтез которых осуществляется посредством специальной когниции. Выделенные качества медийного текста особо актуальны для евразийской когнитивной семантики и собственно когнитивных семантик стран азиатского региона, к числу которых относятся и страны ШОС.

В. Беньямин определил рубеж XIX и XX вв. как начало эпохи технической воспроизводимости, в которую произведение искусства становится, из-за абсолютного преобладания его экспозиционной ценности, новым явлением с совершенно новыми функциями [4].

Возможно, техническая воспроизводимость задает и направление познавательного процесса, ориентированного на состояние «здесь-и-сейчас», так называемого перформативного поворота, начало которому положила теория представления, разработанная, прежде всего, в исследованиях К. Бёрка, а затем В. Тёрнера, И.Гофмана, К. Гирца, антрополога М. Лериса, философа Дж. Остина, основателя советской семиотической школы Ю.М. Лотмана.

Уход от решения новых задач восприятия, возможность некоторые задачи, равно проблемы, решать в расслабленном состоянии неизбежно влияет на манеру и технологию использования языковых средств для поддержания коммуникации и параметров среды общительности.

Среда общительности стран ШОС детерминируется прежде всего специальной когницией и специальным знанием. Многие исследования в области специальной когниции сфокусированы на понятии когнитивного мэппинга, который может рассматриваться как процесс, посредством которого осуществляется когнитивная репрезентация среды [1]. Когнитивная карта может быть сопоставима с картой когнитивной репрезентации среды. Ф. Тёрнер и С. Тёрнер приходят к выводу, что все множество существующих определений когнитивных карт – поступающая в мозг, тщательно переработанная в опытные/пробные/экспериментальные когнитивные карты, размечающие маршруты и тропинки информация и средовые отношения (Толман, 1948) [5]

Когнитивная карта идентифицирует три принципиальных атрибута: когнитивные карты подобны картам в голове, когнитивная карта подобна сети, когнитивная карта подобна каталогу маршрутов (Куипер, 1978) [6], когнитивные карты сети, связей стимул-отклик-стимул, даже инструкции празднующемуся (О'Киф и Надель, 1978) [7], с точки зрения компаративного психолога когнитивный мэппинг – объяснение того, как животные перемещаются в мире, в большей степени - это метафорическая утверждение, установление о том виде информации, которую они собирают и как они ее организуют (Мэнзель, 1987) [8], внутренние репрезентации среды, ее метрических свойств и топологических отношений между разметками (Дэнис, 1991) [9] не создает эмпирически обоснованных моделей аспектов специальной когниции, которые бы могли быть использованы в качестве теоретического базиса для изучения виртуальной реальности. Однако модель, предлагаемая Трондайком и Хайэз-Руфом (1982) [10], представляется полезной для последнего.

Специальное знание, получаемое от свободного использования среды, в значительной степени отличается от специального знания, извлекаемого из изучения когнитивных карт. Специальное знание, получаемое на основе свободного использования среды, является процедурным. Это знание, каким образом добраться из одного пункта в другой, знание, становящееся более детализированным. Последовательный учет маршрута с расширяющимся обращением к среде предполагает дальнейшее развитие, что делает понимание следования и движения в среде общительности понятным. Эта понятийная доступность и динамическая заданность маршрута может быть отнесена к манипуляции в аспекте когнитивных карт, которые позволяет индивиду «видеть» через препятствия. Необходимость масштабирования среды предполагает наличие специальных знаний, которые формируются на базе специальной компетенции и обуславливают особые типы использования языка с ориентацией на культурную когнитивную семантику.

Представитель американской школы критического анализа языка (Йельская школа) Поль де Ман разграничивает перформативный и когнитивный типы использования языка [11]. Следствием признания этих типов использования языка становится возможность двойной перспективы чтения в контексте смыслообразующей интенциональности и иллюкативного единства речевого действия.

Смыслообразующая интенциональность, связанная с когнитивным типом использования языка, соотносится при осуществлении современных коммуникационных процессов с функциональным регистром общества *knowledge management* (управление знаниями). Питер Ф. Друкер [12] полагает, что в области технологий управления знанием собственно под знанием следует понимать неформализуемое представление конкретного человека о явлениях и закономерностях окружающей среды, полученное им в процессе приспособления к ней.

Когнитивный подход общепринято подходит к этому сотрудничеству как к «поучительным взаимодействиям» [13], в которых «получатель» принимает состояние, определенное состоянием отправителя, как передаваемое через «сообщение». Данная точка зрения на язык концентрируется на «денотативной системе символических коммуникаций, состоящей из слов, которые обозначают сущности без области, в которой эти сущности могут существовать» [13 : 50].

Таким образом, рыхлость, структурная нежесткость языка мотивирована принципами его осуществления, которые, в конечном итоге, определяются передаваемым отправителем через «сообщение» состоянием. Актуальными становятся единицы коммуникации, обозначающие субстанции, явления, предметы без области, в которой эти субстанции, явления, предметы могут существовать.

Когнитивно-синтаксические архитектуры, обеспечивающие навигацию в семантической, виртуальной и лингвистической средах. Подобные единицы составляют базовый лексикон языковой личности, на основе которого лингвистический разум конструирует концептуальные каркасы для векторного движения семантической среде. С помощью этих единиц осуществляется лингвистическая разметка семантического пространства и виртуальной среды, их масштабирование. Результатом является конструирование «мира пространства»

Нас интересуют ранние определения когнитивных архитектур [14, 15], согласно которым они трактовались как объединение научных гипотез о тех аспектах когниции человека, которые относительно константны во времени и относительно независимы от задания.

Архитектуры, как считает М. Байрн [16], обеспечивают знанием, необходимым для решения особых задач. Соединение архитектуры и особой группировки знания рассматривается как модель. В целом возможно конструировать более одной модели для решения любой особой задачи. Специфическое знание, инкорпорируемое в особую модель, детерминировано конструктором. Это обусловлено тем, что релевантное знание должно поддерживать архитектуру, задание по инжинирингу знания заставляет конструктора моделировать представления для очень сложных задач и систем.

ШОС следует рассматривать как сложную систему для благоприятного функционирования которой необходимо решения не менее сложных задач не только лингвистической интеграции пространства взаимодействия, но и разработки особых когнитивных архитектур на основе специального знания и специальной когниции.

Литература

1. Turner P., Turner S. Distance estimation in minimal environments. Paper presented at the Proceedings of the 4th. UK Virtual Reality Special Interest Group Conference. – Uxbridge, 1997
2. Брандес М.П. Стиль и перевод. – М., 1988.
3. Халина Н.В., Внучкова Т.Н., Пушкарева И.А., Серова Е.В., Бунчук О.М., Хребтова Т.С., Столярова Н.Н., Злобина Ю.И. Коннективистика. – Барнаул, 2011.
4. Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Бенъямин В. Избранные эссе. – М., 1996. – С. 66-91.
5. Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men // Image and Environment, Cognitive mapping and spatial behaviour. – Chicago, 1948.
6. Kuipers B. Modelling spatial knowledge // Cognitive Science, 2. – 1978. – Pp.129-153.
7. O'Keefe J., Nadel L. The hippocampus as a cognitive map. – Oxford, 1978.
8. Menzel E. W. Cognitive mapping in chimpanzees // Cognitive Processes in Animal Behaviour. – Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, NJ. – 1978.
9. Denis M. Image & Cognition. – Harvester Wheatsheaf, London, 1991.
10. Thorndyke P. W., Hayes-Roth B. Differences in spatial knowledge acquired from maps and navigation. Cognitive Psychology, 14. – 1982. – Pp.560-589.
11. Поль де Ман. Слепота и прозрение. – СПб., 2002.
12. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. – М., 2001.
13. Maturana H. Cognition // Wahrnehmung und Kommunikation. – Frankfurt: Lang, 1978. – Pp. 29-49.
14. Gray W. D., Young R. M., Kirschenbaum, S. S. Introduction to this special issue on cognitive architectures and human-computer interaction// Human-Computer Interaction, 12. – 1997. – Pp. 301-309.
15. Ritter F. E., Young, R. M. Embodied models as simulated users: Introduction to this special issue on using cognitive models to improve interface design // International Journal of Human-Computer Studies, 55. – 2001. – Pp. 1-14.
16. Byrne M.D. Cognitive architecture // Human-Computer Interaction Handbook. – Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – Pp.97-117.

References

1. Turner P., Turner S. Distance estimation in minimal environments. Paper presented at the Proceedings of the 4th. UK Virtual Reality Special Interest Group Conference. – Uxbridge, 1997
2. Brandes M.P. Stil' i perevod. – M., 1988.
3. Halina N.V., Vnuchkova T.N., Pushkareva I.A., Serova E.V., Bunchuk O.M., Hrebtova T.S., Stolyarova N.N., Zlobina YU.I. Konnektivistika, Barnaul, 2011.
4. Ben'yamin V. Proizvedenie iskusstva v ehphohu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti // Ben'yamin V. Izbrannyye ehssy. – M., 1996. – S. 66-91.
5. Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men // Image and Environment, Cognitive mapping and spatial behaviour. – Chicago, 1948.
6. Kuipers B. Modelling spatial knowledge // Cognitive Science, 2. – 1978. – Pp.129-153.
7. O'Keefe J., Nadel L. The hippocampus as a cognitive map. – Oxford, 1978.
8. Menzel E. W. Cognitive mapping in chimpanzees // Cognitive Processes in Animal Behaviour. – Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, NJ. – 1978.

9. Denis M. Image & Cognition. – Harvester Wheatsheaf, London, 1991.
10. Thorndyke P. W., Hayes-Roth B. Differences in spatial knowledge acquired from maps and navigation. Cognitive Psychology, 14. – 1982. – Pp.560-589.
11. Pol' de Man. Slepota i prozrenie. SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya», 2002.
12. Druker P. F. Zadachi menedzhmenta v XXI veke, M., «Vil'yams», 2001/
13. Maturana H. Cognition // Wahrnehmung und Kommunikation. – Frankfurt: Lang, 1978. – Pp. 29-49.
14. Gray W. D., Young R. M., Kirschenbaum, S. S. Introduction to this special issue on cognitive architectures and human-computer interaction// Human-Computer Interaction, 12. – 1997. – Pp. 301-309.
15. Ritter F. E., Young, R. M. Embodied models as simulated users: Introduction to this special issue on using cognitive models to improve interface design // International Journal of Human-Computer Studies, 55. – 2001. – Pp. 1-14.
16. Byrne M.D. Cognitive architecture // Human-Computer Interaction Handbook. – Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – Pp.97-117.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IJR.2016.46.210

Абдулаева Э.С.

ORCID: 0000-0001-7877-3853, Кандидат философских наук, Чеченский государственный университет
МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОЙ ТОЛПОЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

Автор в статье раскрывает универсальные механизмы управления агрессивной толпой, существующие в современном мире. Понимание причин манипуляции позволяет выявить механизмы управления агрессивной толпой. Подобное знание является актуальным для многих сфер человеческой жизнедеятельности современного мира. Однако, автор отмечает, что полностью избавиться от всех способов манипуляции невозможно, так как часто это выгодно самим людям, но минимизировать негативные последствия и сохранить личностные индивидуальные качества вполне реально.

Ключевые слова: толпа, личность, агрессия, харизма, манипуляция, общество, социальное недовольство.

Abdulaev E.S.

ORCID: 0000-0001-7877-3853, PhD in Philosophy, Chechen State University

MECHANISMS OF MANAGEMENT OF AGGRESSIVE CROWD IN MODERN SOCIETY

Abstract

The author in the article reveals the universal aggressive crowd control mechanisms that exist in the world today. Understanding the causes of manipulation reveals the mechanisms for managing the aggressive crowd. Such knowledge is relevant to many areas of human life of the modern world. However, the author notes that to get rid of all the ways of manipulation impossible, as often it is beneficial to the people themselves, but to minimize the negative impacts and maintain the quality of an individual personality is quite real.

Keywords: crowd, person, aggression, charisma, manipulation, society, social discontent.

Как известно, любое массовое скопление людей может перерасти в агрессивную толпу при «благоприятных» факторах. В агрессивной толпе «человек опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации» [1, с. 117], теряя свои личностные особенности. Необходимость в знании как нивелировать и управлять агрессивной толпой сегодня актуально во всех сферах общественной деятельности. Подобное знание предотвратит манипуляцию людьми.

Целью исследования является изучение механизмов управления агрессивной толпой. Для раскрытия цели были сформулированы следующие задачи:

- изучить причины, вызывающие агрессивную толпу;
- рассмотреть существующие механизмы управления агрессивной толпой.

Как, известно толпу могут создать целенаправленно. Очень важно понять причину манипуляции, выявить цель. Ведь по большому счету нами всегда кто-то манипулирует, но как это происходит, кто является «главным», насколько лидер вызывает доверие, причины вызывающие стихийную толпу, - эти вопросы позволяют предупредить «растворение» личности в толпе.

Если рассмотреть историю человечества с древнейших времен, то мы увидим, что во главе племени, общества становились личности не всегда одаренные умом, но обладающие харизмой, умением манипулировать. Как правило, ими выступали мужчины. Скорее на подсознательном уровне уже заложена информация, что мужчина-самец главный. Часто ими становились личности с психическими отклонениями. Их фанатичная вера и убежденность в своих словах и решениях «заражала» толпу, напоминаящую младенца, стремящегося к уверенности старшего.

Но в современном мире мы можем говорить и о хладнокровном расчете и политической, информационной игре сторон, стремящихся искусственно создать негативное мнение на определенную тему, провоцируя создание агрессивной толпы.

Основными причинами также выступают социально-экономические проблемы в обществе, длительное психологическое напряжение людей и чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия и экологические катастрофы). Агрессия людей в толпе является способом разрядки накопившихся негативных эмоций. Отметим, что под влияние толпы может попасть как образованный человек, так и не получивший образование.

Рассмотрим основные существующие механизмы управления агрессивной толпой:

- переключение внимания на другой объект. Человек не может концентрировать психическую силу достаточно долго на нескольких предметах одновременно. Он постарается или исключить раздражающий дополнительный объект (что опасно), или перестанет быть частью толпы, так как его внимание будет рассеяно.

- Обращение к гражданам с целью деанонимизации граждан, то есть объявление по средствам связи информации, что ведется видеонаблюдение;

- исключить влияние лидера и активных «двигателей», то есть ликвидировать причину аффекта, из-за которой возникла стихийная толпа. Толпа как ребенок теряет своего «родителя», тем самым перестает быть опасной, становится пассивной и рассеивается сила аффекта. Индивид при определенном условии чувствует, мыслит и действует иначе, чем этого можно было бы ожидать, и этим условием является приобщение к человеческой толпе, которая приобрела качество психологической массы. До сих пор остается важным и интересным вопрос об изменении поведения человека в толпе и об особенностях поведения толпы. Индивид в толпе совершает такие вещи, от которых он отвернулся бы в своих обычных жизненных условиях.

Конечно, перечисленные меры общеизвестны и носят больше профилактический характер. Безусловно, важнее не допускать случая возникновения агрессивной толпы. И этому способствуют: чувство уверенности в завтрашнем дне у людей, своевременный отдых, объективная, не дозированная информация. Современные люди чаще всего выбирают развлекательные каналы для того, чтобы расслабиться после трудового дня. И это нормально.

Но вопрос в том, насколько объективную получает информацию такой человек об окружающем его мире, его знания поверхностны и сформированы в лучшем случае профессионалом-аналитиком, в худшем - «звездой» высказывающей свое мнение по определенному вопросу. Страдает критичность мышления. Отсутствует длительная концентрация внимания на определенной теме. Многие составляют поверхностное суждение, не имеющее под собой логическое основание, «приправляют» его эмоциональной, артистичной подачей.

Современная массовая культура проецирует шаблоны поведения в общественных местах. Как, правило, знаменитые люди выступают таким эталоном поведения и являются своего рода их распространителями. Ведь часто людей толпы волнует личная жизнь известного певца больше, чем его творчество. С другой стороны, интересоваться объектом, который поразил нас своим талантом, естественно. Опять же идет речь об искусственном создании ажиотажа и постоянном напоминании через телевидение не значащей информации, тем самым создавая определенную реакцию. Образы, вызванные в «душе толпы», по своей значимости равны для нее реальным событиям[2].

Многие политические лидеры используют склонность к мифологизации толпы для своих амбициозных целей. Толпа как маленький ребенок нуждается в сказках. И она их периодически получает. Возбуждая низменные инстинкты через «зрелища» мы получаем нужное нам поведение, конформное и управляемое. Сегодня массовой популярностью пользуются фильмы и книги жанра фэнтези. Человек современной культуры настолько устал от «зрелищ», что реальность его не привлекает, она скучная, кардинально отличается от выдуманных им, или, скорее всего, внушенных ему сценариев.

Таким образом, мы пришли к заключению, что часто причинами возникновения агрессивной толпы может послужить и незначительный на наш взгляд повод, который вызовет на заранее «подготовленной почве» негативный эффект. Причину также можно искусственно создать, так как всегда найдутся не довольные политической, экономической ситуацией в стране и психически больные люди.

Впрочем, как мы отметили выше, то игнорирование реальности, может привести человека в измененное состояние сознания, когда он может в подобном состоянии совершить убийство. Самый разумный выход, не допускать возникновения такого явления, как агрессивная толпа. А для этого нужно устранить долговременные условия, создающие чувства социальной напряженности и безысходности. Если происходят какие-либо события, которые могут спровоцировать появление агрессивной толпы или толпа начинает собираться, то необходимо принимать срочные меры информационного, организационного и тактического плана к недопущению концентрации большого количества людей в одном месте.

Массы можно создавать, контролировать и разрушать вполне целенаправленными действиями и тогда, когда это нужно. Знания, касающиеся массовой психологии, как и любые достаточно серьезные знания на свете таят в себе много возможностей и угроз их применения. И в зависимости от того, кто или что воспользуется этими знаниями, зависит стабильность и развитие всего общества, жизнь отдельных людей, из которых и состоит общество.

Литература

1. Лебон Г. Психология толпы. - М.: Королев, 2000.
2. Психология господства и подчинения: Хрестоматия. - Минск, 1998.

References

1. Lebon G. Psychology crowd . - M .: Queens 2000 .
2. The psychology of domination and subordination : A Reader. - Minsk , 1998 .

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.260

Вздорова Л.П.

ORCID: 0000-0002-8524-528X, соискатель, Южный Федеральный Университет,
кафедра уголовного процесса и криминалистики

ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД: ОБРАТИМОСТЬ СИНГУЛЯРНОСТИ В ЦИКЛАХ КОНДРАТЬЕВА

Аннотация

В статье рассматриваются социальные и философские вопросы образования, становления и развития шестого технологического уклада, которые будут отягощены сингулярностью начала седьмого технологического уклада, и как следствие поставит перед человеком в первую очередь проблемы морально-этического выбора своего будущего.

*Помимо этого сингулярность конца шестого технологического уклада, должна будет обратить экономические процессы в совершенно иную сторону – прямо противоположную, разрушив обыденный ход вещей: **подъем, кризис, спад, вершина, подъем**. Тем самым создав обратимость циклов Кондратьева, и иных экономически сопутствующих циклов и систем.*

Ключевые слова: шестой технологический уклад, циклы Кондратьева, седьмой технологический уклад.

Vzdorova L.P.

ORCID: 0000-0002-8524-528X, applicant, Southern Federal University,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics

SIXTH TECHNOLOGICAL ORDER: INVERTIBILITY OF SINGULARITY IN THE KONDRATIEV CYCLE

Abstract

The article examines the social and philosophical issues of education, formation and development of the sixth technological order, which will be burdened by the singularity of the seventh technological structure, and as a result put before man first and foremost a problem of moral and ethical choices of their future, against the background of the reversibility of Kondratieff cycles.

In addition, the singularity of the end of the sixth technological order, will have to pay the economic processes in a completely different way - just the opposite, destroying ordinary course of things: the rise, crisis, recession, top, climb. Thereby creating a reversibility of the Kondratieff cycles, and other related economic cycles and systems.

Keywords: sixth technological order, Kondratieff cycles, the seventh technological way.

Вступив в свои права шестой технологический уклад, согласно ожиданиям большинства экспертов, уже стал приобретать первые признаки сингулярности [2,3], которые заставили общество стать на распутье между мобилизованной экономикой и «открытостью до бесконечных пределов» [4].

Помимо мировой, отчасти, искусственной милитаризации экономики мир переживают достаточно серьёзную социальную (когнитивную) революцию, но не все имеют свойство её замечать.

С каждым годом, месяцем, днём все больше и больше людей переходит в сеть, и начинают проживать свою жизнь через информационный профиль: выражая эмоция, получая знания и т.д. Сетевое пространство практически заменяет реальность в эмоциональном плане, и стремление к физическому составляющему являлось бы закономерным шагом, в результате которого будет произведена замена интернета на ренет (нейроинтерфейс).

Эта прочная связь индивидов с виртуальным пространством, производящим когнитивную революцию, явилось одним из самодостаточных условий для появления первых признаков открытого хаоса и сингулярности как таковой.

Государственная милитаризация подразумевает закрытость исследований, в то время как общество идёт по пути индивидуализации личности в бесконечных потоках информации, что в итоге приводит к разрыву научной мысли и состоянию общественного сознания.

Этот процесс происходит не только в военном секторе, но даже и в коммерческом, где затрагиваются интересы, прежде всего гражданского населения. Например, с 2014 года компании занимающиеся робототехникой скупается Google, и результаты исследований находятся под защитой коммерческой тайны и интеллектуальной собственности, что разрывает научно-техническую мысль в этом вопросе между учеными-исследователями и обществом, последнее из которых напротив, отстраняется от информационной политики в данном вопросе.

В то время как такие вопросы: как искусственный интеллект, самовоспроизводящиеся машины, человеческий мозг в сочетании с биотехнологиями и т.д., во многих государствах находятся только лишь в военных разработках. Таким образом, еще одной из черт начала эпохи когнитивных технологий, выступает разрыв в понимании между людьми и научными достижениями – рост научной мысли (который всё время ускоряется) отстранен от восприятия большинства, в то время как то самое большинство будет идти по пути индивидуализации жизни, и сведению всего к частным запросам информационных показателей.

При расширении информационной основы до бесконечности, научные знания становятся непосильным грузом для восприятия сознания индивидов, а коммуникативные технологии будут всё больше и больше используются людьми для личных запросов, нежели как средства достижения знаний. Ведь если само понятие как знание теряет силу и какую-либо ценность [2], а её основная нагрузка сводится к временному информационному запросу через сеть уже сейчас.

Деградация такой функции как запоминание, возможно, приведёт к эволюционному изменению в результате энтропии и мозга человека; в то время как искусственный интеллект основной задачей которого уже провозглашается частичная замена интеллектуальной антропологической деятельности.

Момент, когда искусственный разум превзойдёт человека, ознаменуют завершение шестого технологического уклада и окончание когнитивной революции.

Неконтролируемый процесс роста искусственного интеллекта, породит открытую сингулярность в свободном хаосе, которая в свою очередь изменит всю структуру общества, и процессов развития последнего - седьмой технологический уклад будет отчасти разрушительным ко всем морально-этическим ценностям, приоритетам – произойдет, прежде всего, переоценка всех ценностей.

Открытость и закрытость могут сосуществовать в одном и том же укладе, но то, что закрыто для других будет изначально лишь преобразуется в результате сингулярности в то, что не сможет быть открыто никогда – разрыв в пороге знаний будет на других скоростях, а то что открыто, потеряет свою научно-познавательную ценность, так как будет содержать лишь личные интересы людей.

Борьбы между открытостью и закрытостью не будет, так как эти отношения будут происходить на разных уровнях с различными скоростями. Эти одновременно два противоречащих друг другу процесса, будут идти как одно целое.

Итак, состояние любой системы, в том числе и циклов Кондратьева можно охарактеризовать синусоидой - **подъем, вершина, спад, кризис, подъем.**

Сингулярность конца шестого технологического уклада, должна будет обратить эти процессы в совершенно иную сторону – прямо противоположную, разрушив обыденный ход вещей: **подъем, кризис, спад, вершина, подъем.** Тем самым создав обратимость циклов Кондратьева, и иных экономических сопутствующих циклов и систем: Китчина, Кузнецова, Друкера, Жюгляра и т.д.

Седьмой уклад должен ознаменоваться расцветом технологий, что представит собой **подъем** (расцвет технологий отвечающих за когнитивность у искусственного интеллекта), но в результате чрезвычайно быстрых скоростей наступит глубокий **кризис, не только в экономическом смысле – это будет качественный разлад между антропогенной деятельностью и работой искусственного интеллекта** (при этом экономические показатели не будут страдать, как во время обычного экономического кризиса). Ключевой вопрос будет **определения места для человека**, заключающийся в колоссальном диссонансе процессов открытости и закрытости.

Затем наступит ещё более глубокий и системный **спад** из-за **производства затрагивающего антропологическую деятельность**, не соответствующего новому типу экономики, и этот спад будет идти до тех пор, пока не достигнет своего пика, который и выступит **вершиной дна** (отмирание старых производств хозяйственной деятельности человека; изменение нравов и рост идей по преобразованию нового типа общества – центральное место займут вопросы международного масштаба и определение иерархии) нового экономического строя.

Прогнозировать что именно это будут за отношения и куда придет общество достаточно сложно, ведь придется изменить своё мировосприятия для понятия прямо пропорциональной синусоиде сложившегося. Изменится не только экономический базис, подвергнется перевороту в первую очередь и морально-этическая сторона происходящего, социальная, политическая, культурная и т.д.

Единственный фактор, который всегда остаётся стабильным при любой технологическом укладе и цикле – передел мирового капитала, который окончательно формируется на вершине дна цикла, в то время как желание у субъектов изменить финансовые потоки и количества активов держится на стадии подъема и выступает один из сильнейших двигателей, помимо технологических революций и новых научных изысканий.

Здесь же мы сможем, возможно, наблюдать иную картину, после вершины дна наступит **резкий подъем** (новый тип экономических отношений), который окончательно закрепит в своём развитии седьмой технологический уклад и новый мировой капитал – сингулярность нарушит диссипативность всех систем путём обратимости, и на последнем витке подъема появится энтропия, которая в конце концов восстановит всю систему в равновесную, нелинейную, и открытую; но систему уже другого образца общества и технологий, нежели имеется на данный момент.

Переход к седьмому технологическому укладу и его совершению, в первую очередь установит иную амплитуда циклов, за счет больших скоростей отношений и новых финансовых держателей всех активов.

Литература

1. Блюмин И. Г. Апология военной экономики // Критика буржуазной политической экономии: В 3 томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. II. Критика современной английской и американской политической экономии. – С. 287-308. – 519 с. – 3 200 экз.
2. Вздорова Л.П. Шестой технологический уклад: первое проявление сингулярности , «Инновации в науке» Издательство: Ассоциация научных сотрудников "Сибирская академическая книга" (Новосибирск) ISSN: 2308-6009
3. Коротаев А.В. Новые технологии и сценарии будущего, или Сингулярность уже рядом? [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://goo.gl/uCLE0M> (дата обращения 10.01.2016).
4. Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos (1927), in Gesammelte Werke, Bd. 9.

References

1. Bljumin I. G. Apologija voennoj jekonomiki // Kritika burzhuaznoj politicheskoj jekonomii: V 3 tomah. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – Т. II. Kritika sovremennoj anglijskoj i amerikanskoj politicheskoj jekonomii. – S. 287-308. – 519 s. – 3 200 jekz.
2. Vzdorova L.P. Shestoj tehnologicheskij uklad: pervoe projavlenie singuljarnosti , «Innovacii v nauke» Izdatel'stvo: Associacija nauchnyh sotrudnikov "Sibirskaja akademicheskaja kniga" (Novosibirsk) ISSN: 2308-6009
3. Korotaev A.V. Novye tehnologii i scenarii budushhego, ili Singuljarnost' uzhe rjedom? [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://goo.gl/uCLE0M> (data obrashhenija 10.01.2016).
4. Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos (1927), in Gesammelte Werke, Bd. 9.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.108

Гаранина О.Д.

ORCID: 0000-0003-0657-0314, Профессор, доктор философских наук,

Московский государственный технический университет гражданской авиации

ИНЖЕНЕРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*Аннотация*

В статье рассмотрены особенности социальной ответственности инженера в современном обществе, обусловленные активным развитием технологий и новой техники, качественно преобразующими все стороны жизни людей. Обоснована роль инженерной деятельности как фактора научно-технического и социального развития, определяющего содержание и темпы социальной динамики. Определены виды ответственности инженера, раскрыто содержание личной ответственности. Сделан вывод о необходимости повышения ответственности инженера в обеспечении надежности и безопасности функционирования техники.

Ключевые слова: инженерная деятельность, социальная деятельность, социальная ответственность, техника, безопасность общества, социальное развитие.

Garanina O.D

ORCID: 0000-0003-0657-0314, Doctor of Philosophical Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation

ENGINEERING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL RESPONSIBILITY*Abstract*

In article the features of social responsibility of the engineer in modern society caused by the active development of technologies and new engineering which are qualitatively transforming all aspects of life of persons are considered. The role of engineering activity as factor of the scientific and technical and social development determining the content and rates of social dynamics is proved. Types of responsibility of the engineer are defined; the maintenance of a personal responsibility is opened. The conclusion is drawn on need of increase of responsibility of the engineer for ensuring reliability and security of functioning of engineering.

Keywords: engineering activities, social activities, social responsibility, engineering, social security, social development.

В современной социокультурной ситуации возрастает акустика любого социального действия, а, соответственно, и степень ответственности за это действие, в том числе и в технической сфере. Сегодня каждый человек сталкивается с необходимостью давать моральную или политико-правовую оценку разнообразным формам и способам деятельности социальных субъектов. Во всех случаях оценки человек опирается на определенные критерии, в качестве которых выступают требования (нормы), отвечающие интересам социума, и стремится соответствовать этим критериям. В этом смысле следование социальным требованиям выступает как мерило ответственности человека.

Проблема ответственности не нова для социогуманитарного знания. Еще в античные времена в философии активно обсуждалась тема нравственного долга и государственной обязанности. Однако сегодня вопрос об ответственности выходит за границы оценки индивидуально-личностного поведения и приобретает особый смысл, обусловленный экспансией технологических инноваций, способных качественно изменить социальную систему в целом, как это произошло в период промышленной революции в связи с внедрением в производственный процесс новых энергетических сил. Промышленная революция начала и сопровождала эпоху модерна. Нынешний технологический переворот, совершаемый во всех сферах общества, знаменует эпоху постмодерна и ставит перед социумом новые проблемы, связанные не столько с удовлетворением возросших потребностей людей, сколько с выживанием человечества как биологического вида. Иными словами, в настоящее время ответственность соотносится с деятельностью общества в целом и его целевыми установками [1, с. 52; 2, с. 236]. Вследствие этого в современной науке понятие ответственности трактуется как «качество социального субъекта, организующее его социальные взаимодействия на основе сознательного творческого осуществления предъявляемых требований» [3, с. 129].

Желание сочетать технический прогресс с расширением и утверждением принципов гуманизма, ориентированных на сохранение жизни, обуславливает новое понимание долга и обязанностей у действующих субъектов. Социальный и научно-технический прогресс в настоящее время неразрывно связан с деятельностью инженерно-технических специалистов. Инженеры создают новые технологии, в том числе и социальные, выступают творцами новой техники и социальных отношений, определяя не только тенденции будущего развития общества, но и новое качество жизни, необходимо предполагающее комфорт и безопасность. Вследствие этого в настоящее время возрастает роль социальной ответственности инженера. XX век – век инженерии, и кому как не «служителю человечества» создавать новые основы жизни, не забывая о своей принадлежности к определенной системе прав и обязанностей, установленных государством. Традиционно инженер всегда понимал миссию своей деятельности, главным образом, как проектирование и конструирование технического устройства, основанного на знании и использовании определенных природных процессов. Вследствие такого подхода, его не интересовали последствия, возникающие при функционировании подобных устройств. Однако начиная с середины прошлого столетия активное изменение природной среды, характера и форм деятельности человека, а также условий его существования, детерминированные научно-техническим прогрессом, приобретают глобальный характер. Эти изменения распространяются очень быстро (почти сразу же после создания новых технологий и образцов техники), захватывают все основные сферы жизнедеятельности человека, влияют на формирование его новых потребностей. Возникает своеобразный замкнутый круг: новая техника и технология инновировать потребности человека и общества, которые должны удовлетворяться с помощью изменяющихся технологий и техники, в свою очередь новые технологии порождают новые потребности и т.д. В конечном итоге неизбежен вывод о том, что инженерная деятельность по созданию новых технологий, техники и ее эксплуатации существенно влияют на человека и общество, кардинально меняют их. По мнению В.П. Розова, в настоящее время уже невозможно не учитывать

последствия инженерной деятельности, более того, возрастание влияния техники на социальные процессы требует включения этого воздействия в понимание техники и технологии [с. 8-9].

Можно ожидать того, что технизированное общество неизбежно потребует технизации политической власти и утверждения технократии. Этот процесс обусловлен, во-первых, тем, что возрастание роли технического знания и техники как способа решения социальных проблем вызывает необходимость включения в управленческие структуры сначала технических экспертов-инженеров, от решения которых зависит принятие решений, а позже – передачу решений непосредственно инженерам. Во-вторых, управление современными социальными процессами предполагает знание современных управленческих технологий, широкое использование в сфере управления новейшей информационной, телекоммуникационной и прочей техники. Таким образом, инженер в технизированном обществе становится ключевой фигурой не только в производственно-экономической, но и в регулятивной и духовной сферах общества. Приобретая характер доминанты общественной жизни инженерная деятельность одновременно связывается с новым уровнем ответственности, причем настолько тесно, что говорить об одном и не затрагивать второго просто не представляется логичным.

Ответственность инженера представляет достаточно сложное по содержанию понятие. Если рассматривать ответственность как характеристику деятельности и поведения, то она определяет меру свободы, препятствуя ее превращению в произвол, и реализует механизм разрешения противоречия между свободой и необходимостью. Вследствие этого можно говорить о правовой (законодательной), нравственной (моральной) и личностно-субъективной ответственности инженера. Иными словами, социальная ответственность инженера подразумевает и ответственность перед законом, и ответственность перед обществом и личностное понимание ответственности инженером. Поэтому в одном случае ответственность для инженера может носить обязательный характер, а в другом ориентироваться только на его моральные качества. Наряду с законодательной ответственностью большое значение имеет индивидуальная, или личная ответственность, касающаяся не столько обязанности придерживаться определенных норм в поведении и действиях, сколько психологически понимать данные требования и стремиться их выполнять. То есть на первый план выходят личные качества инженера не как специалиста, а как индивидуальности, владеющей инженерными знаниями. Личная ответственность имеет некоторый частный оттенок, так как связана с лично-частными интересами субъекта и предполагает ответственность за семью, за детей, за свой дом и т.д. Психологически человек должен сам захотеть нести ответственность перед кем-либо, так как нельзя его просто запугивать наказанием за невыполнение законов. Надо воспитывать с детства моральные качества человека таким образом, чтобы он ощущал свою значимость в обществе, верил, что общество в нем нуждается и, следовательно, захотел внести свой полезный вклад в развитие данного общества, то есть понял свою личную ответственность за всё, что происходит в обществе.

Социальная ответственность, или ответственность, которую инженер несет перед обществом – это сложный в понимании вид ответственности, т.к. с одной стороны, в ней обязательно присутствует законодательная ответственность, а с другой, приоритет, как правило, отдается ответственности личностной. Социальная ответственность большей частью подразумевает ответственность перед обществом. Другое дело, что каждый человек ощущает ее по-разному. Для одних это обязанность, для других чувство долга, ну а у третьих – смысл жизни. Также резонно было бы затронуть в данном контексте тему экологической безопасности, так как именно пренебрежение природой сказывается на общей экологической ситуации в государстве и соответственно в обществе. То, как будет проявляться отношение инженера к природе и всему живому, не может не сказаться на будущем всей планеты.

Затронем ещё один аспект проблемы ответственности инженера, связанный с результатами инженерной деятельности. Важнейшим квалификационным требованием инженера, наряду с эрудицией и изобретательностью, считается обеспечение надежности и безопасности, состоящей в умении обеспечить полноту осуществления знаний в технике и ее инструментальном оформлении с минимальным риском непредусмотренных нарушений, приводящих к авариям и катастрофам. Если на начальных этапах профессионального становления инженерная деятельность была ориентирована на применение, прежде всего, знаний естественных наук и включала в себя изобретательство и конструирование, то сегодня можно отметить, что инженерная деятельность подразумевает в себе и изобретательскую деятельность, и исследовательскую, и проектирование и конструирование. То есть ответственность за тот или иной созданный инженером объект целиком и полностью лежит на нем. Следовательно, инженерная деятельность является связующим звеном между человеком и создаваемой им техникой, и предполагает активное участие инженера в обеспечении надежной и безопасной работы системы «человек-техника».

Техника изменяется на протяжении веков и главным детерминантом ее изменений является человек. Сегодня человеку необходим высокий уровень образования для того, чтобы техника становилась современной, многофункциональной и надежной. Инженер как никто другой должен понимать, что от него и от понимания им ответственности за созданное зависит безопасное взаимодействие человека и техники. Задача инженера состоит не только в том, чтобы измерять и изменять пространство, но и через инженерную деятельность, глубоко понимая её, реализуя свою социальную и личную ответственность, создавать гуманистически наполненное пространство для действительно безопасной жизни людей.

Литература

1. Гаранина О.Д. Социальный контроль развития техники // Научный Вестник МГТУ ГА. 2013. № 191. С. 50-54.
2. Горохов В.Г. Проблема управления техническими рисками // Философия управления: методологические проблемы и проекты. М.: ИФРАН, 2013. С. 235-255.
3. Козлова О.Н. Ответственность // Социологическая энциклопедия. В 2-х т. М.: Мысль, 2003. Т.2. С. 129.
4. Розов В.М. Понятие и современные концепции техники. М.: ИФ РАН, 2006. 255 с.

References

1. .Garanina O.D. Social'nyj kontrol' razvitija tehniki // Nauchnyj Vestnik MGTU GA. 2013. № 191. S. 50-54.
2. Gorohov V.G. Problema upravlenija tehničeskimi riskami // Filosofija upravlenija: metodologičeskie problemy i proekty. M.: IFRAN, 2013. S.235-255.
3. Kozlova O.N. Otvetstvennost' // Sociologičeskaja jenciklopedija. V 2-h t. M.: Mysl', 2003. T. 2. S. 129.
4. Rozov V.M. Ponjatje i sovremennye koncepcii tehniki. M.: IF RAN, 2006. 255 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.150

Глущенко В.В.¹, Глущенко И.И.²

¹Доктор технических наук, Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II, ²доктор экономических наук, Российский государственный социальный университет

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье формируются философия и культура стратегии развития в их системном единстве, в рамках гуманитарного среза стратегии научно-технического и социально-экономического развития исследуются идеология, место, миссия, видение, основные цели и задачи стратегии в социально-экономическом развитии государства и общества

Ключевые слова: философия, культура, идеология, место, миссия, видение, цели, задачи, стратегия, развитие, срез.

Glushchenko V.V.¹, Glushchenko I.I.²

¹PhD in Engineering, Moscow State University of means of communication of the Emperor Nicholas II,

²PhD in Economics, Russian state social university

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF FORMATION OF STRATEGY OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL AND SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract

In article the philosophy and culture of strategy of development in their system unity are formed, within a humanitarian cut of strategy of scientific and technical and social and economic development the ideology, the place, mission, vision, main objectives and problems of strategy in social and economic development of the state and society are investigated.

Keywords: philosophy, culture, ideology, place, mission, vision, purposes, tasks, strategy, development, cut

Актуальность настоящей статьи в 2016 определяется тем, что для правильного определения стратегии научно-технического и социально-экономического развития государства и общества в современном мире необходимо синтезировать философию стратегии и определить ее влияние на место, цели и задачи стратегии в социально-экономическом развитии.

Цель статьи является формирование философии стратегии социально-экономического развития как ядра формирования и реализации стратегии социально-экономического развития.

Для достижения поставленной цели решаются задачи исследования:

- уточняется влияние философии на место стратегии в социально-экономическом развитии;
- исследуются методические подходы к определению цели и задачи стратегии развития.

Объект статьи – стратегия развития России.

Предмет статьи – философия стратегии развития и ее влияние на миссию, видение, место, цели и задачи этой стратегии.

В ходе многонациональной конкуренции организации (включая государства) стремятся к лидерству на национальном рынке, в глобальных отраслях фирмы борются за доминирование. Считают, что стратегические мероприятия организации обязательно должны быть скоординированы с тенденциями развития глобальной экономики для достижения существенного конкурентного превосходства в определенных сегментах [1, с.279-285].

Известно, что в условиях современной глобализации государство может рассматриваться как публичная общественная корпорация [2, с.5-11].

Это открывает возможность синтеза единого методологического подхода при проектировании стратегий государства, общества и корпораций, что крайне важно по той причине, что такая стратегия проектируется и реализуется этими субъектами современного мира совместно (сопричастно).

При этом стратегия научно-технологического развития может рассматриваться как часть и материальную основу стратегии социально – экономического развития государства и общества.

Философию в ее широком понимании можно определить как отражение познания и понимания человеком основ той культуры среды, в которой происходит жизнедеятельность, как образ культуры в человеке [3, с. 7].

В развитие таких представлений о философии стратегию научно-технологического (и социально – экономического) развития можно представить моделью, основанной на известной методологии срезов.

Могут быть выделены такие срезы стратегии развития:

- гуманитарный срез стратегии развития (философия, культура, место, миссия, видение, цели, задачи стратегии), который отражает влияние человека на облик стратегии и влияние стратегии на человека и общество;
- финансово-экономический срез стратегии развития (источники финансовых ресурсов, налоги, льготы, финансовые результаты и др.);

- научно-методологический срез стратегии развития (философия науки, методология науки, анализа и синтеза, контроля реализации стратегии и т.п.);

- конструкторско-технологический срез стратегии развития, который включает вопросы наличия конструкторских заделов, доступность необходимых технологий, компетентность персонала, организацию и др.

Повышение ресурсоемкости инноваций является одним из ключевых факторов развития современной глобализации. Это дает основания для объяснения причин глобализации именно ростом ресурсоемкости инноваций в рамках инновационной гипотезы глобализации.

При формировании и реализации стратегии научно-технологического развития очень важно одинаковое понимание ее сути. Исследование понятия и сущности стратегии развития на уровне организаций было выполнено в работе [4, с.95-100]. Было отмечено, что достижение поставленных долгосрочных целей осуществляется организацией на основе определенных стратегий деятельности. Термин «стратегия» в переводе с греческого означает «искусство генерала» [5, с.257].

Стратегией развития России условимся называть систему утвержденных руководством государства долгосрочных мероприятий направленных на адаптацию социально-экономического развития страны к изменению внешних геополитических и геоэкономических условий, отношений и тенденций их изменения.

Под философией стратегии развития национальной экономики (или организации) условимся понимать наиболее общий взгляд на длительную временную перспективу на миссию, видение, цели, инструменты, финансовые источники, социальную цену реализации стратегии развития.

Объектом философии стратегии развития можно назвать наиболее общий системный взгляд на культуру, идеологию, миссию, видение, место, цели, инструменты, финансовые источники, социальную цену развития.

Предметом философии стратегии развития можно назвать наиболее общий взгляд на методы, способы, инструменты реализации культуры, идеологии, миссии, видения, целей, источники ресурсов, формирующие и определяющие социальную цену развития.

Философия стратегии развития реализует следующие функции:

- онтологическая функция в процессе реализации которой создаются и опробуются определенные "модели" реальных стратегий развития на фоне картины мира;

- прогностическая функция, которая может включать создание логической основы познания будущего, в частности, определения вероятностей успеха при различных путях реализации стратегии;

- гносеологическая функция направлена на приращение знания о сущности познания содержания и значения стратегий развития в глобальном мире, государстве, обществе;

- методологическая функция, которая синтезирует приемы, способы, инструменты исследований, проектирования, реализации и контроля хода выполнения стратегии развития;

- аксиологическая функция направлена на формирование мировоззренческих, ценностных установок при проектировании и реализации стратегии социально-экономического развития;

- селективная функция, в рамках которой философия стратегии позволяет отбирать допустимые или наилучшие варианты стратегий;

- функция философии как производного показателя и/или критерия истины по отношению к проекту или реальной модели стратегии социального и экономического развития, дополняющего количественную и качественную оценку практических результатов стратегии;

- интегративная (агрегативная, синтетическая) функция, в рамках которой философия стратегии обеспечивает системное, целостное обобщение и синтез (системное агрегирование в новом образе) разнообразных форм исследования, проектирования, контроля хода выполнения стратегии развития, включая ее идеологию, миссию, видение, место, цели;

- критическая функция в рамках конструктивной (созидательной) концепции критики в философии стратегии позволяет давать ценностную оценку, выявлять сильные и слабые стороны, проблемы, положительные и отрицательные стороны стратегии развития, с учетом социальных отношений людей, измерять социальную цену реализации стратегии развития.

Возможна консенсусная - на основе согласия в обществе концепции философии и стратегии развития, когда общество признает необходимость и приемлемость конкретного варианта стратегии развития для различных социальных классов и групп. Однако, чаще встречается конфронтационная концепция философии и стратегии развития, что связано с тем, что реализация стратегии развития затрагивает интересы всех социальных групп, которые могут быть финансовыми источниками или бенефициарами процесса и результата реализации стратегии. При таком подходе реальный облик стратегии определяется в результате установления равновесия сил и устремлений противоборствующих социальных групп и сил.

Роль философии стратегии может заключаться в гармонизация идеологии, места, миссии, видения, целей, политики, стратегии и тактики, снижение рисков развития. Что дает возможность руководству сформировать непротиворечивую, целостную парадигму стратегии развития, снизит риски реализации стратегии социально-экономического развития [6, с.26].

Философия стратегии развития является основой культурной системы государственного и предпринимательского управления стратегией социально-экономического развития. Культура объединяет ценности, убеждения, образцы поведения в отношении внешних конкурентов и объединения участников которые направлены на достижение успеха, снижение рисков в процессах проектирования и реализации стратегии социально-экономического развития государства и общества.

Идеология проектирования и внедрения стратегии социально-экономического развития может пониматься как: во-первых, главная идея стратегии социально-экономического развития государства и общества;

во-вторых, способ распределения власти в процессах проектирования и внедрения стратегии социально-экономического развития.

В соответствии со ст.7 Конституции Российской Федерации главной идеей проектирования и внедрения стратегии социально-экономического развития следует признать создание социальных, экономических, технологических основ для улучшения жизни граждан.

При этом идеология как способ распределения власти в процессах проектирования и внедрения стратегии социально-экономического развития может предусматривать сопричастный характер управления проектированием и реализацией стратегии. В частности, активное участие в проектировании такой стратегии могут принимать участие общественные организации бизнес сообщества, научно-педагогического сообщества и другие заинтересованные социальные, экономические акторы.

Требует своего философского осмысления и понятие места стратегии в процессах социального, экономического, научно-технологического развития.

В процессе философского осмысления сущности стратегии развития под местом стратегии развития в социальном, экономическом, научном, технологическом развитии государства и общества могут пониматься:

1) место стратегии как пространство в социально-экономической среде, которое занято или может быть занято мероприятиями стратегического развития в социально-экономическом прогрессе государства и общества, например, в виде процента бюджетных средств или бюджетов корпораций, выделяемых на реализацию такой стратегии нововведений;

2) место стратегии как величина импульса ускорения всем сторонам деятельности государства, который названная стратегия придает социально-экономическому прогрессу государства и общества, в частности, такой импульс может измеряться приращением темпов роста ВВП в результате принятия и внедрения определенной стратегии;

3) место стратегии может рассматриваться и как географическая пределах государства или ряда регионов страны область в пределах которых формируется и внедряются нововведения и меры, которые в их совокупности и составляют стратегию развития;

4) место стратегии может идентифицироваться и с тем вниманием, которое органами власти государства, государственных корпораций уделяется проектированию, внедрению, контролю реализации стратегии социального и экономического развития (в рамках деятельности органов государственной власти и различного рода корпораций), в частности, известно, что стратегия может быть успешной только в том случае если стратегией лично занимается первое или второе лицо организации (государства, общественной или коммерческой корпорации);

5) место стратегии может пониматься и как относительное значение темпов национального социального и экономического развития на фоне аналогичных глобальных показателей такого развития;

6) под местом стратегии могут пониматься и должности государственной гражданской службы, руководящие и функциональные должности в корпорациях, вузах, созданные с целью планирования и реализации стратегии развития социально-экономической среды;

7) какая-нибудь, определённая часть национальной экономики и социальной среды, которая активно включена в процессе планирования и реализации стратегии социально-экономического развития тоже может называться местом стратегии развития;

8) место стратегии может определяться и как вклад результатов реализации социально-экономической стратегии в достигнутые результаты, в частности, при таком подходе могут быть сделаны такие наукометрические оценки: уровня научной новизны, перспективности развития в новых технологиях и практической полезности научных результатов в процессе их внедрения в ходе опытно-конструкторских работ в образцы товаров, финансовых результатов [7, с. 39-41; 8, с. 16-24].

Финансы корпораций в условиях глобализации являются одним из источников финансирования стратегии развития [9, с. с28-35].

Фактическое место стратегии социально-экономического развития во-многом, определяется миссией и видением этой стратегии.

Миссия стратегии развития России включает социальные и экономические результаты, которые свидетельствуют о ее полезности обществу. Миссия стратегии развития России может заключаться в поддержании конкурентоспособности государства и общества в условиях глобализации и научно-технического прогресса (НТП).

Видение в рамках стратегии развития России –это вдохновляющий сценарий стратегического социально-экономического развития государства и общества, мотивирующий членов общества участвовать в реализации стратегической программы развития государства и общества.

Видение стратегии может быть выражено в программном заявлении стратегии инновационного научно-технологического развития. Такое программное заявление данной стратегии призвано информировать общество, потребителей и деятелей рынка относительно целей и выгод данной стратегии и составляющих ее проектов для общества, а также методов достижения целей стратегии в целом и на уровнях отдельных стратегических инновационных проектов. Разработчикам стратегии, персоналу участвующих в стратегии организаций, реализующих стратегические инновационные проекты такое заявление должно дать представление относительно философии реализации и синтеза организационной структуры системы стратегического управления реализацией стратегии научно-технологического развития.

Цели стратегии развития России отражают желаемое будущее состояние социальной и экономической сфер нашей страны.

Целью стратегии научно-технологического и, как следствие, социально-экономического развития государства условимся называть желаемое состояние научно-технологической сферы и ее социально-экономической сферы в будущем и на фоне мирового сообщества.

Задачи стратегии развития государства и общества включают шаги по развитию социальной и экономической среды государства в процессе реализации стратегии научно-технологического и развития страны.

Содержание задач в составе стратегии научно-технологического и социально-экономического развития может быть определено после принятия решения о виде и целях стратегии. Однако, в любом случае существуют задачи разработки, реализации и оценки результатов стратегии, которые имеют свою информационную и наукометрическую специфику.

Видение, цели, задачи стратегии могут рассматриваться как основа при синтезе инновационной политики и стратегии на уровнях национальной экономики и стратегически инновационно активных предприятий [10].

При этом разработка политики финансирования инновационной деятельности предприятий является структурным элементом проектирования стратегии развития [11, с. 50-57].

Определенные сложности в разработке и реализации стратегии развития создает и глобальный финансовый кризис [12,13]. Влияние глобального кризиса может создавать повышенные риски реализации стратегии социально-экономического развития.

В процессе разработки и реализации стратегии развития в условиях глобального финансового кризиса, национального бюджетного кризиса должно уделяться финансам инновационной деятельности [14]. В связи с усложнением инновационной деятельности и финансовых отношений в условиях глобализации, постиндустриальной экономики для методического обеспечения реализации стратегии социально-экономического развития потребуется углубление методологии финансов инновационной деятельности.

В настоящей статье в исследованы и философия, обсуждаются место, миссия, видение, цели и задачи стратегий научно-технологического и социально-экономического развития государства, общества, корпораций.

Литература

1. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: Учебник для вузов / Пер. с англ. Под ред. Л. Г. Зайцева, М. И. Соколовой. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 567 с.
2. Глушенко В.В. Государство как геополитическая публичная корпорация в условиях постиндустриального глобального мира//Национальные интересы: приоритеты и безопасность № 7(16), 2007, с. 5-11.
3. Алексеева И.Ю. Научная философия как «культурная система» (О Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях)// Вопросы философии, №11, 2012, с. 3-10
4. Глушенко И.И. Система стратегического управления инновационной деятельностью. - г. Железнодорожный, Моск. обл.: ООО НПЦ «Крылья», 2006. – 356 с.
5. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. – М.: «Дело», 2002. – 704 с.
6. Глушенко В.В., Глушенко И.И. Совершенствование философии и методологии науки, управления и прогнозтики: парадигма интеллектуального управления – М.: ИП Глушенко Валерий Владимирович, 2009, -120 с.
7. Глушенко В.В., Глушенко И.И. Прогнозирование финансовых результатов инновационной деятельности организации//Современные концепции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 февраля 2016 г.,г. Курган). В3 Ч. Ч.1-Уфа: АЭТЕРНА, 2016, с. 39-41.
8. Глушенко В.В., Глушенко И.И. Оценка финансовых результатов маркетинговой стратегии на глобальном рынке с учетом рисков//Экономический анализ: теория и практика, 2007, №6, с.16-24.
9. Глушенко В.В. Финансы корпораций в условиях глобализации//Финансы и кредит, 2007, № 1(241), с. 28-35.
10. Глушенко И.И. Формирование инновационной политики и стратегии предприятия. - М. : АПК и ППРО, 2009. – 128 с.
11. Глушенко И.И. Разработка политики финансирования инновационной деятельности предприятий//Экономический анализ: теория и практика, 2009, № 12, с. 50-57.
12. Глушенко В.В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. – М.: ИП Глушенко В.В., 2008, - 88 с.
13. Глушенко В.В. Кризисология: общая теория кризиса, образ посткризисного будущего, критериальный подход к исследованию и рисковая теория фирмы, парадигма интеллектуального управления рисками. - г. Москва: ИП Глушенко Валерий Владимирович, 2011. – 80
14. Глушенко И.И. Финансы инновационной деятельности - Москва: ИП Глушенко Валерий Владимирович, 2012. – 116 с.

References

1. Tompson A.A., Strickland A.Dzh. Strategicheskij menedzhment. Iskusstvo razrabotki i realizatsii strategii: Uchebnik dlya vuzov / Per. s angl. Pod red. L. G. Zaytseva. M. I. Sokolovoy. – M.: Banki i birzhi. YuNITI. 1998. – 567 s.
2. Glushchenko V.V. Gosudarstvo kak geopoliticheskaya publichnaya korporatsiya v usloviyakh postindustrialnogo globalnogo mira//Natsionalnyye interesy: prioritye i bezopasnost № 7(16). 2007. s. 5-11.
3. Alekseyeva I.Yu. Nauchnaya filosofiya kak «kulturnaya sistema» (O Vladimire Nikolayeviche Ivanovskom i ego ideyakh)// Voprosy filosofii. №11. 2012. s. 3-10
4. Glushchenko I.I. Sistema strategicheskogo upravleniya innovatsionnoy deyatelnosti - g. Zheleznodorozhnyy. Mosk. obl.: ООО NPTs «Krylia». 2006. – 356 s.
5. Meskon M.Kh.. Albert M.. Khedouri F. Osnovy menedzhmenta: Per. s angl. – M.: «Delo». 2002. – 704 s.
6. Glushchenko V.V.. Glushchenko I.I. Sovershenstvovaniye filosofii i metodologii nauki. upravleniya i prognostiki: paradigma intellektualnogo upravleniya – M.: IP Glushchenko Valeriy Vladimirovich. 2009. -120 s.
7. Glushchenko V.V.. Glushchenko I.I. Prognozirovaniye finansovykh rezultatov innovatsionnoy deyatelnosti organizatsii//Sovremennyye kontseptsii razvitiya nauki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20 fevralya 2016 g.,g. Kurgan). V3 Ch. Ch.1-Ufa: AETERNA. 2016. s. 39-41.
8. Glushchenko V.V.. Glushchenko I.I. Otsenka finansovykh rezultatov marketingovoy strategii na globalnom rynke s uchedom riskov//Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2007. №6. s.16-24.

9. Glushchenko V.V. Finansy korporatsiy v usloviyakh globalizatsii//Finansy i kredit. 2007. № 1(241). s. 28-35.
10. Glushchenko I.I. Formirovaniye innovatsionnoy politiki i strategii predpriyatiya. - M. : APK i PPRO. 2009. – 128 s.
11. Glushchenko I.I. Razrabotka politiki finansirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti predpriyatij//Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika. 2009. № 12. s. 50-57.
12. Glushchenko V.V. Vvedeniye v krizisologiyu. Finansovaya krizisologiya. Antikrizisnoye upravleniye. – M.: IP Glushchenko V.V.. 2008. - 88 s..
13. Glushchenko V.V. Krizisologiya: obshchaya teoriya krizisa. obraz postkrizisnogo budushchego. kriterialnyy podkhod k issledovaniyu i riskovaya teoriya firmy. paradigma intellektualnogo upravleniya riskami. - g. Moskva: IP Glushchenko Valeriy Vladimirovich. 2011. – 80 s
14. Glushchenko I.I. Finansy innovatsionnoy deyatel'nosti - Moskva: IP Glushchenko Valeriy Vladimirovich. 2012. – 116 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.090

Омельчук С.С.

Аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ)

МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

Статья посвящена феномену межпрофессионального дискурса. Автор формулирует и обосновывает тезис о росте значения межпрофессионального дискурса в современных социальных реалиях. Указывается, что повсеместное развитие информационных компьютерных технологий ведет к доминированию коммуникации, а следовательно и различных дискурсов, во всех сферах общественной жизни. Рассматривается тенденция виртуализации межпрофессиональных коммуникаций и межпрофессионального дискурса.

Ключевые слова: межпрофессиональный дискурс, коммуникация, информационное общество.

Omelchuk S.S.

Postgraduate student, Novosibirsk State University of Economic and Management

INTERPROFESSIONAL DISCOURSE IN THE CONDITIONS OF FORMATION INFORMATION SOCIETY

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of inter-professional discourse. The author formulates and proves the thesis of the growing importance of interprofessional discourse in contemporary social realities. It is stated that the universal development of information computer technologies leads to the dominance of communication, and thus the different discourses, in all spheres of public life. The trend of virtualization interprofessional communication and interprofessional discourse is considered.

Keywords: interprofessional discourse, communication, information society.

В современных условиях, когда для социума все более характерной дифференциация по самым различным основаниям, включая профессиональную принадлежность индивидов и тем самым, разделение общества на социально-профессиональные группы, каждая из которых образует свое особое субкультурное пространство и ведет свой дискурс в коммуникационной среде. Специфика коммуникационного пространства современного общества состоит в том, что это насыщенная информацией цифровая медиасреда.

Общество представляет собой сложную социальную систему, включающую ряд подсистем и элементов, взаимодействующих между собой. Современное общество как объективная реальность находит свое отражение в целом ряде социологических и социально-философских концептов. При этом, в каждом из них фиксируется определенная тенденция общественной жизни. К ним относятся «общество потребления» (Э.Фромм) [1], «техногенная цивилизация» (В.С.Степин) [2], «постиндустриальное общество» (Д.Белл) [3], «информационное общество» (М.Кастельс) [4]. Последние три концепта объединяет то, что в них постулируется идея о преобладающей роли информации и информационных технологий в современном обществе. Технические возможности человечества, данные ему наукой, позволили не просто кардинальным образом изменять природный и социальный мир.

Так, футуролог и философ Тоффлер отмечает, что цивилизация XXI века столкнется с многочисленными проблемами на фоне развития технических новаций, включая информационные технологии. Мир, охваченный информационными процессами, таит в себе и экологическую катастрофу, и электронный фашизм, и подмену капитала и труда, как основы индустриального общества, информацией и её продвижением.

Сохранение целостности системы и поддержание оптимального режима ее функционирования обеспечивается в значительной степени коммуникационными процессами. Значимость межпрофессионального дискурса состоит в том, что общество в XXI веке переживает эпоху глобальных социальных изменений, связанных с тем, что информация обретает статус важнейшего ресурса власти. Становление информационного общества формирует информационный образ жизни, понимаемый как образ жизни людей, в котором ведущая роль отводится информационным отношениям [5, с. 34].

Цивилизация, подверженная глобальному влиянию информационных технологий превращается в информационное общество, которое Тоффлер определяет как «Третью волну» после «Первой волны» (аграрного общества) и «Второй волны» (индустриального общества). «Третья волна» таит в себе серьезные перемены практически во всех сферах жизни. Свой подход в оценке «Третьей волны», философ определяет следующим образом: «... наш подход будет состоять в рассмотрении потоков перемен, потрясающих нашу жизнь, не просто потому, что каждый из этих потоков важен сам по себе, а потому, что эти потоки перемен сливаются и образуют ещё большие, более быстрые реки перемен ...» [6, с. 224].

Информационное общество, в котором находится сегодня человек, есть среда, обладающая повышенным спросом на информацию, создающая условия для развития коммуникаций, а также технологического базиса, обеспечивающего информационные процессы. Информационное общество способствовало проведению четкой границы между реальным миром и миром виртуальным. Информатика стала необходимой дисциплиной, без владения которой, не способен существовать в мире информационных технологий цивилизованный человек. Как отмечает И.И. Юзвишин, «... фактически информатика – это процесс взаимозависимости и взаимодополнения информации, человека, вычислительной техники и средств связи ...» [7, с. 36]. Интересно отметить, что в информационных технологиях присутствует и фактор научного становления, и элементы телекоммуникаций, а также игровые формы, при помощи которых познается информационный технологический мир.

Наблюдаемое на рубеже XX и XXI вв. интенсивное развитие коммуникационных технологий, получившее название «коммуникационного взрыва», значительно облегчило производство и распространение социально значимой информации и привело к формированию глобального информационного пространства, в которое были вовлечены целые профессиональные сообщества. В информационном пространстве развиваются, обеспечивают коммуникацию, принимают активное участие различные социальные профессионализируемые организации и социальные институты [8].

На данном социокультурном фоне стала заметна тенденция постоянного количественного возрастания и накопления информации о различных профессиях, профессиональных субкультурах и ценностях, увеличения ее разнообразия и сложности. Это создает основу для появления и циркуляции новых профессиональных идентичностей, обеспечивающих развитие как профессиональных субкультур, так и межпрофессионального взаимодействия. В информационно-коммуникационных процессах жизнь профессиональных сообществ проявляется себя в качестве непрерывного процесса внутри- и межпрофессиональной коммуникации, то есть облекается в форму информационного обмена, опирающегося на многообразные механизмы трансляции профессиональных идей, ценностей и установок. Процесс межпрофессионального дискурса предстает как особый вид коммуникационной деятельности личности, непосредственно участвующей в информационных связях. Поэтому любая профессиональная информационная среда выступает не только хранилищем информационных ресурсов, но и эффективным коммуникативным средством. Причем культурная преемственность в данной сфере коммуникации базируется в основном на материальных носителях информации.

В подобных условиях межпрофессиональный дискурс приобретает невиданную ранее значимость, так как только посредством него представители профессиональных сообществ могут достигать и поддерживать необходимый им социальный статус, формировать по отношению к себе положительное общественное мнение. В экономическом измерении это может проявляться в формировании требуемого потребительского поведения, а в политическом – в воздействии на электоральное поведение граждан. Повсеместная информатизация позволяет достигать и социально значимых целей межпрофессиональных дискурсов. Так, например, используя виртуальные социальные сети, педагоги, медики и социальные работники, могут совместно привлекать внимание молодежи к решению проблем наркомании, алкоголизма, либо организовать сбор средств на лечение тяжело больного ребенка и т.д.

Межпрофессиональный дискурс в постсовременном обществе с экранной культурой кардинально отличается от межпрофессионального дискурса в индустриальном обществе с книжной культурой. С помощью экрана, как правило, продуцируются и транслируются не знания, а информация или образные данные, носящие виртуальный характер. Экранная информация в большинстве своем характеризуется массовостью, эклектичностью, оторванностью от реальной действительности, направленностью на иррациональные начала сознания потребителей экранной продукции. Если книга или серьезный журнал, апеллируя к разуму, формировали мышление, то экран, апеллируя к эмоциям или бессознательным импульсам, формирует определенные ценностные и поведенческие установки, которыми индивид зачастую руководствуется неосознанно. Именно поэтому у субъектов межпрофессионального дискурса появляются широчайшие возможности для воздействия на сознание той аудитории, на которую рассчитаны создаваемые ими сообщения.

Межпрофессиональная коммуникация, осуществляющаяся между профессиональными общностями и индивидами как представителями этих общностей, реализуется посредством информационного взаимодействия в процессе циркуляции оперативной информации и фиксируется в объективированной структурной информации. Субъективированной формой инфовзаимодействия выступают деятельность и отношения.

Способ организации системы межпрофессиональных дискурсов с необходимостью требует соответствующих ему межпрофессиональных отношений, которые выстраиваются как статусно-ролевой, социальный аспект многочисленных инфовзаимодействий.

В анализе межпрофессионального дискурса в условиях информационного общества важное методологическое значение для нас имеет теория Ю. Хабермаса [9]. Отличительной особенностью общества, по его мнению, является рационализация коммуникативного поведения людей. Рационализация жизненного мира, кроме положительных последствий, имеет и отрицательные. «Чрезмерная» рационализация может приводить к искаженным коммуникациям. Зарождаются и развиваются системы экономического и политического действия (системные миры), которые, выделяясь из жизненного мира, начинают управлять им извне. Названный процесс находит свое воплощение в «колониализации» жизненного мира «системным» миром. При этом, жизненный мир – это мир естественной повседневной жизни людей без чрезмерной рационализации и специализации, а системный мир отличается предельной рационализацией и стремлением к поглощению системного мира.

«Системные» миры – это миры анонимных, «инструментальных» отношений, связанных с фискальной и властной системами. Все современные кризисы, считает Ю. Хабермас, вызываются разрастанием «системных миров» за счет жизненного мира. «Системный» мир для своего развития и усложнения нуждается в «одобрении» – поддержке со стороны жизненного мира, и воспроизводстве в нём. Для этого жизненный мир должен соответствующим образом трансформироваться. То есть с усложнением «системного мира» он начинает оказывать на жизненный мир детерминирующее воздействие. Поэтому рационализирующийся жизненный мир ставится в зависимость от

формализованных профессиональных дискурсов, что ведет к нарушениям в его символическом воспроизводстве. Подобная рационализация оказывает на жизненный мир разрушительное воздействие. Кроме того, происходит еще и медиатизация жизненного мира (медиатизация коммуникации), благодаря которой механизмы «системного» мира вторгаются в формы жизненного мира и маскируют воздействие «системного» мира.

Коммуникативное действие, прежде всего, направлено на выработку общего понимания ситуации. Ю. Хабермас показывает особую сферу, в которой нет однозначного и быстрого взаимосогласия. Это затянутое движение взаимопонимания образует своеобразный общественный феномен, который и определяет динамику социума.

С точки зрения Ю. Хабермаса, возникающие новые институты, которые закрепляют и обеспечивают дифференциацию социума и решают задачу социального управления, обязательно должны быть укоренены в структуре жизненного мира. Только в этом случае, решая новые, выделившиеся и обнаруженные задачи, обеспечивая новый уровень свободы и возможностей, они оказываются жизнеспособными. А для этого им необходимо успешно проводить свою дискурсивную линию в общем коммуникационном пространстве, обеспечиваемом развитыми информационными технологиями. Мир профессиональной субкультуры, раскрываемый через осуществляемый в ее рамках дискурс отличается рационализацией и формирует особые рамки интерпретации окружающей действительности. В условиях глобализации и развития интернета образуются широкие возможности для налаживания межпрофессиональных связей и отношений посредством сетевых интернет-технологий. С помощью интернета через экраны цифровых устройств профессиональные сообщества могут распространять свои «системные миры» большим массам людей посредством создания текстов и их трансляции. При этом, часто представители отдельных профессий находят общие точки соприкосновения во взглядах, что становится предпосылкой для формирования межпрофессионального дискурса как совместной деятельности взаимодействующих профессиональных групп, направленной на продуцирование текстов с целью выражения своего мнения, распространения идеологий, артикуляции интересов, формирование мировоззренческих ориентиров, которые носят системный рационализированный характер.

С одной стороны, это может негативно сказываться на развитии общества, когда субъектами межпрофессиональной дискурсивной активности являются представители профессиональных групп, входящих в экономическую и политическую сферы общественной жизни. Так, настойчивая пропаганда полезности определенного товара со стороны как фирмы, его производящей, так и представителей определенной профессиональной группы, способной привлечь к его потреблению значительные массы людей, может повысить спрос на данный товар, сформировав у многих обывателей убежденность в его полезности. Наглядным примером может послужить реклама биологически активных добавок, в которую могут включаться представители врачебного сообщества. Таким образом, сфера экономических интересов проникает в повседневную жизнь (жизненные миры) людей.

С другой стороны, возможности, предоставляемые развитыми инфокоммуникационными технологиями для дискурсивной активности, позволяют реализовывать социально значимые и полезные виды деятельности совместными усилиями представителей различных профессиональных групп. Так, например, дискурсивная активность врачей и социальных работников в виртуальных социальных сетях может привлечь внимание широкой общественности к проблемам инвалидов, неизлечимо больных, детей-сирот, одиноких пожилых людей и т.д.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что межпрофессиональный дискурс как элемент коммуникативного поля общественной жизни, несомненно, влияет как на общественное сознание, так и на сознание личности. Это способ трансляции определенных элементов содержания межгруппового межпрофессионального сознания и репрезентации его в духовной сфере общества. Это воздействие особенно усиливается сейчас, в эпоху развитых информационных технологий, сетевизации и развития экранной культуры. При этом, характер влияния межпрофессионального дискурса на общество зависит от целей, интересов и мотивов его субъектов.

Два параллельно идущих процесса – кардинальные трансформации социокультурных условий бытия человека и складывание нового типа сознания, для которого стали характерными индетерминизм, эклектичность, сочетающаяся с синкретизмом, деконструкция авторитетов в большинстве сфер культуры, ознаменовали собой наступление эпохи постсовременности.

Литература

1. Фромм Э. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006 г. 314 с.
2. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 2009. 274 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 2006. 390 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 358 с.
5. Ракитов А.И. Информационная революция: наука, экономика, технология. М., 1993. С.51; Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 2006. С.34.
6. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2006. 776 с. с. 224
7. Юзвизин, И.И. Основы информациологии / И.И. Юзвизин. М.: Издательство «Высшая школа», 2006. 600 с. с. 36
8. Комаровский В.С. PR-деятельность по организации диалога властных структур с обществом и СМИ// Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2006.
9. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология (реферативный сборник). Юрген Хабермас. Вып. 1. М., 1991.

References

1. Fromm Je. Chelovek dlja sebja. M.: AST: AST MOSKVA: HRANITEL", 2006 g. 314 s.
2. Stepin V.S., Kuznecova L.F. Nauchnaja kartina mira v kul'ture tehnogennoj civilizacii. M., 2009. 274 s.
3. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. M.: Akademija, 2006. 390 s.
4. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: GU VShJe, 2006. 358 s.
5. Rakitov A.I. Informacionnaja revoljucija: nauka, jekonomika, tehnologija. M., 1993. S.51; Rakitov A.I. Filosofija komp'juternoj revoljucii. M., 2006. S.34.

6. Toffler, Je. Tref'ja volna / Je. Toffler. M.: ООО «Izdatel'stvo АСТ», 2006. 776 s. s. 224
7. Juzvishin, I.I. Osnovy informaciiologii / I.I. Juzvishin. M.: Izdatel'stvo «Vysshaja shkola», 2006. 600 s. s. 36
8. Komarovskij B.C. PR-dejatel'nost' po organizacii dialoga vlastnyh struktur s obshhestvom i SMI// Gosudarstvennaja sluzhba i SMI. Voronezh, 2006.
9. Habermas Ju. K logike social'nyh nauk. Teorija kommunikativnogo dejstvija // Sovremennaja zapadnaja teoreticheskaja sociologija (referativnyj sbornik). Jurgen Habermas. Vyp. 1. M., 1991.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.021

Пахонина Е.В.

Кандидат философских наук, доцент, Вологодский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Аннотация

В статье рассмотрено влияние технологии Интернета вещей на развитие инновационной политики, маркетинговой деятельности, рынка товаров и услуг. Обозначены правовые вопросы и возможные риски расширения умной среды, связанные с доступностью новых интерфейсов и технологий. Обосновывается, что для успешной реализации создания разумного окружения необходимо не только техническое и программное обеспечение, но и разработка надежных технологий защиты персональной информации, развитие и повышение электронной культуры потребителей в целом.

Ключевые слова: Интернет вещей, интерфейс, умная среда.

Pakhonina E.V.

PhD in Philosophy, Associate Professor, Vologda State University

SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF APPLICATION OF INTERNET OF THINGS

Abstract

The article discusses the impact of Internet of things technology on the development of innovative policy, marketing activity, market of goods and services. The legal issues and possible risks of expansion of a smart environment related to the availability of new interfaces and technologies. It is argued that for successful implementation the creation of intelligent environments requires not only hardware and software but also the development of reliable technologies for the protection of personal information, the development and improvement of electronic culture consumers in General.

Keywords: Internet of things, interface, smart environment.

В условиях информационного общества и развития коммуникационных систем все большее значение приобретает процесс создания и регулирования информационных процессов, способов подключения к ним человека. Информационные потоки становятся важным фактором трансформации культуры, человека, промышленности, производства, образования, системы права.

Различные НТР и НТП активно способствовали развитию экономики, внедрению технических новинок в производство, созданию и выпуску новых видов товаров и услуг, формированию креативного класса. Главными инструментами производства и потребления товаров и услуг становятся реклама, мода, деловая репутация и имидж корпорации, доступность и безопасность технологий. Однако, в изобилии инноваций потребитель может растеряться, а инновации имеют свойство устаревать, накапливаться. Главной проблемой для экономики становится проблема сбита товаров и услуг, а также привлечение потребителя именно к своей продукции.

В условиях конкуренции за рынки сбыта и потребления одной из перспективных технологий становится Интернет вещей, предполагающий взаимодействие вещей, технических объектов, которые «получают уникальные имена, информацию о себе и право совершать интеллектуальные операции, вступая в коммуникативные отношения с другими вещами, делая запросы и предоставляя свои данные без участия человека» [2, с.140]. Интернет вещей представляет собой новый этап развития современных технологий, значительно расширивших возможности сбора, анализа и распределения данных, которые человек может превратить в информацию или в знание. Интернет вещей связан с новым этапом развития глобальной сети и уже кардинально влияет на жизнь человека. Одной из целей производителей современных технологий является выход в Интернет с любого устройства. К 2015 году спрос на всевозможные гаджеты, умные вещи существенно возрос и стал самой продаваемой технологией.

Интернет вещей объединяет в единое информационное пространство людей, данные, процессы и электромеханические системы. Для повсеместной реализации Интернета вещей необходима автономная работа его датчиков, организация нового типа промышленности и создание общей информационной среды для технических объектов, окружающих человека. Согласно Н.А. Ястреб, концепция Интернета вещей исходит из идеи о том, что создание единой среды для проводного и беспроводного взаимодействия множества технических объектов и системы их уникальной адресации может дать возможность этим объектам взаимодействовать друг с другом для создания новых приложений или сервисов, достижения общих целей. Цель Интернета вещей заключается в предоставлении вещи, техническому объекту свободного соединения с кем угодно и чем угодно из любого места через различные средства, услуги, достижение которой приведет к «созданию нового гибридного мира, в котором реальность, цифровое пространство и виртуальность конвергируют и создают умную среду». [2, с.139]

Для успешной реализации создания разумного окружения необходимо не только техническое и программное обеспечение, но и разработка надежных технологий защиты персональной информации и готовности человека к существованию в умной среде. Интернет 90-х был средой анонимности, сохранение которой считалось главной задачей. На современном этапе развития глобальной сети стало понятно, что любое действие в ней, будь то размещение фотографии или отправление сообщения, сохраняется навсегда, наилучшим способом поведения

становится разумная открытость, существование от своего имени, правдивость и ответственное отношение к размещаемому контенту. Введение смартфонов, планшетов и разработка приложений для них показали, что многие пользователи готовы жить в открытой информационной среде.

Применение использования и расширения умной среды осуществляется по разным направлениям, например, в системе безопасности, медицине, энергетике, транспорте, финансовых потоках, управлении и т.д. Однако, эксперты в исследовании Pew Research Center о влиянии искусственного интеллекта и робототехники на рынок труда 2025 года высказывают опасения об отсутствии подготовки, навыков у потребителя для использования данных объектов. В результате возникает актуальная тема подготовки и взаимодействия не только производителей и адекватных потребителей, но и своевременного изменения образовательной системы, подготовки новых кадров и выпускаемых специалистов.

Одной из актуальных проблем развития и распространения Интернета вещей является быстрая, надежная, безопасная передача данных между собой, что связано с необходимостью создания инфраструктуры развития Интернета вещей, оборудования, устройств, датчиков, программного обеспечения, новых интерфейсов. Развитие интерфейсных систем позволяет все большему числу людей приобщиться к глобальным информационно-коммуникационным технологиям, одновременно с этим, «человеку приходится приспосабливаться к относительно примитивным техническим системам обмена данными с внешней средой, что приводит к постепенной деградации его интеллекта». [1, с.97]

Развитие Интернета вещей и новых интерфейсов является продуктивным и существенно влияет на рынки товаров и услуг, инновационную политику и маркетинговую деятельность в ряде отраслей. При формировании маркетинговых стратегий Интернет вещей рассматривается как составная часть инновационной товарной политики. Начинают развиваться глобальные промышленные сети, предполагающие внедрение в различные сферы деятельности киберфизических систем, «умных вещей», способных реагировать и подстраиваться под изменяющуюся среду. Для экономики Интернет вещей представляет собой рынок оборудования, технологий и услуг, реализуемый за счет сетевого межмашинного взаимодействия, способствующий оптимизации потребления. Так, активно развивается система удаленного управления бытовыми приборами, такими, как стиральные машины, мультиварки, кондиционеры, пылесосы и т.п., с использованием смартфона и Интернет, независимо от места, где вы находитесь.

Интернет вещей активно применяется в автомобилестроении, например, разработана система автозапуска, навигации, датчики торможения, парковки и т.д. Развитие интеллектуальных транспортных сетей позволит автомобилю получать информацию от светофоров, определять свое положение с помощью спутниковой связи, обмениваться информацией с ремонтными мастерскими и станциями сервисного обслуживания, заправочными станциями, получать сервисы в виде потоков видео и голосовой информации, автоматически оплачивать проезд на платных дорогах, находить место на парковках в городе. При этом могут существенно сократиться издержки на сервисное обслуживание, поскольку предполагается, что механизмы транспортного средства будут сигнализировать о степени своего износа, необходимости ремонта. Можно предположить, что экономика находится на пороге технологического скачка, состоящего в объединении кибернетического и физического миров.

В связи с распространением коммуникационных и цифровых технологий, современный потребитель все чаще отдает предпочтение безопасности их использования. Можно выделить ряд проблем, связанных с нарушением безопасности и расширением киберпреступлений.

С повсеместной компьютеризацией всех сфер общества, остро встает вопрос о выборе между свободным доступом и безопасностью. При этом необходимо понимать, что свободный доступ к информации, кодам способствует повышению ИТ-грамотности пользователя, активизирует потребителей. Однако, безопасность, закрытый, ограниченный доступ информации и ресурсам снижает потребительский спрос, но и снижает риски вирусов, спама, мошенничества в сети.

Технике и технологиям передается все больше свойств и качеств самого человека. К развитию компьютерных автономных систем отношение неоднозначное, противоречивое. Угроза прозрачной, невидимой слежки через цифровую среду актуальна, поскольку данные социальных сетей могут стать мощным ресурсом в различных манипуляциях, шантаже, использоваться в информационных войнах. Пользователь различных социальных сетей добровольно делится личной информацией, которая хранится в широком доступе для третьих лиц. Большая часть персональных данных собирается чаще всего без участия и без согласия самого пользователя. Благодаря новым технологиям, мы можем получить постоянное наблюдение в глобальной сети, которое предоставляется нам в качестве опции на наших устройствах.

НТП, процессы модернизации, компьютеризации, использование инноваций существенно расширили юридическое поле закона, спектр преступлений, связанных с применением различных технологий. Как правило, преступление, становясь прецедентом, опережает во времени закон, его запрещающий. В связи с доступностью технологий для различных групп населения, их продажи в сети Интернет, можно отметить расширение преступлений относительно физических и юридических лиц в сфере мошенничества, воровства, взлома баз данных, сигнализаций, несанкционированного проникновения, нарушения авторских прав с применением технических средств и т.д.

Всеобщий переход на электронные виды платежа, оформление услуг также способствует систематизации контроля над потребителями. Однако, проникновение и взлом всеобщей информационной базы данных может привести к крупным потерям, в том числе, людским, к исчезновению информации о человеке как личности, либо появлению дезинформации о нем.

Распространенным видом киберпреступлений становится деятельность хакеров, которые начинают восприниматься как профессионалы, нередко работающие по обе стороны закона. Противоречивыми в киберсреде становятся понятия о приватности, свободе самовыражения, предпринимательстве, этикете, рекламе, правах потребителей. Сам Интернет предлагает различные услуги и приспособления для незаконных видов деятельности. В перспективе эксперты прогнозируют расширение киберпреступлений, связанных с доступностью технологий и их

незаконному применению (конференция «Тенденции развития преступлений в области высоких технологий» г. Москва, октябрь 2015»).

Таким образом, развитие и применение Интернета вещей в инновационной политике и маркетинговой деятельности способствует оптимизации потребления, созданию новых товаров и услуг. Однако, их покупка, внедрение, безопасность расширяют сферу действия правового поля и преступлений. Для эффективного и безопасного взаимодействия людей, машин, вещей, природы необходимо создавать новые интерфейсы и повышать общую электронную культуру потребителей и пользователей.

Литература

1. Никитин М.В., Кречмер А.Э. Гиперинтернет – адаптивные интерфейсы как способ взаимодействия между людьми // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Сборник научных статей. Выпуск 1 / Под ред. доц. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2014. – 200с. – С.94 – 99.

2. Ястреб Н.А. Индустрия 4.0: киберфизические системы и интернет вещей // Человек в технической среде: сборник научных статей. – Выпуск 2 / Мин-во обр. и науки РФ, Вологод.гос.ун-т; под ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 143с. – С. 136 – 141.

References

1. Nikitin M. V., Kretschmer, A. E. Hyperintense – adaptive interfaces as a way of interaction between people // People in the industrial areas: converging technologies, global networks, the Internet of things. Collection of scientific articles. Issue 1 / Under the editorship of Assoc. N. And. Hawk. – Vologda: The Vogue, 2014. – S. 94 – 99.

2. Yastreb N. And. Industry 4.0: cyber-physical systems and Internet of things // People in a technical environment: collection of scientific articles. – Issue 2 / Ministry of education and science of the Russian Federation, Based.state.University; ed N. And. Hawk. – Vologda: The Vogue, 2015. – S. 136 – 141.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.185

Урунова Х.У.

Кандидат педагогических наук

Политехнический Институт Технологического Университета Таджикистана имени академика М.Осими, преподаватель английского языка, докторант Отдела социальной философии Института философии, политологии и права АН Республики Таджикистан.

КУЛЬТУРА СТЫДА – СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ И НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ТАДЖИКСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Аннотация

В данной статье автор подчеркивает, что культура стыда является отличительной чертой и специфической особенностью таджикского менталитета. Подвергая феномен «стыд» глубокому философскому анализу и сопоставляя мнения западных философов с восточным социальным контекстом, автор приходит к выводу, что стыд в таджикском социуме не всегда ассоциируется с негативными эмоциями и является отрицательно окрашенным чувством индивида, а имея возрастные особенности, меняет свое коренное значение и иногда может интерпретироваться положительно. Положительная трактовка феномена «стыд» связывают с вопросами женщины и в присутствии старшего поколения. Следовательно, автор приходит к заключению, что «стыд» исходя из особенностей таджикского общества, явление контрастное и контекстуально трактуется положительно.

Ключевые слова: стыд, мораль, отрицательные эмоции, неудовольствие, стыдливость, целомудрие.

Urunova H.U.

Polytechnic Institute of the Technological University of Tajikistan after academician M.Osimi, English teacher, PhD in Pedagogy,

Doctoral student student of the Department of social philosophy, political sciences and law of the AS of Tajikistan Republic

THE CULTURE OF SHAME AS A SPECIFIC PECULIARITY AND INTEGRAL PART OF TAJIK MENTALITY

Abstract

In this article the author emphasizes that the culture of shame is considered to be a specific significance and distinguishing feature of Tajik mentality. She deeply analyzes the phenomenon “shame” from philosophical point of view and compares the views of western philosophers on this issue with the context of Tajik society. Having learnt this phenomenon the author makes a conclusion that in Tajik society it is associated not always negatively and is connected with negative emotions of a person, but having age peculiarities it changes its meaning and sometimes its is interpreted even positively. A positive interpretation of this word is usually connected with relationship of women in the society and in the presence of an old person. Consequently the author makes a conclusion that according to Tajik mentality shame has a contrasting meaning and can be interpreted positively depending on a context.

Keywords: shame, morality, negative emotions, displeasure, shyness, chastity.

В условиях глобализации, когда духовная жизнь общества испытывает огромный натиск элементов других культур, социально значимой проблемой становится поиск и нахождение таких универсальных ценностей духовной культуры, которые способствовали бы сохранению своеобразности каждой нации и народности. В более широком плане в социально философской литературе данная проблема обозначена как разработка универсальных категорий теории этики.[2] В рамках этой теории подразумевается выявление таких системы ценностей, которые

«содержатся во всех культурах и принимаются представителями всех этносов, социальных групп и классов, а также верующими разных конфессий...».[2]

На уровне повседневной жизни мы часто апеллируем к понятиям стыд, стыдно, совесть, однако не всегда мы задумываемся об их содержании. Хотя известно, что на уровне обыденного сознания под понятием стыд, мы представляем себе непристойное поведение того или иного индивида или социальной группы. Исследуя данный феномен, мы столкнулись с парадоксальной ситуацией. Если на уровне обыденного сознания имеет место одинаковое понимание этого понятия, (среди массы людей стыд означает нарушение установленных на уровне морали каких-то нравственных норм), то среди людей, занимающихся умственным трудом, в понимании этих слов не наблюдается единство. Люди, обладающие чистым и высоким умом, сильные духом часто не бывали свободными от неточностей и недоговоренностей в вопросах определения понятий стыда и совести.

Тема стыда в истории философии всегда привлекала внимание исследователей. Мыслители по-разному подходили к оценке стыда. Например, в европейской культуре первым философом обратившим внимание на проблематику стыда, был Гесиод. В своей поэме «Труды и дни» понятие стыда им рассматривается в контексте потерянного прошлого (золотого века) греческого народа, т.е. греки должны были осознать социальную значимость своей эпохи, однако они этого не сделали, за что им должно было быть стыдно. Другой древнегреческий мыслитель Демокрит, интерпретировал стыд, как стыд перед самим собой. В интерпретации Демокрита, понятие стыд по своему содержанию более близко к понятию «совесть».

Спиноза в III части своей «Этики» говорит: «Стыд есть неудовольствие, сопровождаемое идеей какого-либо нашего действия, которое другие, как нам представляется, порицают. Порицание, неодобрение, осуждение окружающих пробуждает чувство унижения, дискомфорта и ослабления своей индивидуальности». Согласно Платону стыд есть «страх дурной молвы», подобное определение встречается и у Аристотеля. Стыд порицаем,

становится результатом получения упреков, отрицательной оценки социума, сохраняет нормальные позитивные чувства субъекта. В данном случае позиции Платона и Аристотеля совпадают с нашим восточным социальным контекстом, в том, что в нашем социуме индивид слаб и бессилён перед молвой общества, но она как нам представляется, «не дурная» как это звучит в дефиниции греческих философов. Защищая индивида от случаев бесстыдства, препятствуя совершению чего-либо постыдного, она имеет предохраняющий характер. С точки зрения этики чувство стыда, по мнению В.Соловьева, это не только отличительный признак, отделяющий человека от животного мира, но то, что сам человек выделяет себя из всей материальной природы. Наблюдение Соловьева вполне объективно и научно, так как наличие разума и интеллекта даёт человеку возможность выделяться от животного мира. По природе человек стыдится своих природных функций своего организма. Именно такое этическое отношение к своим природным функциям своего организма ставит человека выше всех существ бытующих в природе. Он сам доказывает, что он существо разумное. Подобный подход и отношение присуще всему человеческому роду в целом, но тот уровень стыда, который имеется в национальном характере таджикского народа, в его межличностных, межполовых отношениях, характерен далеко не каждому народу. Когда речь идет о культуре стыда свойственного таджикскому менталитету, подразумевается стыд не в этическом плане, а в основном в физиологическом и половом отношении, ибо с точки зрения этики чувством стыда обладают все другие цивилизованные народы планеты. Значение слова «стыд» в русском языке совпадает со значением слов «шарм» и «хае» в таджикско-персидском языке. Значение этих слов- аналогов в персидском словаре передается следующим образом: «шарм»-стыд, стеснение, состояние неловкости в присутствии старшего. Значение термина «хае» очень близко значению слова «шарм», но при анализе словарных статей в персидском словаре мы обнаружили слово «мораль» в поисках значения слова «шарму хае» (стыд). В восточном понимании и интерпретации слово «стыд» прежде всего, ассоциируется с «моралью», а мораль, в свою очередь означает нравственность, благонравие. Нравственность, скромность, стыдливость, целомудрие своими корнями уходят в религиозные заповеди. Положение о важности стыда можно считать общепризнанным в исламе. Для подтверждения данного тезиса обычно приводят два хадиса- предания о жизни пророка Мухаммада- в которых он утверждает, что стыд относится к вере (т. е. верующему следует быть стыдливым) и что в стыде заключено всё благо... Появление стыда у подростка... считается первым проявлением зрелого разума и стремления к добропорядочности.[5]

В традиционном таджикском обществе стыд и стыдливость в большей степени относят к женскому полу. У женщин целомудренные одеяния всегда символизируют чистоту и непорочность. Религиозные требования скромности и умеренности предъявляемые к женской одежде полностью соответствуют духу морально-нравственных заповедей Библии. [1,11] Чувство стыда у представителей таджикского народа в основном проявляется в одежде, морально-нравственных, межполовых отношениях. Последнее считается для нашей таджикской культуры сокровенной ценностью, которую едва можно обнаружить в тех обществах, где господствует индивидуализм и либерализм. Эти простые, но имеющие большое значение в нашем социуме понятия выполняют функции сохранения устойчивости семейных отношений, защиты и предохранения от половых болезней. Пророк Мухаммад сказал: «Когда в каком-либо народе появится непристойность, разврат, прелюбодеяние и это подвергнется широкой огласке, то среди них распространяется чума и болезни неведомые их предкам». [1,164] Как отмечает Ш. Аляутдитов, распутство существовало и раньше, но оно сегодня приняло массовый характер, превратилось в навязываемый стиль жизни, отразилось в сознании людей как что-то совершенно нормальное и естественное. Пропаганда вседозволенности осуществляется различными методами и так как она – средство неизмеримой прибыли...

... СПИД по мнению некоторых медиков именуется белой чумой и эта болезнь, несмотря на прогресс медицины, науки, и техники, до сих пор считается неизлечимой. [1,11]

На наш взгляд, причина этой беды и человеческого несчастья заключается в отсутствии, или же исчезновении чувства стыда в сознании, поведении и действиях человека. Распространяя в человеческом обществе свои «вирусы», эта «эпидемия» уничтожает духовность и мораль миллионов людей. Но, в структуре таджикского менталитета хранится

сильный «антивирус», который активно борется с этим дестабилизатором и разрушителем общества. Это «культура стыда», унаследованная таджикским народом от предыдущих, которая стабильно и крепко сохранилась в его сознании.

Как было отмечено выше, стыд в таджикском понимании трактуется, прежде всего, как мораль и стеснение, состояние неловкости в присутствии старшего. В таджикском сознании предустановлено уважать, почитать старших, принимать их решения как окончательное. Все это «узаконено» в менталитете таджика и представляет собой обычное, одобренное, позитивное действие входящее в порядок вещей. Последнее противоречит следующему таджикскому изречению – «Бузурги ба акл аст, на ба сол» – «Величие человека измеряется не возрастом, а умом». Культура стыда и стеснения в присутствии старшего заставляет нас, проще говоря, уважать не интеллект, что было бы логично, а возраст. Именно поэтому, согласно принципам таджикского менталитета, величие человека измеряется не интеллектом, а возрастом. Проявление стыда и стеснения имеет свои возрастные особенности. Стыд и стеснение в присутствии старшего представляет особый вид чувств в обыденном сознании таджика. Как обычно стыд ассоциируется с негативными эмоциями человека и должен вовлечь за собой чувство вины за совершаемое действие, но в возрастных отношениях стыд и стеснение интерпретируется как раз как уважение к старшему и оцениваются положительно и не подразумевают никакого чувства вины. Отрицательный аспект данного положения заключается в том, что стыд и стеснение в присутствии старшего создают определенное ограничение в проявлении свободы, выражении чувств и собственного «я». В данном случае, согласно принципам таджикского менталитета, чем больше человек молодого возраста стесняется и стыдится в присутствии старшего, тем больше он считается порядочным, дисциплинированным, обладающим хорошим нравом и т.д. Отсюда следует, что стыд не всегда отрицательно окрашенное чувство, как представляют ученые данной области. В неформальных условиях и случаях данное чувство играет положительную роль и необходимо для проявления уважительного отношения к старшему поколению. В таком случае чувство вины, имеющее место в сознании человека, который испытывает стыд и стеснение вообще, отсутствует, наоборот преобладают чувства добросовестного выполнения своего, в какой-то мере, морально-нравственных обязанностей. Стыдясь и стесняясь человеку в присутствии старшего не становится «стыдно», наоборот, у него повышается и самооценка и оценка окружающих. Таким образом, анализируя положение и значение понятия «стыд» в таджикском социуме можно заключить, что этот феномен в социальном контексте ситуативно может противоречить дефинициям тех философов, которые определили его лишь как неприятное чувство неловкости, негативные эмоции, возникающие из-за неодобрения и осуждения членов социума. Если человеку становится стыдно после совершения определенного поступка, который является социально-неприемлемым с точки зрения этики, морали и физиологических отношений, он чувствует дискомфорт и неудовольствие стыдясь общества, а с точки зрения возрастных отношений стыдящийся человек в присутствии старшего не только не осуждается и не упрекается, а наоборот, становится объектом подражания. Вследствие этого, стыд в таджикском обществе играет дисциплинирующую роль и является защитным механизмом от случаев непристойности и бесстыдства.

Таким образом, на наш взгляд, стыд в контексте нашего общества ассоциируется, с одной стороны с негативными эмоциями, неприятным чувством индивида, как это понятие представляется вообще, с другой стороны ситуативными положительными эмоциями. С точки зрения негативных эмоций субъект стыда – индивид, совершивший социально неприемлемый поступок или качество, неодобренное обществом, становится объектом стыда. Человек, совершивший неблаговидный поступок внутренне глубоко переживает случившееся. В положительном отношении это явление не всегда доставляет человеку неудовольствие и дискомфорт, а имея возрастные особенности, меняет свое коренное значение отрицательности на положительное. Следовательно, стыд, явление контрастное, скорее всего понятие духовное, чем морально-общественное. Однако А.П. Скрипкин, А.В. Разин считают, что стыд это категории морали. [4] Норма общественной дозволенности поступка определяется, прежде всего, религией, тем более в таких традиционных обществах как таджикское. Границы стыдливости и нестыдливости начерчены контекстуально. Если действие совершенное действительно неприемлемо обществом и серьезно осуждается его членами, значит это положение имеет свои принципиальные причины и почву и данная ситуация естественно отрицательно окрашивает человека, в результате чего он попадает в центр осудительного внимания. Мы не совсем разделяем данную точку зрения. Так как речь идет об особенностях таджикского социума, необходимо подчеркнуть все существующие нюансы по данному поводу. В таджикской интерпретации этот феномен не слишком негативно трактуется, а иногда даже высоко оценивается, особенно относительно женского пола. Оцениваясь как украшение стыд для женщины имеет значение целомудрия. Если будем исходить из того, что стыд является следствием аморального поведения, то наше отношение и наблюдения не полностью охватывают настоящее положение в таджикском обществе. Несомненно, что стыд это состояние человека, где происходит осуждение моральных поступков или недостатков. На этот аспект указывает П.А. Флоренский, который отмечает: Стыд должно таиться внутри, и что – быть обнаженным, но когда стыдливости нет, тогда является бесстыдство и цинизм, – нисхождение сознания в таинственный сумрак корней бытия...».[2]

Всестороннее наблюдение и анализ ситуации позволяют нам сделать дополнительные выводы к общепринятым в ученом мире заключениям. Наш личный опыт и знание свидетельствует о том, что стыд есть противоречивое контрастное явление.

Литература

1. Аляутдинов Ш. Женщины и ислам// Москва-С.Петербург.: Диля, 2011. С.11
2. Новиков Е.В. Теория воссоединяющего стыда и этика...razumru.ru/humanism/journal/36/novikov.htm.
3. Разин А. В. Стыд// Словарь философских терминов/ Научная редакция проф. В. П. Кузнецова. М.: ИНФРА, 2004.
4. Скрипкин А. П. Моральное зло в истории этики и культуры// М.: Политиздат, 1992. С. 18-19.
5. Смирнов А. В. Классическая арабо-мусульманская мысль// История этических учений: Под ред. А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С.265.

References

1. Aljautdinov Sh. Zhenshhiny i islam// Moskva-S.Peterburg.: Dilja, 2011. S.11
2. Novikov E.V.Teorija vossoedinjajushhego styda i jetika...razumru.ru>humanism/journal/36/novikov.htm.
3. Razin A. V. Styd// Slovar' filosofskih terminov/ Nauchnaja redakcija prof. V. P. Kuznecova. M.: INFRA, 2004.
4. Skripnik A. P. Moral'noe zlo v istorii jetiki i kul'tury// M.: Politizdat, 1992. S. 18 19.
5. Smirnov A. V. Klassicheskaja arabo-musul'manskaja mysl// Istorija jeticheskikh uchenij: Pod red. A. A. Gusejnova. M.: Gardariki, 2003. S.265.